

ISSN 2949-5121 (PRINT)
ISSN 2949-5148 (ONLINE)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

2023 № 3

- Конструктивная природа эмпирического знания в науке
- Семантическая процедура: установление поля значения
- Интеграционные процессы как основа метапредметности в системе образования

ISSN 2949-5121 (print)

2023 / № 3

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2023 / № 3

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала «Современные философские исследования»
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. — 2023. — № 3. — 130 с.

© ГУП, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philosmgou.ru

**Founder of the journal "Contemporary Philosophical Research":
State University of Education**

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Aviation Institute (National Research University);

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2023. – No. 3. – 130 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

- Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шимко А. В.* Семантическая процедура: установление поля значения. Статья I..... 6

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Виноградов А. И., Красова Е. М.* Понимание И. А. Ильиным государства как субъекта права 13

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Евстифеева Е. А., Вердиев Э. З.* Экспертиза как подтверждение и опровержение авторитета 20
- Лебедев С. А.* Конструктивная природа эмпирического знания в науке 29
- Молчан Э. М.* Аксиологический императив в научных предикатах мировоззрения 51
- Рочняк Е. В.* Современная экология как идейная база развития философии экологии, экологической философии и философии природы 62
- Синенко В. Я., Бондарева Я. В.* Интеграционные процессы как основа метапредметности в системе образования (философско-педагогический дискурс)..... 68

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Георгиу Т. С.* Война, искусственный интеллект и человек: куда мы направляемся? 76
- Зенов Е. В.* Механизмы функционирования толерантности в российском образовании... 86
- Майкова В. П., Ильченко Д. А.* Пути и способы формирования патриотизма как фактора государственной безопасности..... 93
- Мальченков С. А.* Цивилизационное единство постсоветского пространства: символические компоненты 102
- Черемных Л. Г., Губанов Н. Н.* Умеренный и радикальный трансгуманизм 112

РЕЦЕНЗИИ

- Степанова О. И.* Рецензия на книгу: Russian Philosophy In Exile And Eretz – Israel. Part 2.2. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021. 280 p..... 122

CONTENTS

ONTOLOGY AND THEORY OF COGNITION

- V. Ilyin, I. Kokoeva, P. Rodin, A. Shimko.* Semantic Procedure: Setting the Value Field.
Article I. 6

HISTORY OF PHILOSOPHY

- A. Vinogradov, E. Krasova.* I. A. Ilyin's Concept of the State as an Agent of Law 13

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- E. Evstifeeva, E. Verdiev.* Expertise as Confirmation and Refutation of Authority. 20
S. Lebedev. The Constructive Nature of Empiric Cognition in Science 29
E. Molchan. Axiological Imperative in Scientific World View Predicates 51
E. Rochnyak. I. A. Ilyin's Modern Ecology as an Ideological Basis for the Development
of the Philosophy of Ecology, Ecological Philosophy and Philosophy of Nature 62
V. Sinenko, Ya. Bondareva. Integration Processes as the Basis of Meta-Subject
in the Education System (Philosophical and Pedagogical Discourse). 68

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

- T. Georgiou.* War, Artificial Intelligence and Human: Where are We Going to?..... 76
Ye. Zenov. Mechanisms for Functioning of Tolerance in Russian Academia. 86
V. Maykova, D. Ilchenko. Ways and Means of Forming Patriotism as a Factor of State
Security. 93
S. Malchenkov. Civilizational Unity of the Post-Soviet States: Symbolic Components 102
L. Cheremnyh, N. Gubanov. Moderate and Radical Transhumanism 112

REVIEWS

- O. Stepanova.* Book Review: Russian Philosophy in Exile and Eretz-Israel. Part 2.2.
Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem, 2021. 280 p. 122

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 13

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-6-12

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА: УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЯ ЗНАЧЕНИЯ. СТАТЬЯ I

Ильин В. В., Кокоева И. А., Родин П. Н., Шимко А. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Продемонстрировать многоотсечность, полифундаментальность конституирующей понимание герменевтической процедуры.

Процедура и методы. Рефлексия опыта мыследеятельности по установлению «вещественного значения».

Результаты. Обосновано: а) назначение денотации – соотнесение – приведение в соответствие, нахождение взаимной связи между объёмами понятий и отображаемыми ими вещами; б) провести денотацию означает реифицировать, объективировать, материализовать, исключить абстракции, найдя область их явленческих воплощений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показано: установление предметного значения ресурсом философской (гносеологической) семантики, перекрывая достаточно узкий горизонт лингво-логического подхода, предполагает смену базовых целеориентаций удостоверительной деятельности со знако- и мироцентризм в критико-аналитической дихотомизации *verbis – rebus*.

Ключевые слова: воплощение, значение, понимание, смысл, текст

SEMANTIC PROCEDURE: SETTING THE VALUE FIELD. ARTICLE I

V. Ilyin, I. Kokoeva, P. Rodin, A. Shimko

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To demonstrate multifunctionality and polyfundamentality which constitute understanding of hermeneutical procedure.

Methodology. Reflection of the experience of our activity on the establishment of “real meaning”.

Results. The following concepts are justified: a) the purpose of denotation is correlation – matching, finding a mutual connection between the volumes of concepts and the things displayed by them; b) to carry out denotation means to reify, objectify, materialize, exclude abstractions, finding the area of their phenomenal embodiments.

Research implications. It is shown that the establishment of the subject value by the resource of philosophical (epistemological) semantics, overlapping a rather narrow horizon of the linguistic approach, implies a change of the basic goal orientations of the certification activity from the knowledge of symbol-to the world-centrism in the critical-analytical dichotomization of *verbis-rebus*.

Keywords: embodiment, meaning, understanding, meaning, text

Введение

На архаичной стадии культуры изъяснительно-выразительный – словесный – ресурс расценивался подлинным творцом мира. Внутренняя форма слов, упорядоченных дериватами, как отмечает Л. З. Сова, превращается в космогоническую легенду, становится демиургом Вселенной: в силу параллелизма *poiesis* – *rei* мир слов отождествляется с миром реалий [5, с. 234–235].

Мир, данный в слове, через слово, – мир «сам по себе»; – нетождественность двух универсумов утрированно оформлялась и, наконец, оформилась в Новое время, знаменовавшее капитальный фазовый переход первого рода в рефлексивном продуцировании опыта мыследеятельности. Для целей нашего изложения первостепенно подчеркнуть значимость двух инновационных моментов:

- окончательной дискредитации «исследования» в духе *ratio scripta*;

- интенции на установление «за словами» (символами) предметных обстоятельств.

Плодотворный эффект объективно подготовленных инспирирующих новаций – поворот от «слов» к «миру», выражаемый общеметодологической платформой *parata duce utendum est*.

Правила создания, толкования текстов (лат. *textus* – сплетение, ткань, связь) абсорбируются экзегетикой (религиозный отсек текстоведения), герменевтикой (светский отсек текстоведения) и их ядром – лингвистической, логической семантикой; правила раскрытия предметно-вещного значения текстов абсорбируются общенаучной методологией и её ядром – философской (гносеологической) семантикой.

Виды «значения»

В семиотике различают предметные, смысловые, экспрессивные виды значений.

Экспрессивные значения (тон, интонация, поведенческий ситуативный контекст общения) изучаются паралингвистикой.

Смысловые значения (информация о предметном значении знаков) изучают-

ся лингвистикой (лексическое, морфологическое, этимологическое значение), логикой, зачастую синкретизирующей предметное (*meaning*) и смысловое (*sense*) значение, – традиция от Дж. Ст. Милля, Фреге, Карнапа. Во избежание смешения значения со смыслом компетенцию логического подхода к толкованию значения ограничим указанием множества индивидов, подводимых под знаковые выражения: приписание значений формальным утверждениям производится использованием специальной функции *R*, ставящей в соответствие сингулярным термам индивиды из фиксированных областей индивидов, одноместным предикатам – свойства, *n*-местным предикатам – отношения. Если идти дальше, стремимся к законченности формулировок, – правильно построенным формулам (записям без свободных переменных) приписывают истинностные значения (от бинарных: истина / ложь – до *n*-арных, вплоть до выражений, не имеющих определённых значений).

Разделяя предметное и смысловое поле абстракций, поисково-философская (гносеологическая) семантика дифференцирует задачи установления значения и обнаружения смысла.

Техника идентификации «значения»

Сверхзадача фиксации предметного значения продуктов познавательной – символической – деятельности – снятие вопроса их онтологической состоятельности. Если познание толковать как вполне свободное, ничем не скованное креативное движение мыслотока в сфере *fiction*, произведения (сочинения) которого возникают усилиями эвристического расширяющего синтеза, тогда любой предметный опыт суть «пародия на идею» (Гёте).

Как возникают идеи? Пробегая трудно восстанавливаемую эмпирическую генеалогию, – отрешённо, – за счёт продуктивного конструирования творческим спряганием образов, – по тропному механизму воображения – не генерализации ощущений элементарным освоением *ex datis* [2].

Во всех случаях тематизации идейного творчества пальма первенства в сильной гносеологии отдаётся не примитивным ассоцианистским схемам Локка – Гартли, но линии Овидия, утверждавшего: *Nil non mortale tenemus. Pectoris exceptis ingenii que bonis*. Сокращённо: владеем тем, что дают сердце и творческий дар. Не опытное, – умственное экспериментирование.

Всё прекрасное трудно (*chalepa ta cala*) и не действительно.

В художественном опыте – отсветы, блики образов. Тот же «чёрный квадрат». Нечто гениальное? Что именно? То, что навечно (иначе и не сказать!) гегелевским панлогистским учением о «ничто»?

В научном опыте – усложнение образной натуры накидыванием отрешённых слоёв. Взять «координаты». Они величины, определяющие положение точек в каком пространстве? Координатных систем столь много, что впору проводить их специальную систематизацию. Напомним – есть: прямоугольные, косоугольные, полярные, однородные, проективные, тетрациклические, пентасферические, биполярные, параболические, эллиптические, криволинейные, тангенциальные координаты, – они корреспондируют стандартному (здравомысленному) представлению о местонахождении?

Завораживающие символические продукты, получаемые инициативным просмотром постулируемых потенциалов. Ключевое здесь – воображительная деятельность, поддерживаемая тремя китами, какими пребывают:

- инициативность: не прямая, непосредственная генерализация «объективно данного», но выпуск представлений из собственной, как бы сказал Фихте, *ichheit*;

- постулативность: онтологически окутанная «занавесом неведения» (Роулз) допускаяемость;

- потенциальность: гносеологически – виртуальность, осуществимость в возможном.

Три в одном образуют генологическую основу «сверхъ-естественного» аутопоэ-

зисного выпуска сущего по свободному комбинированию в стиле *idee fixe*.

Действительность сотворяется в мысли по инициативности, постулативности, потенциальности. Такова генеалогическая развёртка проблемы – по-гречески – того, что «брошено перед» (моим взором). Принимая во внимание, что «бросаться перед» моим взором может как реальное, так и ирреальное, обостряется вопрос онтологической насыщенности определённых объективных или субъективных правил образных конструкций, завоёвывающих Вселенную и неотвратимой силой достоверности, и силой привлекательного фантазма.

В такой диспозиции гносеология решает одну задачу: преодоление пустого плетения словес в созидании умственных возможностей, хватающихся за реалии в радостном отправлении подвига служения не призракам, но существенности. Так возникает необходимость сдерживания произвола всё позволяющего себе надменного интеллекта, влекущая проведение демаркации между ввергающим в полнейшее безнарядье исследовательским своеволием и причастным даймониону внутренним порывом к правдоисканию, *ad finem* устремляющим к истине.

Опорной, проверочной точкой гносеологической демаркации истины и заблуждения, фантома и правильности оказывается распознавание предметной значимости рассуждений – реставрация вещественных основ творчески воспроизводимых наукой связей объектов.

Как говорят, нет невозможного, есть самоограничения. Сжато резюмируем принципиальные подходы к «самоограничению», позволяющие выстраивать гносеологически эффективную доктрину креативной и одновременно предметной познавательной деятельности.

(1) параллелизм рядов «идей и вещей» – следствие вмешательства в знание трансцендентных ему факторов (бог – Декарт; *intellectus infinitus* – Спиноза; *harmonia preestabilitada* – Лейбниц; аффицирование

«вещи в себе» – Кант; абстрактный дух – Гегель и др.);

(2) интуитивизм – прямая, непосредственная фиксация предметности в знании вследствие эффекта усмотрения-узрения;

(3) диалектический материализм – не-явное присутствие *status rerum*, устанавливаемое «задним числом» в результате практического опробования знания.

Не пускаясь в детализации, выдвинем обобщающее оценочное суждение: поскольку по высказанному ранее [1] имманентный способ задания предметного строя знания неадекватен, не остаётся иного, как внедрять в гносеологическую тематизацию познавательного процесса внешние (трансцендентные) скрепы; в противном случае задача предметности познания не решить. Отсюда оправданность введения в экспликации сверх-, транс-, над-личностных, персональных, индивидуальных факторов. Неважно, какого рода. Важно – собственно внепознавательного.

Между тем осмысленное в тотальном целесообразном не может считаться таковым в локально целесообразном – ситуативном: адресация к за-, внеконтекстным (необозримым) обстоятельствам не позволяет различать приемлемое – неприемлемое в оперативном поиске. Последний – по определению – отягощён грузом разноречивых привнесений; какое же накопление каких условий – в отсутствии *logistica speciosa* (упование юриста-математика Виета) – способно выработать сбалансированное решение?

По принятому убеждению – недвусмысленное обращение к реалиям, выявление вещественных значений.

Гипноз отработанной в опыте научных исканий платформы, однако, не препятствует выработке о ней ясного понятия. Итак: какая реальность, каким образом запечатлевается в знании?

Оттолкнувшись от известной коллизии упрощения неевклидовых геометрий.

Полноценную критику евклидовой аксиомы о параллельных (с использованием в доказательстве приёма приведения к противоречию) предлагали Саккери

(1733), Ламберт (1766), Швейкарт (1818), Тауринус (1825), не добившиеся успеха. В 1826 г. Лобачевский анонсировал «Сжатое изложение основ геометрии со строгим доказательством теоремы о параллельных», а в 1829 г. издал сочинение «О началах геометрии» (в 1832 г. систему неевклидовой геометрии развивал Больяи – знаменитый «Аппендикс, т. е. приложение, содержащее науку о пространстве, абсолютно истинную»; позже, как выяснилось, аналогичные идеи отработывал Гаусс, не решившийся, правда, ни поддержать Больяи, ни вынести их на суд общечеловечности).

Как бы то ни было, субъективно Лобачевский руководствовался стратегией – наука (геометрия) описывает объективное пространство: «...геометрические свойства пространства ... зависят от физических свойств материальных тел и поэтому возможны многие геометрии и не может быть никакого противоречия, когда ... некоторые силы в природе следуют одной, другие своей особой геометрии» [3, с. 158–159].

Затруднение: как обнаружить конкретные силы в природе, которые следуют «своей особой (неевклидовой. – В. И., И. К., П. Р., А. Ш.) геометрии», оказывается неэлементарно снимаемым.

Полученную как модельный ход «особую геометрию» Лобачевский толковал как «воображаемую», соотносящуюся с «космическим пространством», где: сумма углов треугольника меньше 2π ; отсутствует подобие треугольников, многоугольников; длина окружности возрастает быстрее радиуса; углы и длины зависят друг от друга; единицей длины служит длина абсолютной дуги орицикла; аппарат вычислений базируется на комбинировании гиперболическими функциями [4, с. 398–399].

Эта и впрямь необычная «воображаемая» геометрия, получаемая не обобщением опыта, а модельной модификацией стандартной опытно адаптированной евклидовой теории (ревизией аксиомы о параллельных).

Если и в менее скованном обузой проверки искусстве противятся вычурным ак-

туалистским, презентистским, модернистским модификациям классики, как быть в более строгой науке? Отсутствие прямых эмпирических свидетельств в пользу вводимых Лобачевским «вообразительных» инноваций оказалось достаточным для их неприятия; проект геометрии «космического пространства» подвергся энергичной критике.

Удостоверение гиперболической геометрии упиралось в нахождение вещественных носителей, получаемых по предположению на «кончике пера» относительно «пустых», как минимум, опытно неадаптированных абстракций. Возможна ли их верификация принципиально?

В 1931 г. (!) Шиллинг доказал, что современные средства астрономической техники не способны ни подтвердить, ни опровергнуть «предположения Лобачевского о геометрии космического пространства, если допустить, что радиус кривизны пространства превышает 60 световых лет» [4, с. 401]. Этого мало: «неутешительные данные наблюдательной астрономии дополняет общая теория относительности, которая для изотропного мира даёт значение радиуса кривизны $1,8 \cdot 10^9$ световых лет» [4, с. 401].

Как видно, вопрос экспериментального наполнения положений гиперболической геометрии вещественным значением сам собою отпал. Что оставалось? Использовать лишь неучтённый ресурс интерпретации общей теории поверхностей, позволившей доказать непротиворечивость геометрии Лобачевского относительно евклидовой геометрии (непротиворечивость последней доказывалась непротиворечивостью её относительно арифметики, тогда как непротиворечивость классической арифметики доказывалась прямым образом. Соответствующий результат в 1936 г. получил Генцен; ранее в 1931 г. Гёдель доказал: если непротиворечива интуиционистская арифметика (без закона исключённого третьего), то непротиворечива и классическая арифметика (с данным законом); позднее в 1941 г. Новиков подтвердил доказательство Генцена).

Непреходящими вехами на интересующем нас пути пребывали:

- построение Гауссом внутренней геометрии поверхностей;
- получение Миндингом образа поверхности постоянной отрицательной кривизны (вращением трактрисы вокруг её асимптоты – псевдосферы);
- результат Бельтрами, устанавливающий изоморфизм внутренней геометрии псевдосферы внутренней геометрии гиперболической поверхности Лобачевского.

Выявление предметного значения гиперболической геометрии, таким образом, осуществлялось трёхступенчатой трансмиссией, усиливаемой в дальнейшем вкладом:

- Клейна, продемонстрировавшего: «проективная геометрия Кэли, определяемая действительной кривой второго порядка, совпадает с метрикой пространства постоянной отрицательной кривизны» [4, с. 404] (плоскость – внутренность круга; пространство – внутренность шара); достижение Клейна, толкующее геометрию Лобачевского как геометрию подгруппы всех проективных преобразований, расценивается как полная, исчерпывающая демонстрация непротиворечивости гиперболической геометрии, имеющей предметно удостоверенное значение;

- Паункаре, показавшего инвариантность свойств фигур внутри круга, шара (где и выполняются законы гиперболической геометрии) относительно конформных преобразований (сохраняющих углы).

Заключение

Острота с установлением предметного содержания абстрактных конструкций спала в современности в связи с упрочением:

- Эрлангенской программы Клейна, увязывающей определённую пространству со свойствами группы его движений: движение суть преобразование, уподобляющее фигуры одинаковым свойствам; центрируется группа свойств пространственных объектов, инвариантных относительно движения, по которой различаются

геометрии (геометрия Евклида оценивает инварианты перемещений; аффинная геометрия – свойства фигур на плоскости, сохраняющихся при аффинных преобразованиях; проективная геометрия – свойства фигур, инвариантных проективным преобразованиям; конформная геометрия – инвариантность движения, подобия, инверсии; геометрия групп непрерывных преобразований (топология) – бесконечную близость точек и т. д.);

– программы Римана, задающей пространственные многообразия по закону изменения расстояния между бесконечно близкими элементами (согласно формуле

$$ds^2 = \sum_{i,k} g_{ik} dx_i dx_k).$$

Теперь возникает далеко не техническая – нетривиальная метатеоретическая задача увязывания группового и метрического принципов геометрии, располагающаяся в сфере гносеологического идеала знания.

Жирную точку во всех хитросплетениях, перипетиях обретения геометрий предметной значимости поставил Гильберт, обобщивший опыт аксиоматизации, рефлексии основоположений этой науки Паша, Пеано, Пиери и выстроивший её полноценную, строгую аксиоматическую версию. Аксиоматизация геометрии легализовала рассмотрение абстрактных вообразительно получаемых многообразий (пространственно подобных форм), исходно выхолощенная предметная сторона которых отыскивается в позднейших моделях.

Аксиоматизированная абстрактная геометрия как таковая, – мир «чистых», лишённых конкретного содержания, неглядных возможностей – организуется как неинтерпретированное исчисление (набор формул, не имеющих выполнения на объектах), где *volens-nolens* допускается контаминация предметных и смысловых значений.

В некоторых случаях данным обстоятельством можно пренебречь (приравниванием собственных «имён» объектов

к «денотатам»), в некоторых же случаях поступать так опрометчиво, чревато. При тех же стремлениях разрешить: каким конкретно космическим интервалам корреспондирует «воображаемая» гиперболическая геометрия?

Взять орисферу (предел сфер бесконечно увеличивающегося радиуса), орицикл (на плоскости Лобачевского предел окружностей бесконечно увеличивающегося радиуса) – центральные концепты геометрии Лобачевского ни эмпирически, ни операционально не выполнимы; – тогда почему не пусты? Не в смысловом, а в предметном выражении, которое каким-то образом (не в функции «смысла имени» – Фреге, Чёрч [6, с. 19]) должно заявляться, удостоверяться (помимо формального приписания имени истинностного значения: истина – ложь).

Фактооправдываемость мыслительных конструкций производится реификацией, материализацией – объектным представлением. В большинстве случаев – приложениями – исполнением концептуальных формулировок на реальных областях явлений.

В казусе гиперболической геометрии соответственными реализуемыми через приложения объективациями выступают: кинематика СТО; изотропия Вселенной (ОТО), пространство которой описывается аппаратом геометрии Лобачевского.

Ответственный тезис, пожалуй, звучит так: казус гиперболической геометрии, – жизненные мытарства её создателей, утративших покой, стремление к наслаждению жизнью, – имели бы куда менее каверзное наполнение при непосредственном обнаружении её предметного достоинства (на что уповал Лобачевский, заменяя на орисфере прямые орициклами) введением оstenсивов, эмпирически – визуально – фиксирующих систему обстоятельств в искривлённом гиперболическом пространстве, где средняя плотность космической материи $\rho_0 < 10^{-29}$ г/см³.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: URSS, 2012. 168 с.
2. Ильин В. В. Теория познания. Эвристика. Креатология. М.: Проспект, 2019. 173 с.
3. Лобачевский Н. И. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.; Л.: Гостехиздат, 1949. 611 с.
4. Рыбников К. А. История математики. М.: Московский университет, 1974. 455 с.
5. Сова Л. З. У истоков языка и мышления. Генезис африканских языков. СПб.: Лабрис, 1996. 384 с.
6. Чёрч А. Введение в математическую логику. Т. 1 / пер. В. С. Чернявского. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 485 с.

REFERENCES

1. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Vvedenie. Obshchie problemy* [Theory of Knowledge. Introduction. Common problems]. Moscow, URSS Publ., 2012. 168 p.
2. Ilyin V. V. *Teoriya poznaniya. Evristika. Kreatologiya* [Theory of Knowledge. Heuristic. Creatology]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 173 p.
3. Lobachevsky N. I. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 2* [Collected Works. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, Gostekhizdat Publ., 1949. 611 p.
4. Rybnikov K. A. *Istoriya matematiki* [History of Mathematics]. Moscow, Moscow University Publ., 1974. 455 p.
5. Sova L. Z. *U istokov yazyka i myshleniya. Genezis afrikanskih yazykov* [At the Origins of Language and Thinking. Genesis of African Languages]. St. Petersburg, Labris Publ., 1996. 384 p.
6. Church A. Introduction to Mathematical Logic (Rus. ed.: Chernyavsky V. S., transl. *Vvedenie v matematicheskuyu logiku. T. 1*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1960. 485 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Кокоева Ирина Александровна – ассистент кафедры непрерывного образования Центра повышения квалификации и профессиональной переподготовки Государственного университета просвещения;
e-mail: Kokoevaia@mail.ru

Родин Павел Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: pn_rodin@mail.ru

Шимко Алексей Владимирович – ассистент кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: ashimko83@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: vvilin@yandex.ru

Irina A. Kokoeva – Assistant, Department of Continuous Education of the Center for Advanced Training and Professional Retraining, State University of Education;
e-mail: Kokoevaia@mail.ru

Pavel N. Rodin – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: pn_rodin@mail.ru

Alexey V. Shimko – Assistant, Department of Constitutional and Civil Law, State University of Education;
e-mail: ashimko83@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семантическая процедура: установление поля значения. Статья I / В. В. Ильин, И. А. Кокоева, П. Н. Родин, А. В. Шимко // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 6–12.
DOI: 10.18384/2949-5148-3-6-12

FOR CITATION

Ilyin V. V., Kokoeva I. A., Rodin P. N., Shimko A. V. Semantic Procedure: Setting the Value Field. Article I. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 6–12.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-6-12

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-13-19

ПОНИМАНИЕ И. А. ИЛЬИНЫМ ГОСУДАРСТВА КАК СУБЪЕКТА ПРАВА

Виноградов А. И.¹, Красова Е. М.²

¹Мурманский арктический государственный университет

183038, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15, Российская Федерация

²Московский гуманитарно-экономический университет,

Северо-Западный институт (филиал)

183032, г. Мурманск, пр-т Кольский, д. 51, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить, как И. А. Ильин понимал сущность государства в качестве субъекта права, и выявить основные характеристики его природы.

Процедура и методы. Проведён анализ работ И. А. Ильина, посвящённых государству как субъекту права, выделены черты государства, раскрывающиеся в его теоретическом и практическом проявлениях.

Результаты. На основе теоретической реконструкции представлений И. А. Ильина о государстве как субъекте права определено, что, согласно ему, сущность государства составляет не насилие, а внутренняя духовная общность составляющих его людей, единство их целей и ценностей.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование способствует уточнению подлинной сущности государства, пониманию его характеристик, как субъекта права, а также условий реализации его задач в интересах всех граждан.

Ключевые слова: субъект права, государство, юридическое лицо, духовный союз людей

I. A. ILYIN'S CONCEPT OF THE STATE AS AN AGENT OF LAW

A. Vinogradov¹, E. Krasova²

¹Murmansk Arctic State University

ul. Captain Yegorov 15, Murmansk 183038, Russian Federation

²Moscow Humanitarian and Economic University,

North-West Institute (branch),

prosp. Kolsky 51, Murmansk 183032, Russian Federation

Abstract

Aim. To formulate I. A. Ilyin's understanding of the essence of the state as a subject of law and to identify the main characteristics of its nature.

Methodology. The analysis of I. A. Ilyin's works devoted to the state as a subject of law was carried out; the features of the state revealed in its theoretical and practical manifestations were highlighted.

Results. Based on the theoretical reconstruction of the ideas of I. A. Ilyin about the state as a subject of law, it is determined that, according to him, the essence of the state is not violence, but rather the inner spiritual community of its people, the unity of their goals and values.

Research implications. This research contributes to clarifying the true essence of the state, understanding its characteristics as a subject of law, as well as the conditions for the implementation of its tasks in the interests of all citizens.

Keywords: subject of law, state, juridical person, spiritual union of people

Введение

С точки зрения юридической науки все субъекты права подразделяются на индивидуальные (физические лица) и коллективные (юридические лица). Но даже беглый взгляд на эти разновидности показывает, что проблемы, связанные со вторым, коллективным типом субъектов права, сложнее, чем проблемы, имеющие отношение к первому, индивидуальному их типу. Очевидно, например, что с правовой точки зрения индивидуальные субъекты права обладают гораздо большей однотипностью, чем коллективные: государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения и других обстоятельств. Среди коллективных субъектов права значительно больше разнообразия, поэтому во многих случаях закон предполагает дифференцированное отношение к их разновидностям: например, ч. 3 ст. 1.4 «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» предусматривает особые условия применения мер административной ответственности в отношении некоммерческих организаций, а также субъектов малого и среднего предпринимательства.

Кроме того, коллективный субъект права, в отличие от индивидуального, носит куматоидный характер, единство составляющих его частей часто нарушается. Вследствие этого некоторые авторы даже считали их фикциями. Например, знаменитый немецкий правовед Савиньи высказывал мнение о том, что существование коллективных субъектов права «основывается на представленном в нём желании отдельных определённых людей, которое в результате фикции приписывается ему как его собственная воля» [9, с. 173]. Известный русский юрист начала XX в. Алексей Михайлович Гуляев считал возможным давать юридическому лицу чисто отрицательное определение: «юридическое лицо есть субъект права, не подходящий под понятие физического

лица» [2, с. 51]. Такой подход разделял и другой русский юрист – Дмитрий Иванович Мейер, который также полагал, что юридическому лицу невозможно дать другого определения, кроме отрицательного: он определял юридическое лицо как «нефизическое» и отмечал, при этом, что «можно, пожалуй, прикрыть отрицательный характер определения, но, в сущности, оно всё-таки остаётся отрицательным» [8, с. 104].

Таким понимание юридического лица (особенно государства, как наиболее значимого среди них) не могло оставаться, т. к. оно не было удовлетворительным даже с точки зрения формальной логики, поскольку отрицательное определение не выполняет свою основную задачу – «не раскрывает содержание определяемого понятия»¹.

Условия существования юридического лица как субъекта права

На этом фоне Иван Александрович Ильин ставит задачу сформулировать содержательное определение юридического лица как коллективного субъекта права. Начинает он с условий, благодаря которым становится возможным само существование такого лица. Это, во-первых, единство цели у людей, объединяющихся в коллективный субъект, и, во-вторых, наличие общего для всех их интереса [4, с. 93]. Если эти условия имеются, то, согласно И. А. Ильину, возникает именно лицо, субъект. Под их влиянием куматоидный характер коллективного субъекта отходит на второй план и не оказывает на его жизнедеятельность значительного воздействия.

Первое условие – единство цели у граждан, объединённых в государство, – позволяет такому субъекту проявлять активность, которая порождена его внутренней инициативой, возникающей из понимания им своих собственных интересов. А это один из важнейших признаков самостоятельного субъекта деятельности, или, иначе, лица. В качестве примеров проявления

¹ Демидов И. В. Логика: учебник / под ред. Б. И. Каверина. 10-е изд. М.: Дашков и К°, 2021. С. 76.

подобной деятельности государства как субъекта права И. А. Ильин приводит его возможность объявлять войну, заключать договоры, издавать законы, проводить конфискацию и совершать другие действия, обусловленные тем или иным пониманием своих целей [4, с. 277–278].

Второе условие – наличие общего для всех граждан интереса – имеет для единства государства ещё большее значение, чем предыдущее условие. Благодаря общему интересу не просто возникает единство во внешней деятельности, но складывается внутренняя духовная общность этого коллективного организма, складывается цельное единство, необходимое для того, чтобы считать государство подлинным субъектом деятельности. Имея в виду именно это условие, И. А. Ильин характеризует государство как «некую духовную общину» [5, с. 241]. Наличие у государства признака духовности ещё больше сближает его с физическим лицом, являющимся «духовным индивидуумом».

Таким образом, единство цели и наличие общего для всех интереса, по И. А. Ильину, превращает юридическое лицо (в том числе государство) из объекта в субъект права, не в формально декларируемое, а в реально существующее и действующее лицо.

«Государство в теории» и «государство на практике»

Следующим шагом в понимании государства как субъекта права было проведение И. А. Ильиным сравнительного анализа теоретических представлений о государстве с реально существующими государствами.

И. А. Ильина нельзя назвать оторванным от жизни мечтателем, особенно если вспомнить его спор с Л. Н. Толстым о необходимости применения силы в противостоянии злу, но, надо признать, что его представление о «государстве в теории» содержит значительную долю идеализации. В теоретическом аспекте государство, по И. А. Ильину, выглядит так: «духовный союз людей, обладающих зрелым правосознанием и властно утверждающих есте-

ственное право в братском, солидарном сотрудничестве» [3, с. 276]. Вырванное из контекста, это определение может вызвать упреки в утопичности, но, рассмотренное с точки зрения целостного учения, оно открывает нам исключительно важный аспект понимания И. А. Ильиным природы государства. Он для того и выделял представления о «государстве в теории» и «государстве на практике», чтобы отделить идеальные принципы от исторически реализованных форм. Значение идеала заключается не в том, что его когда-то возможно будет реализовать, а в том, чтобы служить ориентиром для движения и критерием для оценки достигнутого состояния. И. А. Ильин прекрасно понимал, что этот идеал в реальной жизни может быть воплощён лишь частично, но он позволяет дать принципиальную оценку всем исторически существующим формам государства и ясно увидеть вектор их развития.

Кроме того, сформулированное И. А. Ильиным идеальное понимание государства выполняет ещё одну крайне важную функцию: оно очень нетипично, можно даже сказать, неожиданно характеризует природу государства. Мы привыкли определять государство как «аппарат насилия». И. А. Ильин же, как мы уже отмечали, не отрицал неизбежности насилия в практической деятельности государства, но фокусировал внимание на том обстоятельстве, что развитость государства определяется уровнем достигнутого её гражданами правосознания. Когда этот уровень достигает определённой зрелости, гражданин перестаёт воспринимать государство как противостоящую и чуждую ему силу, но понимает, что государство, организуя с помощью законов внешний порядок его жизни, обеспечивает ему возможность для свободной реализации его внутренних потребностей. В связи с этим И. А. Ильин подчёркивал добровольный характер признания человеком необходимости соблюдения государственных законов: «человек призван к тому, чтобы добровольно вменить себе законы своего государства, стараться верно понимать их и повиноваться

им по чувству свободно признанной обязанности» [5, с. 226].

Очевидно, что осуществить подобный подход может только духовно подготовленная личность, не та, что стремится к реализации своих узко понятых корыстных целей любыми путями, а та, что видит свои цели вписанными в широкую панораму коллективного субъекта, частью которого она является, и осознаёт разумность и нужность тех ограничений, которые коллективный субъект на неё накладывает. Конечно, в «государстве на практике» находится место для реализации обеих моделей поведения, но даже само их выделение имеет значение для постановки задачи воспитания людей с правильным правосознанием.

Кроме того, «государство в теории» И. А. Ильина обращает наше внимание на то, что решение многих, казалось бы, чисто правовых проблем «государства на практике» зависит от духовной стороны жизни людей. Дело в том, что он рассматривал государство как внешнюю форму жизни человека, как способ реализации его внутренней духовной сущности. А это, в свою очередь, означает, что какова будет эта сущность, такова будет и государство как её реализация: «Право и государство возникают из внутреннего, духовного мира человека, создаются именно для духа и ради духа и осуществляются через посредство правосознания» [5, с. 234]. Получается, что, какие бы суровые, даже репрессивные меры государство не применяло, оно не сможет изменить неудовлетворительную для него ситуацию, пока не изменится духовное состояние его граждан. Именно народный дух, согласно И. А. Ильину, «определяет основание государственности» [7, с. 114].

Государство: корпорация или учреждение

Все юридические лица подразделялись И. А. Ильиным на две разновидности: корпорации и учреждения. Разница между ними заключается, по мнению мыслителя, в следующем: когда речь идёт о корпора-

ции, то «люди сами входят в создаваемое ими юридическое лицо, активно действуют в нём и управляют им», когда же об учреждении, то оно «может быть организовано помимо тех людей, интересам и целям которых оно будет служить» [4, с. 94].

Из сказанного очевидно, что корпорация в гораздо более полном смысле, чем учреждение, соответствует тому пониманию субъекта права, которое имелось у И. А. Ильина. Ведь определяющей силой в корпорации является воля и активность самих людей, что придаёт ей сплочённость и единство деятельности, как и предполагается у любого субъекта. В учреждении наблюдается совсем другая картина: «интерес и полномочие, интерес и целеполагание, целеполагание и действование отрываются (или попарно могут оторваться) друг от друга и распределяются среди различных субъектов» [3, с. 278]. В силу этого субъектно-правовой статус учреждения для И. А. Ильина вообще оказывается под вопросом, хотя прямо и не отрицается.

Разделение юридических лиц на эти два вида применяется И. А. Ильиным в отношении государства, которое может быть построено по одной из этих моделей. Учитывая сказанное выше, можно было бы ожидать, что И. А. Ильин предложит строить государство по корпоративному типу, однако этот вопрос для него не так прост. Он понимал, что обе эти модели при условии их реализации в чистом виде могут породить негативные тенденции, которые разрушат возникшее государство, при них не сможет появиться жизнеспособный субъект права. В отношении модели учреждения это особенно очевидно, т. к. она, предполагая построение сверху, «погасит всякую человеческую самостоятельность, убьёт свободу личности и духа и приведёт к каторге» [6, с. 100]. Но и корпорация, согласно И. А. Ильину, не является панацеей от государственных бед, поскольку она таит противоположную опасность: предполагая построение снизу, «погасит всякую власть и организацию, разложит государство и приведёт его к анархии» [6, с. 100].

Видя проблемы каждой из этих моделей, И. А. Ильин не отвергал их целиком, но предлагал строить государство, используя их наиболее сильные стороны в правильном сочетании. Для того, чтобы избежать как каторги, так и анархии, в этом вопросе он предлагал использовать принципы корпорации и учреждения не огульно, подгоняя всех граждан под одну планку, а дифференцированно, в зависимости от их подготовленности к тому или иному типу государственного управления. Граждане, которые имеют развитое правосознание, умеют управлять собой, осознают сущность государства, понимают стоящие перед ними задачи и цели, понимают истинный смысл свободы, владеют техникой социальной организации, умеют разумно пользоваться политическими и экономическими законами [6, с. 101] – такие граждане готовы к корпоративной организации своей жизни, им можно предоставить значительную свободу деятельности, поскольку в силу осознанности, она не приведёт к анархии. Для остальных необходимы учрежденческие формы организации власти, т. к. эти граждане в силу отсутствия у них зрелого правосознания неспособны на ответственное государственное поведение. К ним относятся «дети, несовершеннолетние, душевнобольные, дикари, политически-бессмысленные, уголовно-преступные, аномальные, жадные плуты и т. п.» [6, с. 101].

Вполне очевидно, что предложенный И. А. Ильиным проект относится скорее к «государству в теории», чем к «государству на практике», т. к. его реализация вызывает слишком много вопросов. Например, та категория граждан, для которых предусматривается организация государства в форме учреждения, слишком неоднородна – часть людей можно отнести к ней достаточно легко по формальному признаку (несовершеннолетние, уголовники, душевнобольные и т. п.), но для отнесения другой части отсутствуют бесспорные формальные критерии (политически-бессмысленные, аномальные, жадные плуты и т. п.). Кто должен брать на себя ответственность

при определении принадлежности граждан к той или иной категории? Как отделить самоуправляющихся граждан от тех, кто к самоуправлению не готов? И ещё много подобных вопросов. И. А. Ильин, будучи опытным правоведом, доктором государственных наук, вряд ли мог игнорировать те организационные проблемы, которые вызвала бы реализация его проекта. Но он не втягивается в их обсуждение, лишь высказывает веру в то, что в будущем Россия сможет найти такое государственное устройство, которое будет гармонично сочетать в себе черты как корпорации, так и учреждения.

Заключение

Подводя итоги краткому рассмотрению представлений И. А. Ильина о государстве как субъекте права, можно констатировать, что мыслитель сумел создать достаточно логичное учение, в котором был последовательно реализован основной принцип его философии – взгляд на все явления человеческой жизни с духовной точки зрения.

Ввиду этого констатированный нами отказ мыслителя рассуждать о практических деталях будущего государственного устройства России вполне оправдан. Он был обусловлен тем, что И. А. Ильин считал необходимым сосредоточить внимание на самом главном – не на частных организационных моментах построения государства, а на принципиальных вопросах его сущности. Как мы видели, определяющими для И. А. Ильина являются духовные качества личности, её подготовленность к тем или иным формам внешнего обустройства её жизни. Каковы будут эти формы – вопрос второстепенный, т. к. они носят временный характер, могут меняться, приспособляться под конкретные условия жизни. В понимании государства как субъекта права И. А. Ильин сосредоточился не на его участии в политических процессах, в войне или в классовом противостоянии, а на его непреходящем значении в качестве важнейшего регулятора всеобщих от-

ношений и объединителя людей на основе общности духовных целей и ценностей. Как не хватает этого понимания современным западным политикам, проявляющим устойчивую тенденцию, заключающуюся в стремлении «говорить с позиции силы, применять санкции, даже видя их бесполезность, а также в совершенно беспер-

спективном желании изменить других» [1, с. 41]. Сколько бед и смертей можно было бы избежать, если бы они имели такое же мудрое понимание роли государства, которым обладал И. А. Ильин!

Статья поступила в редакцию 24.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов А. И., Яшин А. Н. Закат европейца (размышления, навеянные Освальдом Шпенглером) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 39–45.
2. Гуляев А. М. Общие учения системы гражданского права в практике Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за пять лет. Петроград: Сенат. типография, 1914. 79 с.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 149–414.
4. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 47–147.
5. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 39–284.
6. Ильин И. А. Что есть государство – корпорация или учреждение? // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 98–105.
7. Малинин С. А., Губман Б. Л. И. А. Ильин и Г. В. Ф. Гегель: народный дух и устои государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 107–116.
8. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2021. 846 с.
9. Савиньи Ф.-К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 2 / пер. Г. Жигулина. М.: Одесса, 2012. 573 с.

REFERENCES

1. Vinogradov A. I., Yashin A. N. [Decline of a European (Reflections inspired by Oswald Spengler)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 3, pp. 39–45.
2. Gulyaev A. M. *Obshchie ucheniya sistemy grazhdanskogo prava v praktike Grazhdanskogo Kassacionnogo Departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata za pyat' let* [General Teachings of the Civil Law System in the Practice of the Civil Cassation Department of the Government Senate over Five Years]. Petrograd, Senate Publ., 1914. 79 p.
3. Ilyin I. A. [On the Essence of Legal Consciousness]. In: Ilyin I. A. *Sobranie sochinenij. T. 4* [Collected Works. Vol. 4]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994, pp. 149–414.
4. Ilyin I. A. [General Doctrine of Law and State]. In: Ilyin I. A. *Sobranie sochinenij. T. 4* [Collected Works. Vol. 4]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994, pp. 47–147.
5. Ilyin I. A. [The Path of Spiritual Renewal]. In: Ilyin I. A. *Sobranie sochinenij. T. 1* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1996, pp. 39–284.
6. Ilyin I. A. [What is the State – a Corporation or an Institution?]. In: Ilyin I. A. *Sobranie sochinenij. T. 2. Kn. 1* [Collected Works. Vol. 2. Bk. 1]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993, pp. 98–105.
7. Malinin S. A., Gubman B. L. [I. A. Ilyin and G. V. F. Hegel: The National Spirit and the Foundations of the State]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2021, no. 4, pp. 107–116.
8. Mejer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2021. 846 p.
9. Savigny F. C. *System des heutigen Römischen Rechts* (Rus. ed.: Zhigulin G., transl. *Sistema sovremennogo rimskogo prava. Vol. 2*. Moscow, Odessa Publ., 2012. 573 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградов Андрей Иванович – доктор философских наук, профессор, директор Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета;
e-mail: andvinogradov00@mail.ru

Красова Елена Михайловна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела по научно-исследовательской работе филиала Московского гуманитарно-экономического университета Северо-Западного института;
e-mail: krasova-e-murmansk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Director of the Social and Humanitarian Institute, Murmansk Arctic State University;
e-mail: andvinogradov00@mail.ru;

Elena M. Krasova – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., senior researcher of the research department, Moscow Humanitarian and Economic University, Northwestern Institute (branch);
e-mail: krasova-e-murmansk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Виноградов А. И., Красова Е. М. Понимание И. А. Ильиным государства как субъекта права // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 13–19.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-13-19

FOR CITATION

Vinogradov A. I., Krasova E. M. I. A. Ilyin's Concept of the State as an Agent of Law. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 13–19.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-13-19

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 1; 159.9; 32

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-20-28

ЭКСПЕРТИЗА КАК ПОДТВЕРЖДЕНИЕ И ОПРОВЕРЖЕНИЕ АВТОРИТЕТА

Евстифеева Е. А., Вердиев Э. З.

Тверской государственный технический университет

170026, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить факторы снижения доверия к экспертному мнению в эпоху цифровизации. Подвергнуть анализу ситуации, подтверждающие ключевое экспертное мнение и факты их опровержения. Актуализировать случаи, когда неправильное экспертное заключение или мнение подрывают авторитет фигуры эксперта или других субъектов, что вызывает в будущем сомнение и влечёт упразднение института профессионалов.

Процедура и методы. Итоговые выводы исследования базируются на принципах философского, общенаучного и междисциплинарного познания. Используется сравнительный анализ для примеров экспертных заключений, включающих ошибочные и валидные варианты.

Результаты. Выявлены факторы, указывающие на опасность элиминации экспертизы как социальной институции и социального феномена. С использованием достоверных примеров идентифицированы риски для наличия авторитетного мнения, а также угрозы для современного общества отсутствия экспертов и их заключений, когда любой может считать себя специалистом, не имея релевантного образования, при помощи интернет-ресурсов.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе даётся описание особенностей информационного социума. Доказывается необходимость авторитетного заключения в лице эксперта для предотвращения деятельности лжеспециалистов, в особенности в лице блогеров, в среде малообразованного и слабо просвещённого населения. Акцентируется внимание также на неправильном заключении экспертов, приводящем к подрыву веры в авторитетное мнение.

Ключевые слова: авторитет, интернет-ресурсы как источник дезинформации, ложное экспертное заключение, подрыв авторитета, «Смерть экспертизы»

EXPERTISE AS CONFIRMATION AND REFUTATION OF AUTHORITY

E. Evstifeeva, E. Verdiyev

Tver State Technical University

nab. Afanasiya Nikitina 22, Tver 170026, Tver Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the factors that reduce trust in expert opinion in the era of digitalization. To analyze the situations confirming the key expert opinion and the facts of their refutation. To update the cases when an incorrect expert conclusion or opinion undermines the authority of an expert or other subjects, which causes doubt in the future and entails the abolition of the institution of professionals.

Methodology. The final conclusions of the article are based on the principles of philosophical, general scientific and interdisciplinary knowledge. Comparative analysis is used for the examples of expert opinions, including erroneous and valid options.

Results. Factors indicating the danger of elimination of expertise as a social institution and social phenomenon are revealed. Using reliable examples, the risks for having an authoritative opinion are identified, as well as the threats to the modern society of the lack of experts and their conclusions, when anyone can consider themselves a specialist without having a relevant education with the help of internet resources.

Research implications. The article describes the features of the information society. The necessity of an authoritative conclusion represented by an expert is proved to prevent false specialists, especially embodied in bloggers, among a undereducated and poorly enlightened population. Moreover, attention is focused on the incorrect conclusion of experts which leads to the undermining of faith in authoritative opinion.

Keywords: authority, Internet resources as a source of misinformation, false expert opinion, undermining authority, "Death of Expertise"

Credo Experto – Верьте Эксперту
Фридрих Ницше¹

Введение

Современная информационная цифровая эпоха характеризуется многими технологическими прорывами в различных областях науки, техники, производства и потребления, культуры, а также в области информационного бытия, пространства, реальности. Скорость информационных потоков возросла многократно. Невзирая на прорыв в области информационных технологий и обеспечения, что интегрировало весь мир в единую интернет-паутину, и, казалось бы, инициировало «благодать», данное благо создало и риск-проблемы, среди которых – высочайшая манёвренность тех, кто вовлечён в мошенничество, терроризм, насилие, агрессию, девиантность в социальной жизни и межличностных отношениях. Особая риск-проблема тотальной информатизации и цифровизации – это покушение на институцию экспертизы и фигуру эксперта. Кроме деформации экспертной деятельности в плане её зависимости от социальных контекстов и потери её объективности, ещё и информационный беспредел «убивает» эксперта в самом его зародыше.

Сегодня востребованность экспертизы не вызывает сомнений, расширилась сфера экспертных практик. Возросла роль экспертизы в оценке множественных рисков

и неопределённостей, которые сопровождают наше время. Истоки социального феномена экспертизы восходят к обоснованию объективной оценки вопрошающих ситуаций путём обращения к научному знанию. Такая апелляция формирует авторитет экспертизы. Главная цель экспертизы заключается в том, чтобы выявить угрозы и риски, связанные со «знаниевым» пространством, для принятия конкретного решения по поводу конкретного случая. Она призвана защищать человека от разного рода вторжений и вмешательств (в суде, медицине, цифровой среде, образовании и т. д.) и относится к нему как к объекту защиты и заботы. А фигура эксперта должна конституироваться авторитетом.

Для этого в нём должны нуждаться. Однако информационное общество грешит тем, что люди без должного образования не только считают себя «умнее» других, в том числе в таких персонифицированных областях, как судебное право, медицина, образование и т. д., но также выступают против признанных специалистов, опровергают мнение эксперта. Получается, что они «выбивают» из социального, общественного пространства образованных и профессиональных людей, превращая их в аутсайдеров. Они спорят с профессионалами своего дела и с «пеной у рта» доказывают свою правоту.

Здесь возникает ряд вопросов. Чем подкреплены такие действия и тенденции ин-

¹ Ницше Ф. Падение кумиров: сборник / пер. с нем. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. С. 45.

формационно «заточенного» общества? Что побудило и как давно «народ» или интернет-пользователи пришли к заключению о своём умственном превосходстве, к уверенности в том, что их оценка адекватнее оценки того, кто имеет длительный профессиональный и квалифицированный опыт в той или иной области? По какой причине растёт недоверие к экспертным заключениям? Что же такого сделал интернет-ресурс или, вернее сказать, как эта технология повлияла на сознание масс в определённых моментах и на мышление народов мира, поколебав авторитет экспертов? По какой причине раньше доверяли экспертам гораздо больше и большинство беспрекословно следовало тому, что специалист советовал, рекомендовал, говорил и призывал? Для ответов на все эти вопросы, опираясь на подтверждённые источники, нужно провести идентификацию фигуры эксперта и конституирующего его авторитета. А также определиться в их значении для социального мира.

Этимологический анализ слов *эксперт и авторитет*

В широком смысле слово *эксперт* означает «опытный», имеет латинское происхождение. Опираясь на различные источники, приходим к пониманию, что термин *эксперт* обозначает специалиста, проводящего экспертизу в качестве приглашённого или нанимаемого лица для выдачи квалифицированного заключения в соотношении с менее компетентными людьми различных областей. Эксперты привлекаются для принятия ответственных решений в таких профильных областях, как судебная, медицинская, они выявляют подлинность исторических объектов или артефактов, управляют предприятиями, занимаются оценкой изобретений, подтверждают или опровергают их достоверность и т. д.

«Словарь русского языка» интерпретирует термин *эксперт* как «специалист, дающий заключение при рассмотрении какого-либо вопроса»¹; в «Энциклопедии

инвестора» *эксперт* обозначает «лицо, не заинтересованное в деле, обладающее специальными научными знаниями», или «лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое следственными органами, каким-либо судом (арбитражным, третейским и т. д.) для проведения экспертизы»; также это «специалист в области науки, техники, искусства и других направлений приглашаемый для исследования каких-либо вопросов, решение которых требует специальных знаний»².

Эксперт – субъект экспертизы как институции. В гносеологическом измерении представление об экспертизе звучит так: «Экспертиза – это специфический тип работы со знаниями, направленной не на получение новых знаний в той или иной области, а на применение уже имеющихся знаний для подготовки и принятия решений в самых различных сферах практики. Экспертиза проводится специалистами в той или иной области знания – экспертами. В то же время функции эксперта отличаются от функций специалиста тем, что если специалист должен быть в состоянии решить проблему, то от эксперта требуется знание о том, как её можно решить...»³. Эпистемологические аспекты экспертизы указывают на неё как претендующую: «на объективную, т. е. полноценную общезначимую фиксацию наличного положения дел, а отнюдь не просто на обоснование способа решения частной задачи, отвечающей некоторому набору требований» [4, с. 400–401]. Как нам представляется, этическая и гуманитарная экспертиза призваны отвечать такой миссии сегодня [2; 5]. Все вышеуказанные источники коннотируют экспертизу как то, что обладает экспертными знаниями в профильных областях. Однако коннотации экспертизы и эксперта связаны также со словом «авторитет».

Экзегетика слова «авторитет» указывает на связь с «авторством». О едином латин-

¹ Эксперт // Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С–Я / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. С. 751.

² Эксперт // Энциклопедия инвестора. Академик: [сайт]. URL: <https://investments.academic.ru/1551/Эксперт> (дата обращения: 15.05.2023).

³ Юдин Б. Г. Экспертиза // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 1138.

ском происхождении и единой этимологической характеристике слов «автор» и «авторитет», об их в истоках неразличимых значениях сообщает выдающийся филолог, культуролог, философ С. С. Аверинцев: «Auctor (“автор”) – *nomen agentis*, т. е. обозначение субъекта действия; *auctoritas* (“авторитет”) – обозначение некоего свойства этого субъекта. Само действие обозначается глаголом *aueo*, одним из, говоря по-гётевски, “*Urworte*” («первоглаголов») латинского языка, необычайную густоту смысла которых возможно лишь с неполной передачей в словарной статье. *Aueo* – действие, присущее в первую очередь богам как источникам космической инициативы: “приумножаю”, “содействую”, но также и просто “учиняю” – привожу нечто в бытие или же увеличиваю весомость, объём или потенцию уже существующего. “*Augustus*”, “август”, самодержец в императорском Риме, – это человек, испытавший на себе подобное действие богов и ставший в результате более чем человеком и более чем гражданином. Но человек и гражданин, при условии своей полноты, также может быть субъектом этого действия. Ему дано “умножить” силу некоего сообщения, поручившись за него своим именем. Он способен нечто “учинить” и “учредить”: например, воздвигнуть святилище, основать город, предложить закон, который в случае принятия его гражданской общиной будет носить имя предложившего. Во всех перечисленных случаях гражданин выступает как *auctor*; им практикуема и пускаема в ход *auctoritas*» [1, с. 76]. В средневековой культуре, которая пережила попытки архаизации и сакрализации авторства, сохранялось отождествление авторства и авторитета.

В персонологическом и философском дискурсах подтверждается сопричастность авторства и авторитета. Авторство, или «Я как – Self» звучит так: «парадигмальная фигура отнесения результатов той или иной (прежде всего творческой) деятельности с определённым (индивидуальным или коллективным) субъектом как агентом этой

деятельности (гр. –*autos*)»¹. Личностный маркер авторитета указывает на такие характеристики, как престижность (статус), надёжность, правдивость, экспертность, компетентность, репутация.

Радикальное знаковое расхождение авторства и авторитета приходится на эпоху интернета как единого информационного поля, доступ к которому свободен, а также деперсонализации участников коммуникативной сети. Авторство, как и авторитет, полагается пережитком отмирающей культуры. Такая ситуация транслируется и на феномен «эксперта». Если обладание специальными знаниями, которые претендуют на независимость и объективность, давало эксперту факт власти, то в XXI в. власть эксперта оказалась проблематичной. Экспертная оценка становится зависимой от политического, социально-экономического контекстов. Норма объективности эксперта оказалась под сомнением. Интернет-ресурс, который стал благом и злом одновременно, источником информации, заражённой интеллектуальным вредительством, ускорил и расширил такую зависимость².

В «Словаре синонимов и антонимов современного русского языка» *авторитет* – это «влияние, значение, сила, вес, компетентность, компетенция, престиж; знаток»³. В «Философском словаре» Андре Конта-Спонвиля *авторитет* обозначает «право определённого лица приказывать другим людям и искусство заставлять их слушаться приказов»⁴. В «Словаре иностранных слов русского языка» слово *авторитет* имеет французский корень

¹ Автор // Можейко М. А. Всемирная энциклопедия: Философия XX век / научн. ред., сост. А. А. Грицанов. М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. С. 14.

² Черных А. И. Экспертное знание и публичная экспертиза (препринт WP14/2010/05). М.: Высшая школа экономики, 2010. С. 8.

³ Авторитет // Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка: 50000 слов. М.: Аделант, 2014. С. 6.

⁴ Авторитет // Конта-Спонвиль А. Философский словарь: [сайт]. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/sponville/fc/slovar-192-1.htm#zag-1223> (дата обращения: 20.05.2023).

“*autorite*” и обозначает «1) общественное влияние, значение для общественности; 2) субъект, который пользуется общественным признанием; 3) наиболее влиятельный член преступной группировки, который обладает реальной властью (жарг.)»¹. В «Новой философской энциклопедии» *авторитет* звучит как «этическое понятие, означающее признанное влияние какого-либо лица или писания на жизнь других»² и т. д.

Перечисленные выше примеры интерпретаций термина *авторитет* позволяют обобщить: автор-авторитет – это лицо, конституированное властью, силой, в опыте которого «багаж» знаний, компетенций, умений. Авторитет зарабатывается лицом, имеющим экспертные знания в различных областях. Однако очень часто личность не всегда бывает общепризнанным экспертом в какой-либо области и, соответственно, авторитетом не пользуется. Если ранее (речь идёт о времени до разработки мировой интернет-паутины) на это влияло много факторов, среди которых отсутствие точных знаний в касаемых областях, правильная интерпретация или заключение проблемы, красноречие и т. д., то на сегодняшний день экспертное знание уже варьируется или отталкивается от других приоритетов. Среди них: пиар, тренд, внешний облик, количество материальных благ или имущества, количество лайков и подписчиков в социальных сетях или интернет-приложениях и т. д.

Негативный фактор доступности интернет-паутины

Однако опасней всего тот фактор, что современная тенденция приводит к «смерти» эксперта, т. к. массы стали относиться к профессионалам как к ненужным элементам, к людям из области образования и просвещения как к личностям, обязан-

ным делать так, как того желает студент или учащийся, в связи с тем, что они платят за учёбу и требуют не совсем знаний, а больше развлечения на протяжении всего курса. Рассматривая причины такого отношения, следует выявить, каким образом массы перестали придавать значение экспертам.

Американский учёный и политолог, автор книги «Смерть Экспертизы» Том Николс, исследуя причины «умирания» эксперта как личности, которая должна «по определению» пользоваться подлинным авторитетом, описал множество примеров, способствующих этому явлению. К удивлению, были отмечены случаи, когда вопреки утверждениям авторитетных людей дети методом поиска в интернете находили достоверные данные, после чего мнение эксперта теряло своё свойство и, соответственно, легитимность в обществе.

Неверное заключение как негативный фактор, влияющий на авторитет эксперта с различных профессиональных ракурсов

Из области образования. «В 2002 году известный историк написал, что многочисленные истории о том, что в конце девятнадцатого века в Америке использовали таблички с надписью “Ирландцев просят не беспокоиться”, это миф. Профессор Иллинойского университета Ричард Дженсен сказал, что рассказы о подобных табличках были вымыслом, “байками о преследовании народа”, передававшимися из поколения в поколение ирландскими иммигрантами до тех пор, пока они не приобрели прочный статус городской легенды» [3, с. 259]. Более 10 лет большинство историков не подвергали сомнению знания авторитетного эксперта. Однако в 2015 г. восьмиклассница Ребекка Фрайд смогла опровергнуть утверждение Дженсона, т. к. такие таблички на самом деле существовали. Девочка провела своё собственное исследование в электронном ресурсе Google, подняв электронные архивы старых газет, и обнаружила сначала

¹ Авторитет // Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 16.

² Авторитет // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: А–Д / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. С. 48.

несколько, а затем десятки и больше таких табличек [3, с. 259–263].

Из области политики. «В 1982 году один из лучших экспертов по Советскому Союзу, Северин Байалер, строго предупредил читателей престижного журнала *Foreign Affairs* о том, что СССР намного сильнее, чем он казался на тот момент» [3, с. 259], что СССР ни сейчас, ни в ближайшее десятилетие не будет страдать от настоящего системного кризиса в связи с тем, что обладает огромными ресурсами политической и социальной стабильности. Год спустя ему был вручён «грант для гениев». Однако, к большому нашему сожалению, утверждение С. Байалера оказалось неверным. Спустя менее чем 8 лет, к несчастью для многих наших граждан и к счастью США и иных недругов того времени, СССР распался [3, с. 259–263].

Из области химии. Лайнус Полинг – химик, получивший Нобелевскую премию, в 1970-х гг. пришёл к выводу, что витамин С «был чудо-таблеткой. Он настойчиво рекомендовал принимать мегадозы этого витамина для профилактики обычной простуды и прочих недугов. Не существовало никаких реальных подтверждений правоты Полинга, но у него была Нобелевская премия в области химии, а потому его выводы о влиянии витаминов показались большинству людей достаточно убедительными» [3, с. 284]. Достоверного факта подтверждения на этот счёт не существовало, однако Полинг имел Нобелевскую премию и массы людей поверили в это утверждение. Полинг на протяжении 1970-х гг. настаивал на том, что витамин С способен вылечить всё, включая рак, сердечные болезни, проказу и психические расстройства, и даже на сегодняшний день пока ещё непобедимую ВИЧ инфекцию, СПИД. Однако, оказалось, что большие дозы витамина С способны нанести серьёзный урон организму, увеличивая риск развития некоторых видов рака и инсульта. Сам Полинг умер от рака, а его репутацию сравнивали с положением шарлатана [3, с. 284–294].

Данные примеры из различных областей дают нам ответ, по какой причине люди перестают верить экспертам. С другой стороны, когда вырастает поколение с этими знаниями, то экспертам трудно будет заработать авторитет среди масс народа. Такие ошибки уважаемых, авторитетных людей ломают веру в эксперта. Профессионалы перестают зарабатывать авторитет и пользоваться непоколебимой репутацией. ая ситуация, шагая в ногу с современными тенденциями, огромным развитием интернет-паутины, приводит к появлению аферистов, в том числе среди блогеров. Для масс народа блогер уже пользуется гораздо большим авторитетом, чем настоящий эксперт и профессионал. Действительно ли титул эксперта на самом деле можно оставить на страничках истории и найти ответы на любые вопросы посредством электронных ресурсов, или всё-таки массам не обойтись без экспертного мнения?

Относительно недавно была выдвинута гипотеза о феномене, названном эффектом Данинга-Крюгера. Данный эффект был выдвинут на основе высказываний Чарльза Дарвина («Уверенность чаще порождается невежеством, нежели знание») и Бертрана Рассела («Одно из непринятых свойств нашего времени состоит в том, что те, кто испытывает уверенность, глупы, а те, кто обладает хоть каким-то воображением и пониманием, исполнены сомнений и решительности»)¹. Эффект Данинга-Крюгера гипотетически состоит в том, что неинформированные и некомпетентные люди не способны осознать свою собственную некомпетентность или отсутствие знаний. Приведя примеры необходимости экспертов и их мнения, мы придём к пониманию, насколько важно то, чтобы эксперт пользовался авторитетом среди народных масс.

¹ Березина В. А. Изъяны человеческого мышления: эффект Данинга-Крюгера // РАНХиГС: [сайт]. URL: <http://foir.hspa.ranepa.ru/index.php/news/item/1880-изъяны-человеческого-мышления-эффект-данинга-крюгера.html> (дата обращения: 20.05.2023).

Профессиональное заключение как фактор, предотвращающий действия лже-экспертов и усиливающий авторитет специалиста

Из области медицины. Некий американский блогер Киммел запустил в очередной раз социальный ролик на YouTube-канале, где описывал, как врачи «не выбирают выражений», не следят за своими словами в адрес тех, кто противится вакцинации. Данный ролик стал хитом по миру и был просмотрен более 8 млн раз. К Киммелу присоединились и другие блогеры, которые начали организовывать травлю медиков, утверждая, что их деятельность бессмысленна для общества. Спустя некоторое время данные утверждения пошли на спад по той причине, что массы невежественного народа в результате следования им оказались подвержены серьёзным заболеваниям и проблемам со здоровьем [3, с. 349–355].

Из области политики. «В 2015 году возмутитель спокойствия Аллен Уэст выдал сенсационную новость, что президент Обама заставляет военных молиться, подобно мусульманам в Рамадан» [3, с. 177]. Уэст был владельцем собственного сайта, где разместил провокационный громкий, кричащий заголовок – «Посмотрите, что заставляют делать наших военных». Рядом с этим заголовком он разместил фотографию, где американские солдаты опустили головы к молельным коврикам. Данная новость очень быстро распространилась среди широкой публики социальных сетей. После экспертного анализа данной новости, было выявлено, что это не соответствует действительности, т. к. фотография была устаревшей и не имела никакого отношения к заголовку. Факт молитвы на самом деле был и присутствует, т. к. не мало граждан, служащих в рядах армии США исповедуют ислам, что по своей сути не является никакой сенсацией. Однако данная публикация оказала свой эффект. Даже невзирая на протесты в адрес А. Уэста против данной публикации и её удаление с сайта, она была распространена

по социальным сетям, где необразованная, и неопытная публика принимала всё это за «чистую монету» [3, с. 177–181].

Заключение

Вышеперечисленные примеры показывают, как легко через информационные технологии привести пользователей к глубокому заблуждению. Особенно это опасно для молодого поколения, у которого ещё не полностью сформировалось представление о «порядке вещей». Отсутствие критики чистого разума для сознания, по И. Канту, может привести к печальным, разрушительным последствиям. Интернет-ресурс по своей сути может быть очень полезен, если его использовать правильно и по назначению. Некомпетентная публика, читая новости, происходящие в мире, считает себя экспертами и пытается заработать авторитет в социальных сетях, комментируя происходящее. Вся проблема в том, что из-за этих горе-специалистов падают доверие, репутация, авторитет настоящих экспертов, т. к. публика афериста идентифицирует как эксперта.

С другой стороны, сами эксперты разрушают созданный ими же авторитет. Каждое неверное утверждение в рамках экспертизы ведёт к снижению доверия публики. Народные массы перестают верить в силу экспертного знания и заключения. Данные просчёты, в особенности связанные с медициной, не только «убивают» экспертизу, но могут привести к очень трагическим последствиям.

В современную эпоху люди с помощью поисковой системы интернет-паутины находят то, что они искали, но их поиск практически всегда заводит их в те степи интернет-пространства, куда изначально они попасть не планировали. Это своего рода эффект гипермаркетов, когда заходишь за одной вещью, а выходишь с полной корзиной или, ещё больше, с тележкой, что в последствии вызывает вопрос к самому себе, для чего человек это всё взял. Набирая всё больше ненужной информации, человеческий мозг начинает обдумывать всё про-

читанное независимо от себя на подсознательном уровне и понимает информацию на основе своего интеллекта.

Однако чем отличается в классическом варианте эксперт от обычного дилетанта? Эксперт имеет квалификацию в выбранных направлениях познания и годами расширяет свой опыт практическим путём. Эксперт обладает профессиональным чутьём и может выявить ошибку или несхождение в каких-либо проблемах, или вопросах. Эксперт на основе своих знаний анализирует, проводит экспертизу, отделяет неправильное от правильного, выявляет ложь в порученных ему вопросах и даёт результат. От этого зависит его авторитет.

Дилетант в наше время, начитавшись различных лент интернет-новостей, начинает уверенно себя идентифицировать профессионалом данного дела, при этом не только имея поверхностные знания, но также не осознавая, что он воспроизводит лишь то, что ему дали «на подносе» интернет-пространства на каком-нибудь интернет-ресурсе. Дилетант ограничен в своих знаниях ровно до того момента, где обрывается лента новостей. Очень часто можно услышать, например, от таксистов, сотрудников различных магазинов, рабочих-строителей, что они себя считают профессиональными политиками, экономистами, юристами и т. д., поэтому хочется им задать нескромный вопрос, что же они делают здесь.

Введя какой-либо запрос в поисковую систему, мы получаем информацию в соответствии с нашим пожеланием, но интернет-ресурс не даёт нам гарантий достоверности найденного факта. Всё остальное мы понимаем сами на основе нашего обра-

зования или на основе уровня нашего интеллекта. В последнее время на обыденном уровне сознания большинство людей всё больше и больше вычитывают книги по психологии или психиатрии и полагают, что они становятся психологами и даже психиатрами. Некоторые могут даже оказывать консультативные услуги. По сути, наблюдая за их постами в социальных сетях, можно прийти к мнению, что у них развивается шизофрения. Их посты в социальных сетях часто содержат цитаты из книг по психологии или психиатрии, а затем следует какая-то не связанная с содержанием цитаты история или фотография. Данный перечень заблуждений людей не оканчивается только психологией или психотерапией. В политическом дискурсе таких значительно больше. Для данного наблюдения не требуется особых доказательств. Такого рода люди встречаются в повседневной жизни сами по себе, т. к. им нужно реализовывать свои псевдознания и бесталанность.

Дилетанты, превратившиеся в блогеров, в нашу современную эпоху цифровизации находящиеся на стадии перехода на голографическую технологию в будущем (во всяком случае, задатки уже существуют), «убивают авторитет» и приводят к «смерти эксперта». Не имея или имея половинчатое образование, своими публикациями они вводят в заблуждение публику, и проблема масс людей в том, что люди тянутся к простому, что будет им понятно на уровне языка их интеллекта, т. е. в соотношении с их образованием. Это приводит к инфляции знаний.

Статья поступила в редакцию 23.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 76–101.
2. Климова С. М. Гуманитарная экспертиза и экспертное сообщество: постановка проблемы // Философские науки. 2017. № 4. С. 68–80.
3. Николс Т. Смерть Экспертизы: как интернет убивает научные знания / пер. Т. Л. Платоновой. М.: Эксмо, 2018. 368 с.
4. Пружинин Б. И. Экспертиза как эпистемологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 393–402.
5. Синюкова Н. А., Смирнов С. А. Этическая и гуманитарная экспертиза: Концептуальное различие (методологический аспект) // Человек.RU. 2021. № 16. С. 26–48.

REFERENCES

1. Averincev S. S. [Authorship and Authority]. In: *Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii* [Rhetoric and the Origins of the European Literary Tradition]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1996, pp. 76–101.
2. Klimova S. M. [Humanitarian Expertise and Expert Community: Formulation of the Problem]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2017, no. 4, pp. 68–80.
3. Nichols T. The Death of Experience. The Campaign against Established Knowledge and Why it Matters (Rus. ed.: Platonova T. L., transl. *Smert' Ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniya*. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 368 p.).
4. Pruzhinin B. I. [Expert examination as an Epistemological Phenomenon]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies], 2021, vol. 37, iss. 3, pp. 393–402.
5. Siniukova N. A., Smirnov S. A. [Ethical and Humanitarian Expertise: Conceptual Distinction (Methodological Aspect)]. In: *Chelovek.ru* [Human.ru], 2021, no. 16, pp. 26–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по развитию персонала, заведующий кафедрой психологии и философии Тверского государственного технического университета;

e-mail: pif1997@mail.ru

Вердиев Эльшад Зафар оглы – аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета;

e-mail: elshad_verdiyev@yahoo.es

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Vice-Rector for Personnel Development, Head of the Department, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;

e-mail: pif1997@mail.ru

Elshad Z. Verdiev – Postgraduate Student, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;

e-mail: elshad_verdiyev@yahoo.es

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евстифеева Е. А., Вердиев Э. З. Экспертиза как подтверждение и опровержение авторитета // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 20–28.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-20-28

FOR CITATION

Evstifeeva E. A., Verdiev E. Z. Expertise as Confirmation and Refutation of Authority. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, p. 20–28.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-20-28

УДК 113-1243

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-29-50

КОНСТРУКТИВНАЯ ПРИРОДА ЭМПИРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В НАУКЕ

Лебедев С. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обосновать конструктивную природу эмпирического знания в науке как альтернативу его понимания как «отражения» объективной реальности.

Процедура и методы. Показано на материале истории науки, что трактовка эмпирического познания в науке как «отражения» действительности противоречит реальной истории науки. Все структурные элементы эмпирического уровня научного знания (протокольные предложения, эмпирические факты, эмпирические законы и эмпирические (феноменологические) теории) являются результатами не просто активной, но конструктивной деятельности мышления по созданию абстрактной реальности и её описанию. Описаны основные конструктивные средства мышления по созданию эмпирической реальности.

Результаты. Обоснована относительная самостоятельность эмпирического знания по отношению как к чувственному уровню научного знания (данные наблюдения и эксперимента), так и к научным теориям.

Теоретическая и/или практическая значимость. Признание конструктивного характера эмпирического познания требует учёта при создании эмпирического знания в науке не только опытных данных и мышления, но и воли учёного как необходимого фактора при принятии им того или иного когнитивного решения в условиях всегда существующей свободы выбора. Одними из существенных ограничений такой свободы являются коллективный характер научного познания и необходимость выработки научным сообществом определённого, приемлемого для большинства его членов научного консенсуса.

Ключевые слова: конструирование, научная истина, объективная реальность, отражение, эмпирическое знание

THE CONSTRUCTIVE NATURE OF EMPIRICAL KNOWLEDGE IN SCIENCE

S. Lebedev*Lomonosov Moscow State University**prosp. Lomonosovsky 27-4, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To substantiate the constructive nature of empirical knowledge in science as an alternative to its understanding as a “reflection” of objective reality.

Methodology. It is shown on the material of the history of science that the scientific interpretation of empirical knowledge a “reflection” of reality contradicts the real history of science. All the structural elements of the empirical level of scientific knowledge (protocol proposals, empirical facts, empirical laws and empirical (phenomenological) theories) are the results of not just active, but also constructive thinking activity aiming at creating an abstract reality and describing it. The main constructive means of thinking for the creation of empirical reality are described.

Results. The relative independence of empirical knowledge in relation to both the sensory level of scientific knowledge (observation and experimental data) and in relation to scientific theories is substantiated.

Research implications. Recognition of the constructive nature of empirical cognition requires considering when creating empirical knowledge in science not only experimental data and thinking, but also the will of the scientist as a necessary factor of making a cognitive decision in conditions of ever-present freedom of choice. One of the essential limitations of such freedom is the collective nature of scientific knowledge and the need for the scientific community to develop a certain scientific consensus acceptable to most of its members.

Keywords: design, scientific truth, objective reality, reflection, empirical knowledge

Введение

Одним из направлений современной гносеологии является радикальный конструктивизм, основатели которого (Э. фон Глазерсфельд, Г. Рот, У. Матурана, Ф. Варела, П. Ватцлавик) считают сознание «аутопоэтической» информационной деятельностью, относительно независимой от объективной реальности и функционирующей по своим собственным законам [11]. Главной целью сознания является создание когнитивной реальности, содержание которой было бы несомненным и достоверным для него. Такая реальность является для сознания эталонной при сравнении её с объективной реальностью и оценкой её свойств. Знание об объективной реальности возникает только после сравнения её с субъективной эталонной реальностью. Познание не есть процесс отражения сознанием объективной реальности и «навязывания» ему собственного содержания. Познавательный процесс имеет противоположную направленность: он идёт не от объекта познания к субъекту познания, а наоборот, от субъекта познания и содержания его сознания к объекту познания. В своей сущности познание – это процесс сравнения созданной сознанием субъективной реальности с объективной реальностью и оценка свойств и отношений последней. Для успешного выполнения этой функции знание о субъективной реальности вовсе не обязано быть тождественным содержанию объективной реальности. Цель познания совсем другая: использовать субъективную реальность в качестве эталонного средства для структурирования объективной реальности и определения степени её сходства с эталоном. Например,

слово «яблоко», зрительное ощущение яблока и даже понятие яблока вовсе не тождественны по содержанию самому яблоку. Как когда-то остроумно выразился по этому поводу Гегель, мысль об обеде и обед – это не одно и то же. Между словами как именами объектов, чувственными образами объектов и понятиями как именами классов объектов существует только отношение обозначения: одно обозначает другое. Но если между двумя объектами существует отношение обозначения, то одним из практических следствий этого может стать функциональное замещение одного объекта другим и оперирование с именем объекта как с самим обозначаемым им объектом. Именно эта возможность замещения объекта его именем индуцирует представление о существовании между ними тождества по содержанию. Будучи закреплённой, функциональная связь между объектом и его информационной моделью со временем закрепляется в сознании с помощью памяти, а затем используется субъектом не только в ориентировочной деятельности по приспособлению к окружающей среде, но и как средство его предсказательной и проективной деятельности. Очевидно, что манипулирование субъектом информационными заместителями объектов как с самими объектами во многом облегчает и упрощает его практическую деятельность с ними. Конструктивный характер знания имеет место на всех уровнях научного познания: чувственном, эмпирическом, теоретическом, метатеоретическом. В данной статье мы остановимся на конструктивности только эмпирического уровня научного знания.

Сущность эмпирического уровня научного познания

Главная цель эмпирического уровня научного познания – конструирование мышлением рациональной модели чувственной реальности. Требования к такой модели – она должна быть максимальной полной по отношению к содержанию чувственной реальности, но в то же время логически организованной и максимально экономной (Э. Мах). Однако, как показывает опыт реального научного познания, эти требования не могут быть реализованы одновременно в полной мере. Во-первых, на эмпирическом уровне научного знания информация о чувственных данных должна быть представлена мышлением на определённом языке (естественном или искусственном), а во-вторых – логически организована в систему высказываний о чувственной реальности [5; 7]. Способами решения этих задач в реальной науке являются: 1) замена наблюдаемых объектов абстрактными объектами, которым даются соответствующие имена: масса, сила, фигура, частица, волна, маятник, пружина, организм, ген, товар, этнос, класс и др.; 2) построение дискурсных моделей описания свойств и отношений наблюдаемых объектов на некотором естественном или искусственном научном языке (символическом, математическом, приборном) с указанием единиц измерения их свойств; 3) конструирование эмпирических фактов путём индуктивного обобщения множества протокольных высказываний о единичных наблюдениях; 4) выдвижение гипотез эмпирических законов о взаимосвязях между разного рода абстрактными объектами, желательно в форме уравнений ($F = ma$, $S = VT$, $F = -F$ и др.) [4]; существует два метода конструирования эмпирических законов: индукция как обратная дедукция и моделирование; гипотеза эмпирического закона считается «хорошей», если из неё могут быть выведены все известные факты данной предметной области, а также предсказаны новые [3]; 4) конструирование феноменологических

теорий как систем эмпирических законов определённой предметной области (механика Архимеда; астрономия Птолемея, Коперника, Кеплера; оптика Ньютона; ботаника Линнея; теория эволюции видов Дарвина; электродинамика Ампера; классическая термодинамика; политэкономия Смита и Рикардо; физиология Павлова, химия Лавуазье и Пристли; геологические и географические теории и др.) [6].

Рассмотрим основные процедуры конструирования эмпирического уровня научного знания. Первой такой процедурой является замена чувственной модели объекта абстрактной, мысленной моделью, например, замена чувственного образа планеты понятием «планета». Различие данных элементов научного знания достаточно очевидно. Во-первых, чувственный образ планеты – это всегда конкретная информация о конкретном единичном объекте, тогда как понятие «планета» – это общее имя всех планет, сконструированное путём абстрагирования от их индивидуальных особенностей. При переходе от чувственного знания об объекте к его абстрактной модели мышление осуществляет своеобразный «скачок» от знания о конкретном единичном объекте к знанию о нём как элементе некоторого класса объектов. Понятие «класс объектов» – это также конструктивный продукт мышления, ибо в материальном мире не существует как двух абсолютно-тождественных объектов, явлений, состояний материальной системы, так и двух абсолютно различных объектов. Что же тогда является для мышления онтологическим основанием для создания конструкта «класс объектов»? Таким основанием является то, что в материальном мире не существует двух абсолютно различных объектов. У любых материальных объектов, свойств, состояний всегда есть нечто общее. Например, это такие их свойства, как существование, протяжённость, масса, энергия, время и др. Даже у белого и чёрного цветов, несмотря на их противоположность, имеется нечто общее – и то, и другое является цветом. У материи и сознания, несмотря на

их фундаментальную противоположность, общим является то, что и то и другое существует. Правда, критерии существования этих видов реальности разные: для материи это принципиальная наблюдаемость, а для сознания – невозможность отрицания им своего собственного существования, ибо такое отрицание будет заключать в себе логическое противоречие. Более того, не только понятие класса предметов, но даже понятие отдельной вещи является конструктом мышления. Ибо столь же непротиворечивым является представление о материи как о некоей неделимой и непрерывной реальности как целостности. По отношению к описанию объектов как целостностям не применим закон дистрибутивности $a + b = c$. Например, любое здание, построенное из кирпичей, не является суммой кирпичей. Точно так же и сумма органов любого организма ещё не есть сам организм. Это тем более верно в отношении таких суперсложных систем, как общество, биосфера, солнечная система, галактика, Вселенная, а тем более – вся реальность. Столь же верно, что и понятие целого является бессмысленным, если оно не рассматривается как состоящее из различных частей или элементов. Одной из особенностей научного способа познания реальности является сведение сложного к простому, общего к частному, качества к количеству, случайного к закономерному. Поэтому одной из главных философских проблем науки является проблема редукционизма: сводимо ли целое к совокупности своих частей и их взаимосвязям или нет? Анализ истории науки и современной практики научного познания показывает, что в науке до сих пор не существует общепринятого решения данной проблемы. Дело в том, что как положительное, так и отрицательное решения данной проблемы не заключают в себе логического противоречия. В реальной практике научного познания встречается и то, и другое. Но при этом каждое такое решение является абсолютно конкретным. Оно считается верным, если приводит к прогрессу в развитии научного знания. Яркими примера-

ми редукционизма в классической физике было сведение Ньютоном материального объекта («тела») к материальной точке, а Больцманом газа к огромному множеству хаотически движущихся молекул («атомов газа»). История науки убедительно свидетельствует о том, что оба варианта решения проблемы редукционизма, как оправдание, так и критика каждого из них, имеют социально-конструктивный характер. Например, полемика Э. Маха и Л. Больцмана в отношении научного статуса молекулярно-кинетической теории газов была в этом плане весьма показательной. Мах считал эту теорию псевдонаучной, поскольку в ней давалось объяснение наблюдаемых термодинамических явлений с помощью отождествления газа с множеством ненаблюдаемых в то время (в силу их очень маленького размера) молекул газа. Это была редукция Больцманом наблюдаемых явлений к ненаблюдаемым сущностям. Мах, как и подавляющее большинство учёных, был также за редукционизм в науке. Но за редукционизм только в рамках одного уровня научного знания, но не между его разными уровнями. Мах, как последовательный позитивист, был решительно против сведения эмпирического знания к знанию о теоретических, ненаблюдаемых сущностях. На этом основании он считал ненаучной даже механику Ньютона, потому что её главные объекты – материальная точка, абсолютное пространство, абсолютное время, дальноедействие – были ненаблюдаемыми. Больцман же полагал, что в науке редукция теоретических понятий и утверждений к эмпирическим имеет такое же право на существование, как и сведение эмпирических понятий к теоретическим. Дальнейшее развитие науки, включая её современный этап, показало, что в споре Маха и Больцмана о редукции прав оказался Больцман¹.

Одним из важных отличий объектов чувственной реальности от объектов эмпирической реальности является то, что, тогда как первые являются конструктами

¹ Концепции современного естествознания: учебник / под общ. ред. С. А. Лебедева. М.: Юрайт, 2016. 374 с.

чувственного познания, вторые – конструктами рационального познания. Чувственная модель объекта всегда отличается от его мысленной, рациональной модели также тем, что в чувственной модели объекта не проводится различие свойств объекта на существенные свойства и несущественные. В ней все свойства объекта считаются одинаково важными, выражающими его целостность. Целостность объекта означает, что он отличается от всех других объектов не какими-то отдельными своими свойствами, а только всей их системой. В абстрактных же объектах эмпирического уровня знания, напротив, фиксируются только существенные свойства, которыми объекты отличаются друг от друга. Имена абстрактных эмпирических объектов вместе с фиксацией их существенных свойств образуют содержание понятий, которые и являются элементарными единицами, или «атомами» эмпирического мышления [5].

Ещё одна важная конструктивная процедура эмпирического уровня познания – это описание содержания чувственных моделей объектов на определённом языке, естественном или искусственном, специально созданном для этих целей языке той или иной науки. Рассмотрим этот вопрос на примере фиксации свойства протяжённости материальных объектов в чувственных и мысленных моделях. Чем отличается чувственно созерцаемая протяжённость в чувственных моделях объектов от мысленной протяжённости или от понятия «протяжённость» в мысленных моделях? Во-первых, тем, что протяжённость объекта в чувственной модели объекта всегда дана только в совокупности со всеми другими его свойствами (массой, энергией, импульсом, оптическими свойствами, вещественностью, сопротивляемостью и т. д.). Мысленная же протяжённость рассматривается не как одно из свойств объектов, а как особый абстрактный объект, относительно независимый от реальных и других абстрактных объектов. В геометрии как науке о пространстве мысленная протяжённость рассматривается уже как реальность

со своей достаточно сложной внутренней структурой. В мышлении любой абстрактный объект, во-первых, всегда фиксируется и закрепляется с помощью конкретного слова как имени этого объекта. Во-вторых, эмпирические высказывания, описывающие свойства абстрактных объектов, должны иметь логическую форму утвердительных суждений «А есть В». Все высказывания такой формы (например, «все тела имеют длину» или «все лебеди белые») суть не что иное, как сравнение объёмов двух классов абстрактных объектов, имеющих соответствующие имена. Чувственная и мысленная протяжённость различаются между собой тем, что представляют собой виды информации, имеющие разные материальные носители. Материальным носителем чувственной информации являются нейронная сеть мозга субъекта познания и его тело. Материальным же носителем мысленной информации у человека является язык. Третьим существенным различием чувственной и мысленной (дискурсивной) информации об объекте познания является то, что чувственная информация об объектах всегда «привязана» к определённым материальным объектам, тогда как мысленная информация – к абстрактным объектам, создаваемым мышлением. Четвёртым существенным отличием чувственной информации от мысленной информации является то, что чувственная информация по своему содержанию является в основном качественной и только в редких случаях количественной, фиксирующей следующие виды отношений: больше, меньше, равно. Например, фиксация такого рода отношений имеет место при сравнении протяжённости, объёма, массы, скорости и других свойств материальных объектов. Такого рода сравнительные количественные оценки присущи и большинству животных. На эмпирическом уровне мышления возможно получение не только сравнительной количественной информации о познаваемых объектах, но и числовой. Для этого в науке разрабатываются специальные методы измерения интенсивности различных свойств и отно-

шений абстрактных объектов. Это делается с помощью следующих конструктивных операций: а) интерпретации свойств и отношений абстрактных объектов как математических функций (одноместных или многоместных); б) квантификации области их значений как множества физических величин; в) введения системы значений для их элементарных единиц. Например, для того, чтобы получить численное значение длины какого-либо стержня, используется такой измерительный инструмент, как линейка с квантификацией её длины на элементарные величины, например миллиметры, и осуществляется на этой основе количественная разметка всей длины линейки с указанием величины каждого её отрезка. Затем линейку прикладывают к стержню, совмещая его начало с нулевым значением линейки. Совмещение конца стержня с соответствующей отметкой линейки укажет точное количественное значение длины стержня. Для определения количественного значения чувственно наблюдаемых свойств объектов в современной науке используется огромное множество самых разных средств их измерения, «вмонтированных» в приборы. Так, силу тока в электрической цепи измеряют с помощью амперметра. Аналогично поступают с определением количественных значений и всех других чувственно наблюдаемых свойств объектов. Поскольку все измерения основаны на вводимых учёными эталонах измерения, системах физических величин с фиксированными значениями их элементарных единиц, постольку всё эмпирическое знание в науке неизбежно имеет не только общезначимый, но и конвенциональный характер.

Эмпирический уровень научного знания состоит из четырёх подуровней: протокольные предложения, эмпирические факты, эмпирические законы и эмпирические (феноменологические) теории [5]. Исходным элементом эмпирического уровня научного познания являются протокольные предложения. Рассмотрим их конструктивную природу.

Конструктивный характер протокольных высказываний

Протокольные предложения – это описание содержания единичных наблюдений на определённом (естественном или специальном) научном языке с помощью слов и грамматики этого языка. Какова природа протокольных предложений, чем они отличаются от чувственных данных опыта, каково их содержание и логическая форма? По существу, протокольные предложения являются не чем иным, как рациональным моделированием чувственной информации, т. е. её переводом на язык мышления. В антропологии, лингвистике и теории перевода твёрдо установлено, что структура любого языка, словарный запас и грамматика существенно определяют его выразительные возможности по описанию действительности. Как образно и точно выразился по этому поводу немецкий философ М. Хайдеггер, язык – это дом бытия. Вот почему перевод чувственной информации об объекте познания на рациональный, дискурсивный язык мышления неизбежно связан с потерей части чувственной информации и добавлением к ней информации, идущей от используемого мышлением языка. На эмпирическом уровне научного познания используются два вида языка: естественный разговорный национальный язык и искусственный язык науки (символический, математический, приборный, дисциплинарный). Соответственно, чувственные данные наблюдения и эксперимента фиксируются в протокольных предложениях либо на естественном языке, либо на искусственном. Протокольные предложения – это базовая и самая элементарная форма эмпирического знания. В зависимости от используемого языка следует различать два вида протоколов: естественные и искусственные. Во всех современных естественных и технических науках экспериментальные исследования осуществляются с помощью приборов [9]. А показания полученных значений исследуемых свойств описываются на особом языке названий

разных величин и единиц их измерения. Естественный язык для записи чувственных данных был основным в науке только на ранних стадиях её развития. Но у него имеется один существенный недостаток для конструирования научного знания: достаточно размытая семантика и многозначность смысла слов. Это препятствует достижению главной цели научного познания – получению максимально определённого и достоверного знания. Поэтому базовый язык науки (язык её протокольных предложений) должен быть максимально однозначным. Достижение этой цели возможно только при одном условии – если такой язык будет искусственным и символическим, поскольку естественный язык в силу своей длительной исторической эволюции и социальной природы является многозначным. Все протокольные предложения имеют логическую форму единичных утвердительных высказываний «А есть В» (или более полную лингвистическую форму «Объект А имеет свойство В при его наблюдении в данное время и в данном месте»). Например, «Сила тока в проводнике, показываемая амперметром в данный момент, равна 5 ампер». Это протокольное высказывание является переводом на язык электродинамики элементарного чувственного восприятия стрелки на шкале амперметра у цифры 5. Человек, не знающий назначения данного прибора, выскажет более простое, но при этом столь же истинное высказывание о данном чувственном восприятии: «В данный момент стрелка остановилась около цифры 5». Таким образом, одно и то же чувственное восприятие может быть в принципе переведено на разные языки. Это означает, что содержание чувственного восприятия само по себе не детерминирует его возможное описание. Содержание последнего определяется не только содержанием чувственного образа, но и используемым субъектом познания языком, а также конкретными целями исследования. Допустим, целью познания является определение длины стержня А. Для того, чтобы получить точное значение длины, исследователь прово-

дит серию её измерений. Каждый результат измерения он записывает в форме единичного высказывания «а есть р», где a – длина стержня, а p – её величина. Пусть длина стержня определяется в миллиметрах, результаты измерения описываются следующим множеством протокольных предложений: «а равно 50 мм», «а равно 52 мм», «а равно 49 мм», «а равно 49 мм», «а равно 51 мм», «а равно 50 мм», «а равно 52 мм», «а равно 50 мм», «а равно 50 мм», «а равно 50 мм». Очевидно, что содержание любого протокольного предложения, являющегося элементом языка и мышления, не тождественно ни содержанию чувственного восприятия, которое оно описывает на определённом языке, ни тем более материальному содержанию самого объекта познания. Протокольные высказывания – это их конструктивная языково-мыслительная модель, тождество которой содержанию как чувственного восприятия познаваемого объекта, так и самого объекта является неполным, приблизительным и условным (конвенциональным или консенсуальным). Следующим более общим элементом эмпирического уровня научного знания является эмпирический факт. Рассмотрим его конструктивную природу.

Конструктивный характер эмпирических фактов

Эмпирический факт конструируется мышлением учёного путём индуктивного обобщения множества протокольных высказываний о единичных данных наблюдения или результатах измерения [3]. Вслед за различием содержания двух видов протокольных высказываний (единичные высказывания о результатах непосредственного наблюдения познаваемых объектов и единичные высказывания о показаниях приборов, используемых при познании свойств исследуемых объектов) можно различать и два вида научных фактов. Первый вид фактов в науке – это обобщения множества протоколов непосредственных наблюдений объектов (естественные факты). Второй вид фактов –

это обобщения множества протоколов показаний приборов (приборные факты). Но в обоих случаях научный факт – это общее высказывание (универсального или статистического характера) о свойствах объекта. Универсальные факты имеют логическую форму «все А есть В». Они являются истинными тогда, когда «каждый элемент множества А имеет свойство В». Например, универсальным фактом является утверждение «все лебеди белые». Статистические факты имеют другую логическую форму. Общей формой статистических фактов является высказывание «некоторая (количественно определённая) часть элементов множества А имеет свойство В». Например, «только в половине случаев измерения стержня его длина была равна 50 мм». Тожественным ему по содержанию будет высказывание «в каждом втором случае длина измеренного стержня была равна 50 мм». Гораздо более сложным является вопрос о тождестве обоих этих высказываний другому высказыванию, также полученному путём обобщения протоколов: «среднее значение величины измеренного стержня равно 50,03 мм», которое тождественно по содержанию высказыванию формы «в среднем длина нашего стержня равна 50,03 мм». Все приведённые выше высказывания о длине стержня являются разными по логической (и лингвистической) форме и частично по содержанию. Но тогда возникает проблема: какое из них является объективно истинным, т. е. соответствующим реальной длине стержня? Можно ли считать истинность фактов как общих эмпирических высказываний производной от истинности суммы единичных протокольных предложений, лежащих в основе научных фактов? С одной стороны, вполне правильным кажется положительный ответ на этот вопрос, поскольку любой эмпирический факт является результатом индуктивного обобщения протоколов. Но это будет верно только при соблюдении ряда условий: 1) слово «все» понимается как символ для обозначения конъюнкции множества единичных протокольных вы-

сказываний; но тогда факт – это просто более краткая форма записи суммы протоколов; 2) когда все протокольные высказывания содержательно тождественны между собой; 3) когда каждое протокольное предложение считается истинным. В логике такой способ получения общих высказываний из единичных высказываний называется *полной перечислительной индукцией*. Очевидно, что для статистических фактов как обобщений, лежащих в их основе протоколов, второе из перечисленных выше условий не соблюдается, а потому статистические факты не могут быть получены полной индукцией через перечисление [3]. Соответственно и их истинность не является логически производной от истинности протоколов, лежащих в их основе. А отсюда однозначно следует, что по отношению к множеству протоколов истинность их статистических обобщений всегда является только гипотезой, лишь подтверждаемой протоколами, но не доказываемой ими. Поскольку содержание статистических фактов не тождественно содержанию суммы протоколов, лежащих в их основе, становится доказанным то, что статистические обобщения являются продуктом не чисто логической, а конструктивной деятельности мышления. Впрочем, это можно сказать и об универсальных эмпирических фактах, если квантор «все» в них интерпретировать не как конъюнкцию единичных протокольных высказываний, а как имя класса, элементами которого являются единичные наблюдения за познаваемым объектом. В таком случае общее высказывание «все лебеди белые» должно интерпретироваться не как описание суммы наблюдений за отдельными представителями данного класса водоплавающих, а как характеристика класса лебедей как особой онтологической единицы, как объекта, отличного от отдельных лебедей. Но тогда информация, содержащаяся в универсальном факте, должна считаться не тождественной и чуть большей, чем содержащаяся в сумме наблюдений за отдельными элементами класса. Соответственно, истинность универсаль-

ного высказывания «все А есть В» при такой интерпретации слова «все» в данном высказывании уже не будет логически производной от истинности единичных высказываний об отдельных элементах класса. Например, долгое время высказывание «все лебеди белые» считалось истинным, поскольку все наблюдавшиеся представители этого класса водоплавающих птиц имели белое оперенье. Однако в конце XIX в. в Австралии были обнаружены водоплавающие птицы, во всём похожие на наблюдавшихся ранее лебедей, но имевшие при этом чёрное оперенье. Можно ли считать это событие опровержением прежнего факта «все лебеди белые», считавшегося истинным? Нет, если считать, что высказывание «все лебеди белые» являлось ничем иным как суммой высказываний о цвете ранее наблюдавшихся лебедей. Да, если считать, что высказывание «все лебеди белые» было характеристикой всего класса лебедей, не только ранее наблюдавшихся, но и пока не наблюдавшихся. Наука пошла по второму пути, признав австралийского чёрного лебедя также представителем класса лебедей, но чёрного цвета. Можно ли было сохранить истинность прежнего суждения «все лебеди белые»? Да, но только путём отказа зачисления австралийской чёрной водоплавающей птицы в класс лебедей. Рационально это можно было сделать на том основании, если считать цвет птиц их существенным признаком. Но такое конвенциональное решение имело бы следующие два минуса. Во-первых, нужно было бы ввести новое имя чёрных водоплавающих птиц, очень похожих на белых лебедей. Но такое решение явно противоречило бы стремлению науки к экономии и построению максимально общих моделей реальности. Во-вторых, оно противоречило бы огромному количеству наблюдений за многими животными одного вида, но имеющими разную расцветку кожи и оперенья. Таким образом, истинность научных фактов хотя и является конвенциональной, но при этом отнюдь не произвольной. Главным регулятором введения любых научных конвенций является тре-

бование их логической совместимости с множеством других конвенций, ранее принятых в науке [6].

Конструктивная природа эмпирических законов

Следующий элемент структуры эмпирического знания – эмпирические законы различных видов (функциональные, причинные, структурные, динамические, статистические и др.). Научные законы представляют собой высказывания, в которых фиксируются такие отношения между познаваемыми явлениями и объектами, для которых характерно либо постоянное повторение, либо некоторая мера такого постоянства. В онтологическом дискурсе законами называют всеобщие и необходимые связи между различными явлениями, событиями или состояниями.

Функциональные законы. Это высказывания, фиксирующие постоянную связь между явлениями. Например, «при взаимодействии двух тел тепло всегда должно переходить от более нагретого тела к менее нагретому телу» (термодинамика); «энтропия любой изолированной материальной системы со временем должна увеличиваться» (термодинамика).

Причинные законы. Это высказывания, в которых утверждается о существовании такой связи между двумя явлениями, когда одно из них (причина) предшествует другому (следствие) и с необходимостью вызывает последнее: «причиной возрастания энтропии в любой изолированной системе является затрата части заключённой в ней энергии на поддержание её существования» (термодинамика).

Структурные законы. Они фиксируют постоянные отношения между классами явлений: «соотношение рождения мальчиков и девочек в мирное время является величиной постоянной в большой популяции и равно 51:49» (демография).

Динамические законы. В них утверждается существование однозначной связи между явлениями: «все тела при нагревании должны расширяться» (термодина-

мика); «все металлы должны проводить электрический ток» (электродинамика); «на тело, погружённое в жидкость, всегда действует выталкивающая сила, равная объёму вытесненной им жидкости» (гидростатика).

Статистические законы. В них фиксируется определённая частота появления событий при повторении одних и тех же условий, или необходимая форма распределения в конкретной системе: «распределение скоростей движения молекул газа в изолированном объёме является вероятностным и описывается кривой Гаусса» (молекулярно-кинетическая теория газов); «элитная часть любой большой системы (например, доля научных достижений высшего уровня среди всех достижений науки за определённое время) всегда равна квадратному корню от всего количества её элементов» (теория самоорганизации).

В чём заключается конструктивная природа эмпирических законов? Во-первых, в том, что никакой закон не может быть логически выведен из сколь угодно большого количества эмпирических фактов. Да, он может считаться обобщением фактов, но только, так сказать, «задним числом», когда он уже выдвинут мышлением в качестве гипотезы закона. Ведь главная функция любого эмпирического закона и заключается в том, чтобы объяснять известные факты и предсказывать новые. Поэтому закон должен быть более общим знанием, чем факты, выводимые из него в качестве логических следствий. Только общие факты, но не эмпирические законы, могут быть получены путём логического (индуктивного) обобщения частных фактов, да и то с известными оговорками, которые мы отметили выше. Например, если астрономы на основе наблюдения за движением планет солнечной системы установили, что каждая из них движется вокруг Солнца по эллиптической орбите, они могут вывести из этих частных фактов более общий факт: «все планеты солнечной системы вращаются вокруг Солнца как центрального тела по замкнутым кривым, имеющим форму эллипсов». Но не всякий

общий факт является научным законом. Дело в том, что в факте фиксируется наличное бытие вещей и отношений между ними, только то, что наблюдалось в прошлом или наблюдается в настоящем. Для характеристики наличного бытия используется такие категории и модальности, как «существует» и «есть». Сами по себе факты ничего не предсказывают и ничего не говорят о будущем. Законы же могут и должны это делать, ибо в их структуру которых входят такие модальности, как «всегда», «необходимо», «должно», «вероятно». Для того, чтобы общий факт стал эмпирическим законом, мышление должно осуществить следующую конструктивную операцию: заменить присутствующую в факте модальность существования на модальность всеобщности и необходимости. После такой конструктивной операции происходит изменение эпистемологического статуса факта и превращение его в эмпирический закон. Закон – это обязательно высказывание, в котором утверждается всеобщая и необходимая связь между явлениями и их свойствами. Для демонстрации отличия логической структуры факта от логической структуры закона приведём примеры эмпирического факта и эмпирического закона из гидростатики. Эмпирический факт: «все тела, погружённые в жидкость, выталкивались из неё силой, равной по величине объёму вытесненной этим телами жидкости». Эмпирический закон: «все тела, погружённые в жидкость, всегда будут выталкиваться из неё силой, равной по величине объёму вытесненной ими жидкости». Замена общего эмпирического факта эмпирическим законом – это рискованная операция, которая далеко не всегда приводит к успеху, ибо вполне возможно, что многократные повторения в опыте имели не необходимый, а случайный характер (проблема Юма) [3]. И это многократно было подтверждено историей науки. Так, факты многократного наблюдения обычными людьми и астрономами факта вращения Солнца, а также планет вокруг Земли легли в основу создания геоцентрической астрономии Птолемея, законами

которой были утверждения о вращении небесных тел (включая Солнце) вокруг Земли по круговым орбитам разного радиуса. На основе этих законов делались предсказания о местонахождении этих тел в будущем по отношению к Земле как системе отсчёта. Известно, что многие из этих предсказаний подтверждались с высокой точностью для астрономических наблюдений своего времени.

Все эмпирические законы по своему происхождению, функционированию, характеру истинности и обоснованности в рамках эмпирического уровня научного знания являются не более чем гипотезами и конструктами мышления. Но они должны быть полезными конструктами. Главная же их польза измеряется объяснительной и предсказательной силой, объёмом и точностью предсказанных ими фактов. При этом польза пользе рознь. Например, если гипотеза закона объясняет большое количество известных фактов, но мало или ничего не предсказывает, это недостаточно хороший конструкт. Если теория предсказывает новые факты, индуцируя научное исследование на проверку предсказаний, выступая тем самым фактором развития науки, это уже средний по значимости конструкт. Но лучшей гипотезой научного закона считается та, которая не только объясняет значительное число фактов и предсказывает новые, но и сопровождается подтверждением её предсказаний, особенно маловероятных в свете прошлого знания науки, с помощью эксперимента. А в случае, если сделанные на основе той или иной гипотезы эмпирического закона предсказания плохо соответствуют данным опыта, а тем более противоречат им, то такая гипотеза считается просто ложным конструктом. Как справедливо в этой связи отметил К. Поппер, над любым эмпирическим законом науки всегда висит дамоклов меч его опровержения. Более того, рано или поздно этот меч опускается на него (следует различать потенциальную и реальную фальсифицируемость эмпирического закона). Почему любой эмпирический закон рано или поздно, но

всегда опровергается? Потому что закон – это универсальное высказывание, относящееся к некоторой предметной области, количество элементов которой никогда не фиксируется (это в принципе невозможно сделать), а следовательно, является или неопределённым, или потенциально бесконечным. По самой своей конструктивной (эпистемологической) функции и логической структуре любой эмпирический закон – это запрет на бесконечное число событий, которые могли бы ему противоречить. Но, как показывает опыт реального развития науки и её истории, со временем такие события всегда находятся. И тогда научное сообщество стоит перед жёстким выбором: либо признать данный закон ложным, либо оставить его истинным, но при этом ограничить область его применения. И то и другое решение всегда имеет конвенциональный характер, выражая позицию либо отдельного учёного, либо научного сообщества.

При этом каждое из них должно иметь логические, эмпирические и исторические основания. Логическим основанием конвенциональности эмпирических законов является то, что они в принципе не могут быть выведены из любого количества фактов. Эмпирическим основанием конвенциональности закона является то, что факт и эмпирический закон имеют разный онтологический статус: факты – это знание о наблюдаемой реальности, законы – утверждения о всеобщих, необходимых, или должных отношениях между событиями и явлениями. Очевидно, что модальность отношений объектов в законе является в логическом плане более сильной, чем модальность отношений объектов в фактах. Из необходимого существования логически следует просто существование, тогда как обратное неверно, ибо существование может быть и случайным. Именно поэтому факты выводимы из эмпирических законов в качестве их следствий, тогда как законы не могут быть логически выведены из фактов. Отсюда следует важный методологический вывод: соответствие следствий закона фактам (даже вновь предсказанным

и подтверждённым в эксперименте) ещё не является доказательством истинности закона, а в лучшем случае только его рациональной претензией на статус научно-го закона. Но почему «в лучшем случае»? А потому что в соответствии с законами логики истинные следствия могут быть выведены не только из истинных посылок, но и из ложных. Приведём самый простой пример. Из двух заведомо ложных утверждений евклидовой геометрии: «все треугольники – квадраты» и «все квадраты имеют сумму углов 180° » – с логической необходимостью следует высказывание «все треугольники имеют сумму 180° ». А его истинность может быть подтверждена эмпирически: либо путём многократного измерения суммы углов отдельного евклидова треугольника, либо путём измерения суммы углов множества таких треугольников. Если предсказание факта из гипотезы закона осуществлено не с помощью дедуктивного вывода, а на основе аналогии проверяемого закона с каким-то другим научным законом, оно также не будет доказательством истинности проверяемого закона, а только вероятности его истинности в зависимости от степени полноты аналогии между ним и ранее принятым законом.

Приведём примеры из истории науки. Первоначальная так называемая планетарная модель атома как состоящего из ядра и вращающихся вокруг него по круговым орбитам электронов была построена по аналогии со структурой солнечной системы. С помощью данной планетарной модели атома Резерфорда был объяснён и предсказан ряд фактов из области квантовой механики. Но впоследствии от планетарной модели атома учёные всё же отказались, и при том не по эмпирическим причинам, а по теоретическим основаниям: она противоречила ряду положений квантовой теории и теории элементарных частиц. Другим примером сложного, неоднозначного, а потому конвенционально решаемого вопроса о соотношении эмпирического закона и фактов была судьба гипотезы английского учёного Ф. Праута

(сформулирована в 1815 г.) о кратности атомного веса любого химического элемента атомному весу атома водорода, равного единице. Однако тщательное экспериментальное измерение атомных весов ряда химических элементов, проведённое Я. Берцелиусом в 1828 г. и Э. Тернером в 1832 г. опровергали гипотезу Праута. В частности, атомный вес хлора оказался дробным и равным 35,45 по отношению к атомному весу водорода. В результате гипотеза Праута считалась опровергнутой, или, как минимум, не имеющей универсального характера. Впоследствии, однако, оказалось, что дробный атомный вес был обнаружен Берцелиусом и Тернером не у чистых химических элементов, а у их изотопов. В 1919 г. Ф. Астон с помощью масс-спектрографа обнаружил наличие стабильных изотопов у многих химических элементов. Их атомный вес действительно имел дробное значение, но при этом его отклонение от целочисленного значения атомного веса самих химических элементов не превышало 1%. Но самое главное, в защиту гипотезы Праута говорили теоретические соображения новой науки – квантовой механики о структуре ядер всех химических элементов. В результате выдвинутая Праутом гипотеза закона о целочисленном характере значений атомного веса всех химических элементов была спасена и считается сегодня истинной. Из анализа истории с гипотезой эмпирического закона Праута можно сделать три важных методологических вывода.

Первый. В отличие от истинности фактов истинность эмпирических законов доказывается не только и не столько соответствием следствий этих законов множеству данных наблюдения и эксперимента, сколько их соответствием другим законам, принятым в науке, причём не только эмпирическим, но и теоретическим законам. Второй. Оценка истинности эмпирических законов на основе соответствия их следствий данным наблюдения и эксперимента всегда будет иметь либо конвенциональный, либо консенсуальный характер. Почему? Потому что любое множество

данных наблюдения всегда является, во-первых, конечным, а, во-вторых, открытым для дополнений и изменений. Третий. Одним из важных средств отбора гипотез эмпирических законов с точки зрения их конструктивной полезности является их проверка на соответствие такому более общему элементу эмпирического уровня научного знания, как феноменологические теории.

Конструктивный характер феноменологических теорий

Что такое феноменологическая теория? Это множество эмпирических законов, относящихся к определённой предметной области, но объединённых впоследствии в логически и конструктивно организованную систему. Необходимо отличать эмпирические феноменологические теории от трансцендентальных научных теорий, описывающих свойства и законы определённого множества идеальных (ненаблюдаемых) объектов. Феноменологическими теориями науки были все теории древневосточной науки (арифметика, геометрия, механика, физика, химия, астрономия и др.), многие теории античной науки (механика Архимеда, физика Аристотеля, астрономия Птолемея, теория аргументации софистов, история Геродота и др.), научные теории Средних веков (алхимия, математические и физические теории арабов, китайцев, учёных ближнего Востока), многие феноменологические теории науки эпохи Возрождения и Нового времени (механика, физика и оптика Леонардо да Винчи, астрономия Коперника, механика Гука, электростатика Кулона и Кавендиша, газодинамика Бойля и Мариотта, химия Пристли и Лавуазье, биологические теории Линнея, Ламарка и Дарвина, экономические теории Рикардо и Смита). Но уже в Античную эпоху возник качественно новый тип теорий, описывающих особый вид реальности – идеальные объекты, которые были имманентными продуктами не опыта, а мышления. Первыми такими теориями были арифметика Пифагора и

геометрия Эвклида. Идеальными объектами арифметики Пифагора были натуральные и рациональные числа и их свойства, геометрии Эвклида – идеальные пространственные объекты: точки, линии, плоскости и все конструируемые из них плоские и объёмные геометрические фигуры. В отличие от феноменологических теорий, которые были рациональным описанием свойств и законов наблюдаемых объектов, математические теории греков были логически доказательным описанием свойств и отношений множества чисто мысленных, ненаблюдаемых объектов. Таким же образом античные учёные попытались построить всё научное знание, в том числе логику (Аристотель), философию (Фалес, Парменид, Сократ, Платон, Аристотель и др.) и даже социальные науки (Платон и др.). Но первой такого рода теорией в физике станет лишь классическая механика, построенная в Новое время усилиями Галилея, Декарта, Ньютона и др. После этого построение трансцендентальных научных теорий станет мейнстримом в развитии не только математики и физики, но и всего естествознания, а также технических, социальных и гуманитарных наук. Однако это отнюдь не отменило важности построения в науке феноменологических теорий, поскольку именно они имеют непосредственное техническое и технологическое применение на практике. Технология построения феноменологических теорий тоже совершенствовалась со временем.

Необходимыми условиями построения зрелой феноменологической теории являются: 1) разделение всех входящих в теорию эмпирических законов на более общие законы и менее общие; 2) использование при её построении ряда логических методов и средств: а) абстрагирование как метод перехода от чувственных данных опыта и замены их абстрактными объектами; б) дедукция как средство обеспечения логической взаимосвязи общих и частных понятий и утверждений теории; в) конструктивно-генетический метод как способ разворачивания содержания феноменологической теории; г) поиск об-

щих принципов, объединяющих множество законов теории в некую целостную систему. Феноменологическая теория не тождественна аддитивной (арифметической) сумме её эмпирических законов. Во-первых, потому что она соотносит себя с определённой предметной областью, все элементы которой, включая её законы, внутренне взаимосвязаны между собой. Требования к конструктивности феноменологической теории при принятии данного допущения: 1) все её понятия и законы не должны логически противоречить друг другу; 2) подтверждение опытом любого закона теории является дополнительным подтверждением всех других её законов; 3) опровержение опытом любого из законов феноменологической теории является опровержением всей теории в целом. Во-вторых, конструктивность феноменологической теории проявляется в поиске и формулировке учёными общих онтологических, гносеологических и методологических принципов как её «метафизического» ядра (Лакатос).

Примеры. Принципы феноменологической механики Аристотеля: 1) движение и изменение любого материального объекта обусловлено четырьмя видами причин: внешним воздействием, его вещественным субстратом, его формой, его целью; в теории должны быть указаны все эти виды причины для каждого объекта, иначе теория не может считаться ни полной, ни истинной; 2) основой и источником научного познания объектов являются систематические наблюдения за ними и обобщение их результатов; 3) природа не терпит пустоты; 4) равномерное движение материального объекта возможно только при постоянно приложенной к нему силе; 5) не существует абсолютного пространства и времени, это характеристики только отдельных объектов; 6) законы механического движения на земле и небе не одинаковы: на небе они более совершенны и просты. Принципы геоцентрической теории Птолемея: 1) Земля является естественным местом обитания человека, а потому должна быть приоритетной для

него системой отсчёта для описания всех процессов в Космосе; 2) законы движения небесных тел более совершенны, чем законы движения тел на Земле; 3) источником и основой научного знания должны быть систематическое наблюдение за объектами и обобщение данных наблюдения с помощью мышления. Принцип феноменологической термодинамики Нового времени: тепло – это особая материальная субстанция, передаваемая от одного тела к другому во время их взаимодействия (Г. Галилей, С. Карно и др.). Принцип флогистонной теории горения Нового времени: горение – это процесс высвобождения из объектов особой материальной субстанции – флогистона («горючего воздуха») (Шталь, Бехер, Бойль, Кавендиш, Пристли). Принципы кислородной феноменологической теории горения (Лавуазье, Ломоносов): 1) принцип сохранения вещества в материальном мире; 2) горение – это результат окисления горючих веществ кислородом воздуха. Принципы феноменологической теории эволюции Ламарка: 1) внутренней причиной эволюции всего живого является его стремление к самосовершенствованию (повышению своего адаптационного потенциала); 2) внешними причинами, оказывающими существенное влияние на характер эволюции живого, является воздействие окружающей среды и внутривидовое соперничество за лучшие условия существования. Принципы феноменологической теории эволюции Дарвина: 1) существует внутривидовая борьба организмов любого вида за условия существования (главными из которых являются доступность к пище и размножение); 2) выживают наиболее приспособленные к существующей среде обитания; 3) имеет место наследование потомками приобретённых их родителями качеств в борьбе за существование. В классической феноменологической термодинамике таким принципом был закон сохранения энергии¹.

Являясь рациональной моделью чувственной реальности, эмпирическая ре-

¹ Концепции современного естествознания: учебник / под общ. ред. С. А. Лебедева. М.: Юрайт, 2016. 374 с.

альность, тем не менее, не тождественна ни чувственной, ни объективной реальности. После завершения процесса конструирования эмпирическая реальность обретает статус самостоятельной, относительно независимой, аутопоэтической системы по отношению к чувственной реальности. Сравнивая чувственную и эмпирическую реальность, было бы неверно утверждать, что содержание эмпирической реальности любой науки беднее её чувственной реальности. Это не так: в чём-то чувственная реальность богаче эмпирической реальности, а в чём-то эмпирическая реальность богаче чувственной. Несомненным достоинством эмпирической реальности является то, что её содержание является более определённым и точным, чем содержание чувственной реальности. Именно на этом основании эмпирическая реальность феноменологической теории может рассматриваться в качестве эталонной по отношению как к чувственной, так и к объективной реальности, наделяя их элементы точным значением и смыслом. Между чувственной и эмпирической реальностью существует три основные формы взаимосвязи: генетически-конструктивная, оценочная и интерпретационная. Во-первых, чувственная реальность, как правило, является исходным материалом для построения эмпирической реальности. Во-вторых, после своего построения эмпирическая реальность служит средством оценки степени точности и определённости наблюдаемой реальности. В-третьих, применение эмпирического знания на практике возможно только после интерпретации его понятий и высказываний в терминах опыта. А это возможно только после отождествления элементов этих двух видов реальности.

Очевидно, что любая процедура отождествления нетождественного имеет конструктивный и условный характер. Основу такой процедуры составляют не только разум, но и воля исследователя. Главным критерием оправданности попытки отождествления чувственной и эмпирической реальности является только

увеличение не только объяснительного, но особенно предсказательного потенциала эмпирического знания и его законов. Доказательством того, что отождествление элементов чувственной реальности (данных наблюдения) с эмпирической реальностью (фактами и законами) имеет ставочный характер (по сути – это метод проб и ошибок), является история любой реальной науки. Например, история астрономии с отождествлением в ней наблюдаемого положения планет с точками траекторий их движения в соответствии с законами её феноменологических теорий (теории Птолемея, Коперника, Тихо Браге, Кеплера). В теории Птолемея местоположение всех планет и Солнца отождествляется с точками круговых орбит их вращения вокруг Земли; у Коперника наблюдаемое местоположение планет отождествляется с точками круговых орбит их вращения вокруг Солнца; у Браге имеет место круговое движение всех планет вокруг Солнца, но оно дополнено вращением Солнца вместе с планетами вокруг Земли, поэтому планеты двигаются относительно Земли по эпициклам; у Кеплера – все планеты, включая Землю, вращаются вокруг Солнца по эллиптическим орбитам. Все указанные теории, за исключением теории Коперника, имели значительную объяснительную и предсказательную мощь и в целом достаточно хорошо соответствовали данным наблюдения своего времени.

Несмотря на существенные недостатки феноменологических теорий по сравнению с научными теориями об идеальных объектах вторые являются истинными и доказательными, тогда как первые лишь вероятно истинными, – у феноменологических теорий есть два своих преимущества по сравнению с трансцендентальными теориями. Первое – это их непосредственное практическое применение. Второе – это их способность постоянно развиваться в направлении улучшения своей конструктивности. Трансцендентальные же теории не имеют такой возможности: они с самого начала строятся мышлением как неизменно истинные. Любой вари-

ант их улучшения – это уже другая теория, альтернативная прежней. Примеры. Евклидова геометрия – неевклидова геометрии. Дедуктивно-аксиоматическая математика – конструктивная математика. Классическая механика – неклассическая механика (теория относительности, квантовая механика). Классическая термодинамика – синергетика. Классическая электродинамика – квантовая электродинамика. Классическая космология – теория большого взрыва (эволюционная космология). Марксистская теория экономического детерминизма и теория многофакторного характера развития общества и цивилизации. Для трансцендентальных теорий существует всего два требования их конструктивности: однозначная определённость (неизменность) содержания всех их понятий и логическая доказательность всех их утверждений.

Феноменологические теории имеют более «мягкие» требования к своей конструктивности, чем трансцендентальные теории. Но их в два раза больше. Этими требованиями являются: 1) множество данных наблюдения и эксперимента в качестве их основы; 2) множество эмпирических законов, объясняющих и предсказывающих эти данные; 3) ряд общих принципов; 4) соответствие феноменологической теории или общим положениям философии или законам фундаментальных (трансцендентальных) теорий. Все эти требования не являются однозначно (строго) определёнными, а потому вполне возможно изменение их содержания. Такие изменения и является главным фактором их внутренней эволюции. Совершенствование феноменологической теории должно отвечать следующим условиям изменения их содержания. Первое: увеличение эмпирической базы данных, составляющих основу любой феноменологической теории. Второе: нахождение (конструирование) новых эмпирических законов теории. Третье: изменение содержания общих принципов теории на их соответствие изменениям в условиях первом и втором. Рассмотрим изменение требований конструктивности феномено-

логической теории на примере эволюции гелиоцентрической теории Солнечной системы.

Первый вариант гелиоцентрической теории Солнечной системы – концепция древнегреческого философа и астронома Аристарха Самосского: Солнце – центр Космоса, и все небесные тела, включая Землю, вращаются вокруг Солнца. Однако у этой общей идеи, во-первых, было к тому времени мало астрономических подтверждений, а, во-вторых, она входила в явное противоречие с повседневным чувственным опытом людей о наблюдении движения Солнца вокруг Земли. Гелиоцентрическая модель Аристарха Самосского была вполне конструктивна с логической точки зрения, т. к. она была непротиворечива. Но она была явно неконструктивна в эмпирическом и философском планах. В эмпирическом плане она игнорировала данные чувственного познания людей, свидетельствовавшие о постоянном наблюдении движения Солнца вокруг Земли. В философском плане она была не конструктивна, потому что противоречила тому очевидному факту, что человек как познающее существо жёстко привязан к Земле как своему местопребыванию и единственно возможной для него глобальной физической системе отсчёта. А позднее, с возникновением христианства и его утверждением в качестве господствующего мировоззрения в средневековой Европе, гелиоцентрическая феноменологическая теория была объявлена ложной концепцией, т. к. противоречила Священному писанию. Согласно Библии, Бог остановил Землю, а не Солнце, а затем поместил на Землю Человека, наделив его способностью познания объективной истины. Соответственно, в Средние века гелиоцентрическая теория Вселенной расценивалась не просто как заблуждение, а как явная ересь и богохульство.

Реанимация гелиоцентрической системы была предпринята только в XVI в. Н. Коперником на основе предположения, что каждая планета вращается вокруг Солнца по круговой орбите как наи-

более совершенной из всех возможных траекторий благодаря близости планет к Богу. Одним из главных конструктивных достоинств гелиоцентрической теории Коперника была её содержательная и методологическая простота по сравнению с геоцентрической теорией Птолемея. Хотя в теории Коперника и использовались эпициклические траектории движения некоторых планет вокруг Солнца (например, Марса в силу наблюдаемого неравномерного характера движения этой планеты), однако, количество эпициклов в небесной механике Коперника было значительно меньше, чем у Птолемея [2]. Но, с другой стороны, гелиоцентрическая теория Коперника гораздо хуже соответствовала данным астрономических наблюдений за движением других планет, чем теория Птолемея. И в этом отношении она была менее конструктивной, чем последняя. С конструктивной точки зрения точность предсказаний теории гораздо важнее логической простоты этих предсказаний. Именно поэтому большинство астрономов XVI в. не приняли теорию Коперника и по-прежнему отдавали предпочтение в своей практической работе геоцентрической теории, особенно после её улучшения великим датским астрономом Тихо Браге. Согласно астрономической теории Браге, все известные планеты непосредственно вращаются вокруг Солнца, но оно вместе с планетами вращается по окружности вокруг Земли, а потому орбиты планет относительно Земли являются не круговыми, а эпициклическими. Эта модель максимально полно соответствовала всем астрономическим наблюдениям того времени, точность фиксации которых благодаря усовершенствованию инструментов наблюдения Тихо Браге резко возросла [1]. В геоцентрическую систему Коперника Браге не верил, называя её математической спекуляцией. Окончательно эта вера была разрушена после того, как в ноябре 1577 г. по небу пронеслась вызвавшая у всех жителей, включая учёных, огромный переполох яркая огненная комета. Сопоставив свои тщательные наблюдения за движе-

нием этой кометы с данными, полученными астрономами в других обсерваториях, Браге пришёл к твёрдому выводу о том, что кометы – это не атмосферное явление, как считали многие учёные, начиная с Аристотеля, а объекты внеземного происхождения. В 1580–1596 гг. на небе появилось ещё 6 комет, наблюдение за которыми лишь подтвердило убеждение Браге. Но из того факта, что кометы как массивные космические объекты беспрепятственно летают по небу, однозначно следовало опровержение аксиомы теории Коперника о том, что звезды и планеты твёрдо прикреплены к хрустальным сферам и вращаются вместе с ними. Но после пролёта огненных комет никакого «конца света» не случилось, а, следовательно, этих хрустальных сфер и не существует. Концепция Тихо Браге оказалась более конструктивной по отношению к теории Коперника и в философском плане. Как известно, в заключении экспертной комиссии из астрономов и философов, созданной по запросу инквизиции относительно оценки теории Коперника, было сказано, что предположение о том, что «Солнце является центром мироздания и неподвижно» является абсурдным с философской точки зрения и еретическим с религиозной, ибо «противоречит Священному писанию» [10, с. 162]. В соответствии с решением суда инквизиции главная книга Коперника «О вращении небесных сфер» была в 1616 г. внесена католической церковью в индекс запрещённых книг как ересь. Преимуществом «гелиоцентрической» системы мира Тихо Браге, представлявшей собой комбинацию теорий Птолемея и Коперника, было то, что она не вызывала никаких возражений у инквизиции, поскольку не противоречила господствующему мировоззрению того времени.

Третьим вариантом гелиоцентрической теории Солнечной системы была теория коллеги и помощника Тихо Браге, немецкого учёного Иоганна Кеплера (1571–1630). Перед смертью Т. Браге попросил Кеплера поддержать его теорию [1]. Однако, научная жизнь и служение Истине распо-

рядились иначе. Браге оставил Кеплеру огромное научное наследие – записи со- рокалетних астрономических наблюдений за положением планет на небосводе – и посоветовал ему обратить особое внимание на таблицы наблюдений за Марсом. Они говорили о том, что орбита этой планеты похожа не на окружность, а скорее на эллипс. Кеплер, который с юношеских лет был под большим влиянием смелой гелиоцентрической теории Коперника, поместил в один из фокусов предполагаемой эллиптической траектории Марса Солнце. В рамках такой конструкции было очень хорошее совпадение её следствий не только с таблицами астрономических наблюдений Браге за движением Марса, но и с его наблюдениями других известных тогда планет. Так появился первый закон небесной механики Кеплера: закон об эллиптических траекториях движения всех планет вокруг Солнца. Вслед за первым законом Кеплер открыл второй закон движения планет вокруг Солнца, согласно которому радиус-вектор, соединяющий любую планету с Солнцем, за равное время описывает равные площади. Оба этих закона, полученных Кеплером фактически с помощью индукции как обратной дедукции, он опубликовал в 1609 г. в своей книге «Новая астрономия» [1].

Однако далеко не все физики и астрономы того времени приняли законы Кеплера. В частности, Г. Галилей, будучи догматическим приверженцем теории Коперника о круговом движении планет вокруг Солнца, решительно отверг эллиптические орбиты Кеплера. В 1618 г. Кеплер открыл третий закон своей феноменологической теории, согласно которому отношение куба среднего удаления любой планеты от Солнца к квадрату периода её обращения вокруг него есть величина постоянная. Это закон был опубликован вместе с двумя другими законами в последней книге Кеплера «Гармония мира» (1618 г.). В надежде на поддержку нового варианта гелиоцентрической системы Кеплер посылает её Галилею. Но никакого ответа от него он так и не получил. Кстати, в

этой книге Кеплер подверг также критике концепцию бесконечности Вселенной, со- славшись в качестве аргумента на фото- метрический парадокс, согласно которому если бы Вселенная была бесконечной, то количество звёзд на небе было бы таким, что не было ни одного тёмного участка, но наблюдения за небом свидетельствовали об обратном. Будучи убеждённым эмпири- ком, Кеплер в то же время верил в скрытую математическую гармонию Вселенной [1]. Но такая же вера была и у других создате- лей классической физики Галилея, Декарта и Ньютона. Галилей: «Книга Природы на- писана Богом языком математики», – и поэтому физические истины могут быть только математическими уравнениями. Декарт также последовательно отстаивал идею геометризации физики и описания всех её законов в форме математических уравнений. Да и главная книга Ньютона, в которой им были сформулированы основ- ные законы классической механики и фи- зики, имела симптоматическое название, а именно «Математические начала нату- ральной философии» [8]. Под натуральной философией, начиная с Аристотеля, имели в виду общее учение о природе и её зако- нах. Согласно Ньютону, это могли быть только математические законы.

Для любого эмпирического закона, как и для любой феноменологической теории как системы таких законов, существует одна трудно разрешимая проблема – до- казательство их истинности. Дело в том, и это строго доказано в современной ме- тодологии науки, что соответствие фе- номенологической теории сколь угодно большому количеству фактов не может служить доказательством её истинности, ибо с логической точки зрения истинные следствия могут быть выведены и из лож- ных посылок. Опыт может в лучшем слу- чае лишь подтвердить возможную истин- ность теории, но он не способен доказать её. Она может быть доказана только путём логического выведения её законов из за- конов более общей теории, признанной истинной. Для гелиоцентрической теории Кеплера такой теорией станет механика

Ньютона, но это произойдёт лишь через полвека после создания Кеплером своей теории. На основе закона всемирного тяготения Ньютону удалось вывести все три эмпирических закона Кеплера в качестве следствий из своей теории механики, описывающей законы движения и взаимодействия материальных точек в евклидовом пространстве [8].

Но это было сделано Ньютоном при принятии им двух следующих конструктивных допущений: 1) отождествления Солнца и планет с материальными точками, т. е. путём полного абстрагирования от огромных размеров Солнца и планет как факторов, возможно, оказывающих влияние на характер движения планет; 2) полного абстрагирования от возможного влияния на характер движения планет их взаимодействия между собой, а также с другими факторами космической среды. К этому времени классическая механика благодаря своей логической простоте и доказательности, значительному объяснительному и предсказательному потенциалу, а также большому числу практических применений приобретала статус новой парадигмальной физической теории, пришедшей на смену физике Аристотеля. Став одной из областей применения классической механики, гелиоцентрическая концепция Солнечной системы получила от неё мощную поддержку. Позднее классическая механика вновь продемонстрирует свой эвристический потенциал. На основе её предсказаний были открыты две новые планеты Солнечной системы: Уран (предсказанный и открытый в XVIII в. У. Гершелем) и Плутон (предсказанный и открытый в XIX в. У. Леверье). Однако небесная механика так и не смогла справиться с решением мучившей всех астрономов проблемы: объяснить величину смещения перигелия Меркурия во время его вращения вокруг Солнца. Оказалось, что наблюдаемая величина скорости смещения перигелия Меркурия была быстрее, чем предсказывает механика Ньютона. Объяснение этого факта будет сделано только в XX в. А. Эйнштейном в рамках общей теории относительности (ОТО), но

это будет теория, альтернативная механике Ньютона. Согласно ОТО, реальное физическое пространство имеет не плоский характер, как считалось в механике Ньютона, а искривлённый (с «горками» и «впадинами»). Искривление структуры физического пространства происходит, согласно Эйнштейну, благодаря воздействию на пространство гравитационных масс¹.

Доказательством огромной творческой мощи мышления по созданию трансцендентальных научных теорий стала история конструирования физиками XX в. различных теорий тяготения, альтернативных не только классической механике и ОТО, но и друг другу. За сто лет было создано более двадцати таких теорий. Каждая из них обладает большим объяснительным потенциалом различных проявлений гравитации в объективной (наблюдаемой) реальности. Вместе с тем каждая из них оказалась неполной и только приблизительно в отношении объяснения этих проявлений. Вот как выглядит классификация альтернативных теорий тяготения: 1) нерелятивистские теории: теория Лессажа и модифицированная ньютоновская динамика (МОНД); 2) релятивистские теории: РТГ А. А. Логунова, калибровочная теория, теория с массивным гравитоном, Теория Нордстрема, теория Бранса-Дикке, биметрические теории, несимметричные теории, Теория Уайтхеда, не метрическая теория Эйнштейна-Картана и др.; 3) квантовые теории гравитации: каноническая квантовая гравитация, петлевая, полуклассическая, теория Уилера-Девитта, Индуцированная теория, некоммутативная геометрическая; 4) многомерные теории: ОТО в многомерном пространстве, теория Калуцы-Клейна, теория супергравитации, Теория струн, теория суперструн, М-теория, исключительно простая теория всего². Это многообразие альтернативных

¹ Смещение перигелия Меркурия // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смещение_перигелия_Меркурия (дата обращения: 11.02.2022).

² Альтернативные теории гравитации // Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Альтернативные_теории_гравитации (дата обращения: 11.02.2022).

теорий гравитации нельзя рассматривать ни как свидетельство ложности большинства из них, ни как признание относительной истинности каждой из них. С позиции конструктивного понимания научного познания оно свидетельствует только о том, что между теориями как описаниями эталонной реальности и объективной реальностью как областью их применения для её структурирования полное тождество невозможно в принципе. А это означает, что плюрализм в научном познании действительности неизбежен и что ни одна теория не может говорить от имени абсолютной истины в понимании объективной реальности.

Что изменилось в наше время в понимании конструктивного характера феноменологических теорий? Произошло три таких изменения. Первое. Благодаря резкому увеличению количества и качества научных приборов содержание чувственного уровня научного знания как основы эмпирического уровня знания всё больше сводится к содержанию показаний приборов. А содержание первого уровня эмпирического знания – протокольных предложений – сводится к записи на специальном техническом (приборном) языке показаний приборов. Поскольку любые научные приборы являются материальным воплощением определённых научных теорий (как феноменологических, так и трансцендентальных), можно констатировать резко возросшее влияние научных теорий как на процессы получения эмпирического знания, так и на его интерпретацию с позиций определённых теорий [10]. Второе изменение. К новым требованиям конструктивного обоснования феноменологических теорий присоединилось требование обоснования их законов помощью трансцендентальных научных теорий. Раньше роль общих оснований феноменологической теории выполняла философия. Например, это такие положения философии, как взаимосвязь всех явлений в мире; закон сохранения энергии и вещества в материальных системах; принцип причинности в объяснении материальных взаимо-

действий. В современной науке функцию конструктивного обоснования феноменологических теорий выполняют уже не философские принципы, а фундаментальные научные теории (теории о конкретных множествах идеальных объектов, их свойствах, отношениях и законах). Как было показано выше, впервые в истории науки такой тип обоснования феноменологической теории произошёл при обосновании теории Кеплера и её законов с помощью механики Ньютона и её закона всемирного тяготения. Функция философии как конструктивного элемента научного познания сохранилась, но была передвинута на уровень обоснования уже трансцендентальных научных теорий. Третье изменение. Оно затронуло критерий истинности как отдельных эмпирических законов, так и их системы в виде феноменологических теорий.

Сегодня наука представляет собой уже огромную когнитивно-социальную систему с большим количеством учёных, огромным разнообразием тем и направлений исследований, высокоточной приборной и мощной технической базой, существенным разделением труда в научной деятельности. В современной науке основным субъектом научного познания стал уже не отдельный учёный, а научный коллектив как часть дисциплинарного сообщества (математики, физики, биологи, экономисты, социологи, юристы и т. д.). Соответственно, решение всех вопросов, связанных с получением и обоснованием научного знания, стало теперь предметом решения не отдельного учёного, а дисциплинарного сообщества [6]. Соответственно, критерием истинности научного знания теперь стало не решение отдельного учёного о соответствии (тождестве) полученного им знания о предмете своего исследования, а решение соответствующего научного сообщества. Во всех науках и на всех уровнях научного познания основным критерием истинности научного знания стал сегодня консенсус научного сообщества [5].

Выводы

1. Целью эмпирического уровня научного познания является деятельность сознания по проектированию и конструированию эмпирической (абстрактной) реальности, её описание и последующее сравнение с чувственной и объективной реальностью. Проект считается удачным, если в результате применения эмпирической реальности как эталона при оценке чувственной и объективной реальности обнаруживается их частичное содержательное и функциональное тождество с эмпирической реальностью. Это тождество никогда не бывает абсолютно полным, а только относительным и приближенным.

2. Эмпирическое познание в науке регулируется следующими конструктивными требованиями: максимально точное описание данных наблюдения и эксперимента на уровне протокольных предложений;

правильное обобщение протокольных предложений при конструировании научных фактов; конструирование таких эмпирических законов, которые обладали бы максимальной объяснительной и предсказательной силой; конструирование феноменологической теории как эталонной по отношению к чувственной и объективной реальности.

3. Главным критерием истинности эмпирического знания является успешная практическая деятельность на его основе. Показателем такого успеха является достижение субъектом тех целей, которые он ставил перед собой. Итоговой оценкой истинности и практической значимости любой эмпирической теории является консенсус соответствующего дисциплинарного сообщества как социального субъекта научного познания.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый Ю. А. Иоганн Кеплер. М.: Наука, 1971. 295 с.
2. Коперник Н. О вращениях небесных сфер. М.: Наука, 1964. 645 с.
3. Лебедев С. А. Методология науки: проблема индукции. М.: Альфа-М, 2013. 192 с.
4. Лебедев С. А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 448 с.
5. Лебедев С. А. Уровневая методология науки. М.: Проспект, 2020. 208 с.
6. Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
7. Лебедев С. А., Назаров А. А. Конструктивистская концепция чувственного познания // Журнал философских исследований. 2022. Т. 8. № 1. С. 3–11.
8. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / пер. А. Н. Крылова. М.: Наука, 1989. 690 с.
9. Пронских В. С. Эпистемологические и социально-онтологические особенности современного физического эксперимента: автореф. ... канд. филос. наук. М., 2017. 24 с.
10. Фантоли А. Галилей в защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви / пер. А. Брагин. М.: МИК, 1999. 161 с.
11. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Мюнхен: Phren, 2000. 332 с.

REFERENCES

1. Bely Yu. A. *Iogann Kepler* [Johann Kepler]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 295 p.
2. Kopernik N. *O vrashcheniyah nebesnyh sfer* [On the Rotations of the Celestial Spheres]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 645 p.
3. Lebedev S. A. *Metodologiya nauki: problema indukcii* [Methodology of Science: The Problem of Induction]. Moscow, Alfa-M Publ., 2013. 192 p.
4. Lebedev S. A. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2021. 448 p.
5. Lebedev S. A. *Urovnevaya metodologiya nauki* [Level Methodology of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 208 p.
6. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: pozitivno-dialekticheskaya koncepciya* [Philosophy of Science: A Positive Dialectical Concept]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 448 p.

7. Lebedev S. A., Nazarov A. A. [The Constructive Conception of Sensual Knowledge]. In: *Zhurnal filosofskih issledovaniy* [Journal of Philosophical Research], 2022, vol. 8, no. 1, pp. 3–11.
8. Newton I. *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* (Krylov A. N., transl. *Matematicheskie nachala natural'noj filosofii*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 690 p.).
9. Pronskih V. S. *Epistemologicheskie i social'no-ontologicheskie osobennosti sovremennogo fizicheskogo eksperimenta: avtoref. ... kand. filos. nauk* [Epistemological and Socio-Ontological Features of Modern Physical Experiment: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philosophy]. Moscow, 2017. 24 p.
10. Fantoli A. Galileo – Per il Copernicanesimo e per la Chiesa (Rus. ed.: Bragin A., transl. *Galilej v zashchitu ucheniya Kopernika i dostoinstva Svyatoj Cerkvi*. Moscow, MIK Publ., 1999. 161 p.).
11. Tsokolov S. *Diskurs radikal'nogo konstruktivizma* [Discourse of Radical Constructivism]. Myunhen, Phren Publ., 2000. 332 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: saleb@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Senior Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: saleb@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А. Конструктивная природа эмпирического познания в науке // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 29–50.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-29-50

FOR CITATION

Lebedev S. A. The Constructive Nature of Empiric Cognition in Science. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 29–50.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-29-50

УДК 101

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-51-61

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ В НАУЧНЫХ ПРЕДИКАТАХ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Молчан Э. М.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать, какие ценности и оценки присущи учёным и какими аксиологическими предикатно-атрибутивными функциями обладают науки.

Процедура и методы. Проведён социально-философский анализ аксиологического состояния современных ценностно-нормативных систем как модельных структур, отражающих моральный статус идеально-атрибутивных свойств науки и ценностно-содержательного ядра мировоззренческий универсалий учёного. Методологией исследования выступает философско-аксиологический подход изучения ценностно-смыслового императива в научных предикатах мировоззрения учёного. Теоретико-методологическим базисом исследования выступают тезисы: ценности и оценки неизбежно присутствуют в естествоиспытателях и науках; наука и учёные не свободны от ценностей.

Результаты. Аксиологический императив (в философии – повеление, безусловное требование) предопределяет нормативно-правовое регулирование в науке, характер ценностно-смыслового мировоззренческого ядра учёного. Он показывает, какие вещи или явления могут быть рационально поняты и оценены человеком в рамках формальной аксиологии или теории ценностей. Представлены три основных типа объектов-ценностей и их оценки людьми, а также теоретическая надстройка, как ценности необходимо ранжировать по отношению к идеальным феноменам. Данное теоретическо-методологическое обоснование предопределяет сущностную особенность мировоззренческого ядра естествоиспытателей и их отношения к наукам.

Теоретическая и/или практическая значимость. Синтезирован теоретический материал по проблеме исследования. Выводы концептуального исследования вносят вклад в теоретико-методологическую базу социально-философского знания. Их актуальность заключена в использовании аксиологической базы как теоретического проецирования на практическую надстройку реализации модельного ряда ценностно-смысловой структуры субъективной реальности. Это позволит спроектировать футурологическую модель аксиологического будущего в соотношении ценностей науки и учёных, решить проблему неправильного использования открытий. Автор приходит к выводу, что ценностно-правовой статус учёного характеризует положительное развитие науки, которой предначертана роль служить во благо человечества. Следовательно, ценностно-правовой императив в научных предикатах мировоззрения предполагает моральный регулятор, ответственность учёных, научно-исследовательских коллективов, корпораций за свои открытия и сохранность современной цивилизации.

Ключевые слова: аксиологически самоценные объекты, аксиологический императив, объекты внешней ценности, системная оценка, системная ценность, форма блага, ценности, ценностное основание науки

AXIOLOGICAL IMPERATIVE IN SCIENTIFIC WORLD VIEW PREDICATES

E. Molchan*State University of Education**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

© CC BY Молчан Э. М., 2023.

Abstract

Aim. To analyze what values and assessments are inherent in scientists and what axiological predicate-attributive functions sciences have.

Methodology. The study presents a socio-philosophical analysis of the axiological state of modern value-normative systems as the model structures which reflect the moral status of the ideal-attributive properties of science and the value-content core of the scientist's worldview universals. The research methodology is the philosophical and axiological approach to studying the value-semantic imperative in the scientific predicates of the scientist's worldview. The theoretical and methodological basis of the research is the following theses: values and assessments are inevitably present in natural scientists and sciences; science and scientists are not free from values.

Results. The axiological imperative (in philosophy it means command, absolute demand) predetermines the statutory regulation in science, the nature of the value-semantic worldview core of the scientist. It shows what things or phenomena can be rationally understood and evaluated by a person within the framework of formal axiology or theory of values. Three main types of object-values and their assessment by people are presented, as well as a theoretical superstructure of how values should be ranked in relation to ideal phenomena. This theoretical and methodological justification predetermines the essential feature of the worldview core of natural scientists and their attitude to the sciences.

Research implications. Theoretical material on the research problem is synthesized. The conclusions of the conceptual study contribute to the theoretical and methodological basis of socio-philosophical knowledge. Their relevance lies in the use of the axiological base as a theoretical projection onto the practical superstructure of the implementation of the model range of the value-semantic structure of subjective reality. This will allow us to design a futurological model of the axiological future in relation to the values of science and scientists, to solve the problem of misuse of scientific discoveries. The author concludes that the value-legal status of a scientist characterizes the positive development of science, which is destined to serve for the benefit of mankind. Consequently, the value-legal imperative in the scientific predicates of the worldview implies a moral regulator, the responsibility of scientists, research teams and corporations for their discoveries and the preservation of modern civilization.

Keywords: axiologically valuable objects, axiological imperative, objects of external value, systemic assessment, systemic value, form of good, values, value basis of science

Введение

В социальной философии и аксиологии осуществляется поиск эффективного и рационального теоретико-методологического объяснения теории ценностей с учётом применения и использования при диагностической оценке как собственных, так и коллективных ценностей. Каждая жизнеспособная аксиология или теория ценностей определяет логические ответы на вопросы: что значит добро? какие виды положительных ценностей существуют? как расставить по приоритетам или ранжировать ценности? чем аксиологические теории хороши в практическом применении, осмыслении понятия ценности и предопределении ценностного основания в академических и практических дисциплинах?

Интерпретация этих вопросов предполагает обращение к категории «добро» и связанных с ним ценностных понятий. В аксиологических представлениях ответ лежит в предикатно-атрибутивных функциях данного феномена, обладающего в локальном смысле качествами или свойствами, соответствующими идеальным представлениям. В ментальных структурах сознания существуют концепции или идеалы, т. е. такое истинное значение «добра», которое философы искали со времён Платона [8, с. 431]. Идеальная ценность или свойство, которым должен обладать конкретный субъект или объект, называется «приращением добра». В ментальных дампах памяти человека не всегда отражена идеальная сущность предмета, т. к. присутствует искажение предикатно-атрибутивных

свойств, но идеальные объекты или субъекты могут быть идентифицированы как добродетельные с позиции их реализации в пространственно-временном континууме. Рациональное понимание истинной сущности идеальной формы предмета лежит за пределом материальной действительности вещей, в мире виртуальных измерений, однако данное отражение накладывает отпечаток на субъективную самость реальности как таковой. Аксиологический императив предполагает формулировку рационального понимания действительной сущности исследуемого предмета, а затем фиксирование эмпирического факта предикатно-атрибутивных свойств действительности вещи в ракурсе наших идеалов или норм в ценностно-смысловом измерении действительности [7].

Основные задачи нашего исследования: определить критериальные показатели ценностей учёного или науки, раскрыть предикативно-атрибутивные функции и понять закодированные в них ценностно-смысловые доминанты. Предикатно-атрибутивные функции явления или предмета хорошо отражены в нормах и стандартах, предопределяющих научные ценности, следовательно, возникает необходимость определить или создать соответствующие критериальные показатели, а затем применять их на практике. Однако есть объекты, даже в естественных науках, которые не удовлетворяют или не отвечают нашим критериям. Объекты, которые не соответствуют нашим нормам и стандартам, необходимо разделить на «удовлетворительные», «средние», «плохие» или «бесполезные» в зависимости от степени их соотношения с ценностно-смысловыми характеристикам. Некоторым действительно нежелательным, или «плохим» видам деятельности может не хватать хороших решений, а другие являются злом из-за наличия «плохих свойств», например, ошибочное использование химического или биологического соединения (зло по наличию). «Плохой» или «злой» может быть определён либо как отсутствие хороших свойств, либо как наличие отрица-

тельных. Учёные могут осознавать или не осознавать, насколько ценна их работа. Они понимают, что регулярно оценивают себя и свою работу согласно установленным профессиональным критериям оценки, которые стандартизируются профессиональными ассоциациями или журналами. Нормативные стандарты определяют и предписывают полезные свойства, характеризующие результаты научных исследований. Грантовая деятельность задаёт критериальные показатели, цели и ожидаемые результаты. Финансируемая работа учёных имеет своей целью достижение конкретного результата и иногда выходит за рамки моральных и этических норм. Аксиологическая сторона учёных выступает важным компонентом профессиональных и самостоятельных ожиданий. Повседневная научная работа направляется и оценивается по аксиологическим нормам. Если мы хотим знать, являются ли «хорошими» те или иные учёные и их исследования, эксперименты и теории, нам необходимо идентифицировать в уме соответствующие идеальные нормы, которые, как ожидается, будут выполняться. Только тогда мы, в том числе и учёные, сможем применять идеальные свойства для оценки «хороших» учёных, научных исследований, будущих научных проектов, текущих или ожидаемых экспериментов, соответствующих научных установок и теорий и т. д. При ясном понимании и применении ожидаемых результатов сами учёные могут рационально распознать собственную профессиональную ценность, ценность их научной деятельности, а также полезность, присущую конкретным наукам. Учёные, которые полностью оправдывают предъявляемые к ним идеальные ожидания, действительно «хорошие» учёные. Данное понимание верно для научных практик, приложений, экспериментов, исследовательских проектов, теорий, публикаций, системы образования и т. д. Существует множество степеней и видов стандарта или концепций-выполнения, согласно которым учёные делают то,

что они «должны» делать или что для них «правильно».

Все ценностные понятия могут быть аксиологически определены, но необходимо разграничить ценности-оценки и мораль. Большинство оценочных суждений не являются моральными суждениями. Высказывания о том, что наука свободна от ценностей, порождает хаос в аксиологии. Мы регулярно используем слово «хороший» для обозначения всех видов абстрактных ценностей, например, «хорошая машина», «хорошая еда», «хороший продавец», «хороший учитель», «хороший коллега», «хороший эксперимент» [10]. На протяжении всей повседневной жизни мы регулярно выносим суждения о «хорошем или плохом», «лучшем или худшем» и не задумываемся о морали, когда делаем такие оценочные суждения. Учёные регулярно предопределяют оценочные суждения, например, «это хорошая теория», «это лучший эксперимент», «это лучший способ сделать это» и «это лучший вывод», но ни одно из этих суждений не является моральным. Тем не менее, все оценочные суждения включают в себя применение определённых наборов «хороших решений». Рациональная ценность суждения основана на ясном понимании того, что представляют собой положительные свойства и как они относятся к оцениваемым частностям, т. е. в какой степени эти частности иллюстрируют определённые наборы идеальных свойств. Пока мы не идентифицируем соответствующие полезные свойства, мы действительно не знаем, как поступить с нашими оценками [6].

Итак, что такое хороший учёный, хороший исследовательский проект, хороший эксперимент, хорошая теория и т. д.? Что делает некоторых университетских учёных достаточно хорошими, чтобы иметь право на продвижение по службе или прибавку к зарплате? Отдельные учёные, сообщества учёных, их руководители, их профессиональные организации и журналы, а также те, кто их финансирует, регулярно создают и применяют собственные профессиональные критерии или нормы. Те,

кто создаёт и применяет критерии для измерения ценностей учёных, научных проектов и т. п., могут не осознавать, как они связаны с ценностями и оценками.

Виды ценностей и оценок

Различные измерения классифицируют виды ценностей объектов или их отношения, включая в себя оценки, т. е. то, как эти виды объектов-ценностей должны оцениваться. Иногда предмет оценивается с позиции нескольких критериальных измерений, т. к. данная вещь или явление имеет двойственную ценность, например материальную и духовную (картина и изображение на ней). Правильная оценка включает в себя как рациональное понимание ценности, так и чувственную сторону интерпретации. Во-первых, на рациональном уровне ко всем ценным объектам применяется форма «добро»: что-то является хорошим, если оно реализует все идеальные добродетельные свойства предполагаемого и ожидаемого. Во-вторых, чувства или привязанности всегда присутствуют в оценке, когда кто-то наделяет ценностью что-либо в связи со своей внутренней оценкой. Область науки включает в себя как идеальные стандарты, так и уместные (или неуместные) чувства, хотя последние часто плохо распознаются и понимаются [11].

Объекты системной ценности – это ментальные или концептуальные символы, которые существуют преимущественно в нашем собственном сознании, в результате чего их возможно записать или спроецировать на реальность. Это слова, мысли, понятия, идеалы, построения, убеждения, предложения, системы, теории, логика, математика, формальности и т. д. Учёные имеют постоянно используемые понятийные символы, а также критерии различия «хороший», «не очень хороший», «плохой». Слова или мысли (системные блага) сами по себе могут цениться и использоваться для многих целей, но их первичная ценность состоит в том, что они являются символами или знаками вещей вне их самих, на которые они указывают. Способность

представлять себе вещи с помощью символов, а затем комбинировать эти символы в бесчисленное множество квазифрактальных матричных состояний имеет практическое, социальное, теоретическое и научное значение для системы ценностей. Мы используем слова для самореференции, для определения других слов и объяснения более сложных понятий и теорий, которые являются объектами системной ценности. Мы можем называть объекты системных ценностей идеями, понятиями, определениями, мыслями, убеждениями, нормами, принципами, истиной, предложениями, оценками, теориями, системами, наукой, знаниями, формальностями, компьютерными программами, логикой, математикой и т. д. [13]. Сознательное оценивание (или обесценивание) понятий в их сущности наделяет предикатно-атрибутивными функциями хорошие или плохие идеи, которые используются для обозначения реальностей, лежащих за пределами слов. Предикатно-атрибутивные функции некоторых явлений или понятий лежат в трансцендентальной плоскости реальности, выходящей за пределы субъективной данности понимания. Естествознание в значительной степени является умственной или концептуальной игрой, включающей мысли, убеждения, теории и нормативные методологии, такие как высоко ценимый научный метод, тщательно отобранные математические и логические системы, теории, послышки, логические выводы, заключения и т. д. Многие научные слова о реалиях отсылают нас к тому, что происходит в мире природы. Они помогают нам понять мир, в котором мы живём. Существенными для науки также являются культурные нормы, ожидания, традиции, практики, технические языки и культуры, которые преподают наставления и примеры тем, кто на пороге поступления в конкретные теоретические или прикладные области естествознания открывает новый мир науки [12]. Что-нибудь «научное» – то, что может быть, мыслится на самом деле или чему учат, является системным ценностным объектом независимо от того,

сознательно ли оно признано таковым или нет. Системная оценка описывает и предписывает две вещи. Во-первых, применяется форма «хорошо» к научным мыслям, убеждениям, системам, теориям, математике, профессиональным нормам и т. д. Во-вторых, так называемая «объективная» системная оценка в естественных науках (или где-либо ещё) не лишена всех чувств и привязанностей. Объективность – это честный, беспристрастный, непредубеждённый, открытый поиск научной истины или знания. Научная объективность всегда оставляет место для многих человеческих интересов, взглядов, желаний, предпочтений и привязанностей. Исключаются только те, которые препятствуют честному, беспристрастному, непредубеждённому поиску научной истины или знания [9]. Методологическую, рациональную или научную объективность никогда не следует смешивать или отождествлять с метафизическим детерминизмом или редукционизмом, хотя это часто случается. Беспристрастные учёные могут и действительно проявляют страстный интерес и любопытство к своему предмету, сильное стремление к научному знанию или истине, позитивному отношению к тому, что делают. Они получают личное удовлетворение от собственного труда, прогресса, открытий и творческих идей, радуются научным достижениям, открытиям. Даже с такими допустимыми чувствами учёные исследуют научные идеи, убеждения, проекты и заявляют об истине беспристрастно или объективно, т. е. честно, справедливо и открыто, свободно от предрассудков и искажающих или отвлекающих чувств.

Науку и университетское знание часто называют свободным от ценностей. Однако сегодня поиск научных знаний обычно финансируется корпорациями для получения прибыли и правительствами для войны, национального процветания, общего блага, политической власти и т. д. Учёные сами ожидают существенного финансового и социального вознаграждения за свою работу. Ясно, что такие знания, наука или истина существуют не только «ради самой

себя» [1]. Они не являются бесплатными, т. к. служат материальным ценностям тех, кто оплачивает счета. Естественные науки часто изучаются и преподаются ради богатства, амбиций, любознательности, репутации, признания и профессионального роста – всё это в высшей степени ценное, всё ценностное, всё допустимое. Студенты сегодня не воодушевлены своей культурой, они не стремятся к знаниям ради блага других. Они учатся и их учат университетские учёные стремиться к знаниям ради прибыли и престижа, т. е. для того, чтобы лучше жить, получить хорошую работу, зарабатывать больше денег, иметь более высокий социальный статус и жить больше экстравагантно. Студенты не ходят в учебные заведения за знаниями ради них самих, они идут учиться, чтобы лучше жить. Большинство выпускников действительно научились хорошо зарабатывать, но они очень мало узнали о том, как жить духовно-нравственной жизнью, осмысленной и настоящей. Люди мало или совсем не понимают признательности за общее благо, как поддерживать духовно-нравственную жизнь сообщества, любить Родину, быть патриотом. Большинство современных колледжей и университетов отказались от теперь «устаревшей» идеи о том, что гуманитарное образование «ценно само по себе». На самом деле, где бы ни использовалось выражение «знание ради самого себя», никогда не следует понимать по номиналу. Это выражение обычно остаётся неопределённым и необъяснимым и требует тщательного внимания, изучения, анализа и разъяснения. Строго или философски понимается выражение «ценный сам по себе», оно означает «рассматриваемый и ценный сам по себе, всё сам по себе», т. е. в отрыве от всего остального. По крайней мере, это то, что философы подразумевают под «ибо ради себя». Но это не то, что обычно подразумевается под «знанием ради знания». Обычно это означает, что знание является непосредственно и опосредовано просвещающим, полезным для уникальных, сознательных, разумных субъектов и искателей. «Знание только для

себя ради» обычно означает «только ради нас» [5].

Знания действительно полезны для нас. Учёным нравится заниматься получением научных знаний или просвещением, т. к. это связано с мотивацией и реализацией их личного или профессионального любопытства, интересов и амбиций. Учёные не ценят научных изысканий, открытий и знаний «ради себя», если это означает «для себя самого, в отрыве от всех человеческих интересов, отношений, желаний, предпочтений, потребностей». На самом деле учёные ценят научное знание ради себя и ради тех, кто может получить от этого пользу. Научное абстрактное знание не имеет внятного смысла «ценности в себе или для себя» [3]. Знание абстрактно, оно находится в полном отделении от всех человеческих субъектов, не ценит себя, не знает и не заботится о том, что является ценным, ничем не интересуется, не спрашивает, не удивляется чему-либо, у него нет интересов или желаний к чему-либо, у него нет нужды или целей своего собственного «Я», нет собственного «ради». Знание – это человеческая концептуальная конструкция или абстракция. Ценить, наслаждаться, удивляться, создавать, исследовать, иметь отношения, желания, предпочтения, потребности, интересы, цели и т. д. являются свойствами только уникальных, сознательных, чувствующих субъектов, а не абстракций вроде «знания», или «истины», или «науки». Такие абстракции, рассматриваемые только сами по себе, не имеют ни сознания, ни чувств, ни интересов, ни потребностей, ни желаний, ни предпочтений, ни удовлетворения, ни самореализации, ни цели; знание, которое мы ищем и ценим, всегда существует для людей и внутри них. Знания ценны только потому, что такие люди, как учёные, подтверждают их ценность. Знания ценны только потому, что они полезны для нас, а не потому, что они хороши для себя. Вне сознательных личностей знания даже не существуют и не представляют ценности. Многие абстракции существуют и имеют ценность только в нашем сознании. Знания очень полезны

для нас, потому что они значительно обогащают жизнь человека. В крайних случаях научное знание может удовлетворить интересы и любопытство лишь очень немногих конкретных исследователей или небольших групп учёных, но даже тогда ценность выступает не «ради самой себя». Некоторых учёных может волновать не что иное, как удовлетворение своего собственного любопытства. Научное знание не является бесплатным, даже если только один человек оценивает его как «хорошее» [4].

Объекты внешней ценности по определению являются полезными, когда мы ценим их как средства для достижения целей. Сами по себе знания (объекты системной ценности) могут быть оценены внешне (из-за полезности). По аксиологическому определению реальная ценность всех неодушевлённых материалов, действий и процессов состоит в том, что они являются средством достижения целей, выходящих за рамки самих себя. Знакомыми повседневными примерами внешне ценных физических объектов являются автомобили, дома, компьютеры, инструменты, оборудование и услуги, которые продаются нам через средства массовой информации. Объектами внешней ценности в естествознании являются такие вещи, как человеческие эксперименты, пробы, микроскопы, измерительные приборы, физические компьютеры, «разрушители атомов», квантовые облака, адронный коллайдер, космические телескопы и все другие виды экспериментального и лабораторного оборудования, объекты и деньги, которые выделяются. Все являются внешними благами – средствами для достижения целей, выходящими за рамки самих себя. Научная работа носит умственный и теоретический (системный) характер, но большая её часть также включает в себя построение и манипулирование полезными и интересными физическими объектами, процессами и действиями. Внешне наука явно не «свободна от ценностей» и включает в себя две вещи. Во-первых, на рациональном уровне она оценивает полезность вещи, про-

цессов и действий с позиции добра, т. е. с помощью мысленных наборов полезных свойств, которые можно было бы использовать для определения их полезности. Все физические аспекты естественных наук оцениваются соответствующими критериями с позиции полезности. Во-вторых, на аффективном уровне внешняя научная оценка положительно реагирует на ценную информацию средства для достижения целей с очень обычными практическими установками, желаниями, предпочтениями, привязанностями, заботами и интересами. Нормальные установки, желания, предпочтения, чувства, цели и интересы учёных-естествоиспытателей неотделимы от их повседневной работы и переносятся в её содержание.

Обратимся теперь к сущностям, обладающим внутренней ценностью, которые по определению ценны сами по себе, т. е. для себя. Аксиологически самоценные объекты – это уникальные сознательные, осознающие, чувствующие субъекты. Сами естествоиспытатели являются такими реалиями. Этически таких реалий быть не должно, к ним обращаются и их используют просто как средство для чего-то другого, кроме них самих, без их ведома и согласия. За исключением учёных-естествоиспытателей, психологов и исследователей-медиков, преднамеренно включающих объекты внутренней ценности (или предметы) в свой предмет исследования, но они неизбежно присутствуют в их личной жизни, межпрофессиональных отношениях, профессиональных целях и ассоциациях, в нормативных научных или профессиональных руководствах. В идеале учёные должны признать и полностью ценить уникальную внутреннюю ценность других, которые живут и работают с ними, и всех людей и животных, над которыми они экспериментируют или которые могут повлиять на их работу и открытия. Современные учёные морально (и юридически) обязаны представить свои исследования широкому общественному мнению на рассмотрение, т. е. то, как их исследования, процедуры, цели будут использованы и какие практи-

ческие результаты повлияют на благополучие людей, животных и окружающую среду. Учёные морально обязаны не фабриковать данные и не лгать об успехах и результатах своей научной деятельности ради идей и исследовательских экспериментов, прибыли или славы. Нарушения этих норм строго наказываются, но они случаются [2].

Внутренняя оценка включает в себя, во-первых, «форму блага» применимую к уникальным сознательным или разумным субъектам. На внутреннем уровне «форма блага» состоит в основном из идеальных представлений о себе и ожиданий от себя. Она также раскрывает нравственные нормы и ожидания, применяемые к другим уникальным внутренне ценным личностям или к другим сознательным, осознающим, чувствующим субъектам. Внутренняя оценка включает в себя адекватное эмоциональное и рациональное реагирование на все хорошие реалии, восторженные творческие озарения, а также чувства сильной любви, сострадания, уважения, приверженности, идентификации или связи с ценными объектами. Учёные из всех сил стараются отбросить любые чувства, которые могут помешать интеллектуальной честности и объективности. Тем не менее, учёные должны быть чуткими и отзывчивыми, обладать нравственными чувствами, но не позволять другим вмешиваться в их интеллектуальную целостность, честность, объективность и компетентность.

Заключение

Исследователи внутренне оценивают и отождествляют себя с предметом изучения своих наук, творческими научными интуициями, экспериментальной деятельностью, открытиями и концепциями. Учёные аксиологически относятся к людям, обладающим внутренней ценностью ради самих себя, отождествляя системные и внешние ценности со своей иерархической структурой ценностей. Объекты системной и внешней ценности могут быть оценены внутренне, но вызывают трудности между

присущими им личными и внешними чувствами, интеллектуальной честностью и тщательно продуманными теориями. Все хорошие вещи обладают тем, что философы называют «свойствами создания добра». Некоторые желаемые вещи лучше, потому что они больше других обладают полезными свойствами. Наши системно ценные мысли, идеи, концепции, теории и убеждения обычно функционируют как ментальные символы, которые указывают или относятся к реальностям за пределами самих себя. Это их основная цель даже в естественных науках. Не нужно отождествлять ценность внутреннюю или внешнюю хороших реальностей с ценностью наших ментальных знаков или символов, т. к. все ценные реальности (в естественных науках и в других явлениях) имеют ценность. Тем не менее, мысли о хороших вещах имеют ценность, но не столько, сколько желаемые реальности, к которым они относятся. Языки содержат слова или символы, обозначающие хороших людей, полезные вещи, интересные и плодотворные идеи, а реальные люди, полезные предметы и продукты, хорошо разработанные систематические теории и т. д. гораздо более ценны. Реально сознательные разумные субъекты имеют мысли и чувства владеть, делать собственный выбор, сознательно и целенаправленно участвовать в бесчисленных практических процессах деятельности. Уникальные личности одушевлены, сознательны, любопытны, вдумчивы, информированы, а банковские счета, прибыль, автомобили, дома, смартфоны, лабораторные эксперименты, научное знание и системы, компьютерные программы, математика, логика и т. д. лишены всех этих полезных свойств. Реальные люди, друзья, близкие и научные сотрудники стоят больше, чем наши мысли о них. По сравнению с бессознательными внешними и системными благами, люди «бесценны», как говорят некоторые философы. Всё больше и больше мы начинаем осознавать, что это также относится и к животным, начиная, очевидно, с наших любимых питомцев. Обращаясь к внешним и системным ценностям, спроси-

те себя, что бы вы предпочли: саму идею о новой машине или настоящую новую машину, слова о новом компьютере или настоящий компьютер, реальных деньгах в банке или только мысли и мечты о таком, действительно удачном эксперименте или ещё не осуществившейся умственной перспективе одной научной теории (например, теория относительности или квантовая теория), или простое понятие или имя для его возможности? Желаемые или внешне ценные физические объекты и человеческая деятельность также более ценны, чем наши слова о них, мысли о них, знания или ментальные символы. Хорошие люди и друзья более ценны, чем наши мысли, знания или убеждения о них. Реальные нравственные мотивы и действия более ценны, чем мысленные мечты о правильном или полезном поступке. Некоторые философы говорят, что, возможно, ошибочно, что существование не является «предикатом» или «свойством», тем не менее, как вымышленные персонажи, так и реальные люди могут иметь свойства или качества. Как и большинство людей, естествоиспытатели часто не в состоянии ранжировать или расставить приоритеты внутренних, внешних и системных объектов ценности в соответствии с их истинной ценностью. Переоценка и недооценка выражают общие аксиологические ошибки: ценить людей как простые вещи, как недоушевлённые предметы, использовать и

злоупотреблять ими в идеологических схемах – это моральное зло. Морально мы можем относиться к людям как к средствам и «использовать их» до тех пор, пока они имеют внутреннюю ценность и интерес для нас. Научные сообщества, использующие людей как простые вещи или средства для достижения целей, проведения экспериментов, которые не дали своего добровольного согласия, морально неодобрительны. Тем не менее, лечение людей как средство для достижения цели, хотя и не просто как средство, морально приемлемо до тех пор, пока они ценятся, уважаются и рассматриваются как внутренне ценные цели, сами по себе имеющие огромную ценность для себя.

Нравственно и юридически естествоиспытатели не могут игнорировать ценность, благополучие, права, личную реализацию и общее удовлетворение тех, кто связан с их работой. Очевидно, предшествующие положения теории аксиологии к естествознанию и естественным наукам говорят о том, что ценности всеобъемлющи, охватывают всю нашу жизнь, умственные, душевные и физические переживания и действия, поэтому мы просто принимаем их как должное и даже не замечаем, что они пронизывают всё аксиологическое пространство.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева Я. В., Дмитриева Т. В. Образование в цифровом обществе // Педагогическое образование и наука. 2022. № 3. С. 30–34.
2. Горбунов А. С. Аспекты социализации личности в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 60–68.
3. Загребин М. В., Буренков С. В. Наука как сложное социальное явление // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник V Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта, 2022. С. 133–145.
4. Костадинович Д., Бондарева Я. В. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part I // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 3. С. 6–13.
5. Костадинович Д., Бондарева Я. В. General Scientific Algorithm of Cognition and Forms of Scientific Research // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 2. С. 15–21.

6. Майкова В. П. Труд как духовная ценность // Экология внешней и внутренней среды социальной системы (ЭкоМир-9): материалы IX Международной научной конференции, Мытищи, Москва, 29–30 марта 2018 г. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2019. С. 68–70.
7. Молчан Э. М., Гавва Р. В., Янгез Д. И. Аксиологический футуризм как вектор развития современного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 74–80.
8. Платон. Государство. Книга восьмая // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / под ред. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1994. С. 327–359.
9. Edwards Rem B. The Essentials of Formal Axiology. Maryland: University Press of America, 2010. 202 p.
10. Gabriel I. Artificial intelligence, Values, and Alignment // Minds and Machines. 2020. Vol. 30. P. 411–437.
11. Gatley J. Intrinsic Value and Educational Value // Journal of Philosophy of Education. 2021. Vol. 55. P. 675–687.
12. Kudina O., Verbeek P.-P. Ethics from Within: Google Glass, the Collingridge Dilemma, and the Mediated Value of Privacy // Science, Technology, & Hum Values. 2019. Vol. 44 (2). P. 291–314.
13. Van De Poel I. Design for Value Change // Ethics and Information Technology. 2021. № 23. P. 27–31.

REFERENCES

1. Bondareva Ya. V., Dmitrieva T. V. [Education in a Digital Society]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2022, no. 3, pp. 30–34.
2. Gorbunov A. S. [Aspects of Personal Socialization in Mass Communication Society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 1, pp. 60–68.
3. Zagrebin M. V., Burenkov S. V. [Science as a Complex Social Phenomenon]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of the V International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2021]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2022, pp. 133–145.
4. Kostadinovich D., Bondareva Ya. V. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part I. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 3, pp. 6–13.
5. Kostadinovich D., Bondareva Ya. V. General Scientific Algorithm of Cognition and Forms of Scientific Research. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 2, pp. 15–21.
6. Maikova V. P. [Labor as a Spiritual Value]. In: *Ekologiya vneshnej i vnutrennej sredy social'noj sistemy (EkoMir-9): materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Mytishchi, Moskva, 29–30 marta 2018 g.* [Ecology of the External and Internal Environment of the Social System (EcoMir-9): Materials of the IX International Scientific Conference, Mytishchi, Moscow, March 29–30, 2018]. Moscow, Bauman Moscow State Technical University Publ., 2019, pp. 68–70.
7. Molchan E. M., Gavva R. V., Yangez D. I. [Axiological Futurism as a Vector of Development of Modern Society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 4, pp. 74–80.
8. Plato. De Republica (Rus. ed.: Losef A. F., ed. *Gosudarstvo. Kniga vos'maya. T. 3.* Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 327–359).
9. Edwards Rem B. The Essentials of Formal Axiology. Maryland, University Press of America, 2010. 202 p.
10. Gabriel I. Artificial intelligence, Values, and Alignment. In: *Minds and Machines*, 2020, vol. 30, pp. 411–437.
11. Gatley J. Intrinsic Value and Educational Value. In: *Journal of Philosophy of Education*, 2021, vol. 55, pp. 675–687.
12. Kudina O., Verbeek P.-P. Ethics from Within: Google Glass, the Collingridge Dilemma, and the Mediated Value of Privacy. In: *Science, Technology, & Hum Values*, 2019, vol. 44 (2), pp. 291–314.
13. Van De Poel I. Design for Value Change. In: *Ethics and Information Technology*, 2021, no. 23, pp. 27–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Молчан Эдуард Михайлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard M. Molchan – Cand. Sci. (Pedagogy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: ed.molchan2015@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Молчан Э. М. Аксиологический императив в научных предикатах мировоззрения // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 51–61.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-51-61

FOR CITATION

Molchan E. M. Axiological Imperative in Scientific World View Predicates. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 51–61.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-51-61

УДК 502 + 008

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-62-67

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК ИДЕЙНАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ ЭКОЛОГИИ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФИИ ПРИРОДЫ

Рочняк Е. В.*Горловский институт иностранных языков**284626, Донецкая Народная Республика, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25, Российская федерация*

Аннотация

Цель. Показать различие между такими экологизированными направлениями философской мысли, как философия экологии, экологическая философия, философия природы.

Процедуры и методы. Для исследования данной проблемы были использованы общенаучные и частнонаучные методы: дедукция и индукция, анализ, синтез, обобщение, философско-исторический анализ.

Результаты. Проведена дифференциация и концептуализация понятий *философия экологии, экологическая философия и философия природы*, а также проанализирована специфика современного этапа развития экологии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования доказывают, что современная экология тесно взаимодействует со сферой философского знания, результатом чего является выделение отдельных направлений – философии экологии, экологической философии, философии природы.

Ключевые слова: натурфилософия, философия природы, философия экологии, экологизация, экологическая философия, экология

MODERN ECOLOGY AS AN IDEOLOGICAL BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF THE PHILOSOPHY OF ECOLOGY, ECOLOGICAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF NATURE

E. Rochyak*Gorlovka University for Foreign Languages**ul. Rudakova 25, Gorlovka 284626, Donetsk People's Republic, Russian Federation*

Abstract

Aim. To show the difference between such ecologized directions of philosophical thought as the philosophy of ecology, ecological philosophy, and philosophy of nature.

Methodology. To study this issue, general and specific scientific methods are used including deduction and induction, analysis, synthesis, generalization, philosophical and historical analysis.

Results. The differentiation and conceptualization of the concepts of philosophy of ecology, ecological philosophy and philosophy of nature is carried out, and the specifics of the current stage of ecology development are analyzed.

Research implications. The results of the research prove that modern ecology closely interacts with the sphere of philosophical knowledge, which results in the identification of separate areas – philosophy of ecology, ecological philosophy, philosophy of nature.

Keywords: natural philosophy, philosophy of nature, philosophy of ecology, greening, environmental philosophy, ecology

Введение

Современная экология давно перешла границы изучения исключительно взаимоотношения живых организмов и их систем с окружающей средой и выполняет задачу определённого синтеза наук, т. к. она всегда ищет оптимальное сочетание с другими науками, а исследование вопроса «человек – окружающая среда (как природная, так и искусственная, в том числе цифровая, виртуальная)» является одним из фундаментальных по объёму как теоретической, так и практической деятельности.

Взаимодействие экологии со сферой философского знания

Рассматривая особенности и сложности в современном понимании науки экологии, многие исследователи отмечают, что её границы постоянно расширяются и захватывают новые участки, в том числе в сфере культурных феноменов. Так, например, П. Дювинью и М. Танга, анализируя сложившуюся ситуацию, приходят к мысли, что экология вообще «становится скорее воззрением, чем частной дисциплиной» [3, с. 254]. Действительно, предмет и область исследования в экологии сейчас настолько широки, что позволяют авторам создавать сравнения и опыты, практически недоступные в других научных областях. Н. Н. Киселев, В. С. Крысаченко, Т. В. Гардашук пишут о метаэкологии, поскольку, на их взгляд, в этой области научного познания получают апробацию новые тенденции эпистемиологического знания, в котором глубоко проявляется мировоззренческая парадигма именно на философском уровне [4, с. 3]. Её ключевые понятия (как, например, эволюция, коэволюция, экосистема) стали неотъемлемой частью понятийного аппарата всей современной науки. Тем самым авторы подчёркивают не просто междисциплинарный, а комплексный характер экологии. Среди массива современных исследований можно найти работы по экологии духа, разума, коммуникации, действия, творчества, культуры и культуросферы, мысли и слова.

В связи с тем, что объект современной экологии – «экологическое взаимодействие, имеющее, как правило, сложную внутреннюю расчленённую структуру», а предмет – «изучение закономерностей построения, функционирования и развития экологического взаимодействия» [1, с. 34], то, по мнению методологов экологии Н. Н. Киселёва, В. С. Крысаченко и Т. В. Гардашук [4], современные границы экологических исследований расширены от изучения отношения «организм – окружающая среда» (по Э. Геккелю) к изучению многообразия отношений «человек – природа», в том числе вторая (социально преобразованная) и третья (символическая) природа. Подобная максимально широкая трактовка не только никак не ограничивает общенаучные и философские изыскания, а, напротив, способствует их обогащению.

Таким образом, проблематика современной экологии уже не может сводиться лишь к естественнонаучным знаниям и природоохранной деятельности. Она значительно расширилась благодаря объёмному спектру проблем, связанных с многообразными и разновекторными взаимодействиями в системе «человек – общество – природа», выйдя на максимально широкие философские горизонты, результатом чего является выделение отдельных направлений – философии экологии, экологической философии, философии природы. Данные термины часто употребляются в качестве абсолютных или контекстуальных синонимов, но, несмотря на близость объектов их исследований, которые сводятся, по большому счёту, к человеку в его отношении с природой, предмет их интереса и проблематика всё же различаются.

Философия экологии

Философия экологии изучает и оптимизирует непосредственно сам процесс экологического познания, закономерности его организации и функционирования, осмысливая место экологии на различных этапах историко-культурного развития нашего общества, её дальнейший потенциал

и подвергая анализу основные идеи, фундаментальные понятия, концепции и положения, методы и методологию, а также общетеоретические вопросы.

Поясняя суть философии экологии, М. В. Дорониная пишет, что данная дисциплина «даёт возможность обратить внимание на философский аспект любой научной экологической проблемы, а, следовательно, на отношения экологического познания к бытию, экологического мышления к действительности» [2, с. 65], а её главная цель состоит «в раскрытии тех методов, способов, приёмов, с помощью которых достигается объективно истинное экологическое знание об экологической реальности и её основных формах, видах и уровнях» [2, с. 66]. Иначе говоря, предметом философии экологии выступает собственно наука экология, а сама философия экологии представляет собой, по сути, один из разделов философии науки.

П. Тэйлор применяет термин «философия экологии» при обозначении концептуальных основ науки об окружающей среде¹. Основополагающая проблема философии экологии, по мнению редакторов-составителей антологии «Философия экологии: от науки к синтезу» Д. Келлера и Ф. Голлея, – это проблема выделения вопросов научной экологии, изучения её генеалогии и отделения от разнообразных форм «экологоориентированного» мышления [10, р. 5]. Следовательно, философия экологии должна заниматься систематизированием имеющихся прикладных экологических знаний, а также их обобщением и выводением на более высокий теоретический уровень, в результате чего гуманитарные науки смогут получить от экологии новое понимание человека и его жизни. Стимулируя интерес к экологическим знаниям, философия экологии является главным связующим звеном между

естественнонаучными и социально-гуманитарными дисциплинами.

Подкрепляя эту мысль, можно привести достаточно обширную цитату из уже упомянутой статьи М. В. Дорониной, которая, однако, точно отражает сущность философии экологии: «Философия экологии как специальная прикладная философская дисциплина решает основную свою цель – творчески применить целостный и системный подходы в изучении ряда важнейших для неё проблем. Во-первых, это проблемы, идущие от философии к экологии, вектор направленности которых отталкивается от специфики философского знания. Во-вторых, это проблемы, возникающие внутри самой экологии и нуждающиеся в компетентном арбитре, в роли которого оказывается, как правило, философия. В-третьих, это проблемы, относящиеся к системе соотношения философии и экологии с учётом их общности и фундаментальных различий. При таком подходе философия экологии включает в себя эпистемологию, методологию и социологию экологического познания. При этом главной проблемой философии экологии является выяснение системности и развития экологического знания» [2, с. 65].

Экологическая философия

Встречным движением исследовательской мысли является экологическая философия, в рамках которой философов всё больше волнуют проблемы непосредственно окружающей среды, её защиты и гармонизации, прежде всего через экологизацию общественного сознания. Основная отличительная черта экологической философии – не без основания считает М. В. Несправа – заключается в том, что «для неё понятие “природа” является ядром всех когнитивных построений» [6, р. 56]. Более того, по словам И. Н. Петрова, автора тематической словарной статьи, её теоретической основой выступает так называемый «новый спиритуализм», «чувственное сознание», снимающее раз-

¹ Taylor P. Ecological Philosophy // Oxford Bibliographies: [сайт]. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199830060/obo-9780199830060-0133.xml> (дата обращения: 22.01.2023).

деление между миром человека и миром природы¹.

В «Оксфордском справочнике по философии» встречаем термин “environmental and ecological philosophy”, под которым понимаются «все исследования, относящиеся к сфере взаимоотношений человека с его окружающей средой, исключая представителей человеческого рода. Поскольку данная дисциплина появилась из-за обеспокоенности вопросами поведения человека в природном мире, в рамках дисциплины преобладают исследования экологической этики» [9, р. 255–256]. Аналогичную ситуацию видим в онлайн-словаре “The Goldman Environmental Prize”, где термином “environmental and ecological philosophy” обозначается область философских исследований, которая «изучает концепции, определяющие взаимоотношения человека и природы»².

У М. В. Несправы встречаем следующее определение: «Экологическая философия – это целое направление философской мысли, которое сформировалось вокруг синергетического понимания онтологического и аксиологического единства таких компонентов, как природа, человек и общество как условия устойчивого развития экосистемы» [6, р. 58]. Там же автор обращает внимание на существование в современной экологической философии двух основных подходов – этического (в рамках которого разработана концепция глубокой экологии) и прагматического (базирующегося на идее универсального эволюционизма).

Этого же мнения придерживается Г. М. Суворова, также выделяя в рамках современной экологической философии этическую и прагматическую парадигмы. В центре внимания первой находится проблема формирования экофильного мировоззрения, основанного на экоориентиро-

ванных ценностях как отдельного человека, так и общества в целом. Вторая же парадигма нацелена на практическое решение экологической проблемы на базе современных достижений науки и техники [8].

Отметим, что периодически к экологической философии в качестве её подразделов относят триаду комплексных наук: экологию человека (антропоэкологию), социальную и глобальную экологию. Однако, несмотря на частично философский характер поднимаемых в рамках данных дисциплин вопросов, они всё же относятся к дисциплинам естественнонаучного цикла. В частности, экология человека делает акцент на самом человеке как биологической единице, социальная экология является своеобразной проекцией общей экологии на человеческое общество, а глобальная экология – это учение об экосфере Земли как планеты.

Философия природы

Под философией природы, или натурфилософией, обычно подразумевают «область философских исследований, которые стремятся рационально постичь целостность природы и её первоначала, осмыслить природу как общее, предельное понятие, задающее принципиальную схему понимания и объяснения отдельных вещей, как регулятивную идею, позволяющую понять всё сущее и все предметы в их единстве и многообразии форм, построить рационально-научную картину мира, восполнив данные естествознания и выявив внутренние принципы взаимосвязи и детерминации вещей, раскрыть различные уровни природы как целого – от неорганической природы к жизни и к жизни человека»³.

Считается, что натурфилософия, зародившаяся в Древней Греции (впервые данный термин употреблялся Сенекой в связи с характеристикой платоновской философии) и достигшая своего расцвета в первой половине XIX в. (вспомним ра-

¹ Экологическая философия // Современная западная философия: словарь / сост. В. С. Малахов, Ф. П. Филатов. М.: Политиздат, 1991. С. 391.

² The Goldman Environmental Prize: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goldmanprize.org> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Огурцов А. П. Натурфилософия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 17.

боты И. Канта, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля), в настоящее время устарела. В соответствующей статье оксфордской энциклопедии по истории философии указывается, что потеря ведущих позиций натурфилософии в XX в. связана «с разрушением презумпции тотального объективизма в исследовании природных явлений» [9, р. 644]. Невозможно «конструирование натурфилософии как таковой, поскольку натурфилософские модели природы характеризуются атрибутивной логоцентричностью, ибо содержательно предполагают, видение своего предмета в качестве целостного и фундированного в своём развитии глубинными имманентными закономерностями» [9, р. 644].

Однако А. П. Огурцов категорически не согласен с подобным утверждением и считает, что философия природы, или натурфилософия, напротив, сегодня вышла на новый для себя уровень, выстраивая концептуальные идеи на основе принципов глобального эволюционизма, коэволюции, системности, целостности и синергетики¹. И. К. Лисеев согласен с такой позицией и утверждает, что необходимость изменения характера наших отношений с природой обуславливает новое понимание природы и принципов взаимодействия с ней. С его точки зрения, современные разработки в натурфилософии позволяют «наметить пути синтеза между эволюционизмом в биологии и эволюционизмом в социокультурных науках» [5, с. 489] и тем самым создать возможность преодоления ограни-

ченности социологизма и историцизма в социально-философской традиции.

Мысль о современном понимании философии природы встречается также в работе П. В. Ополева, который, по сути, ставит знак равенства между обновлённой натурфилософией и энактивизмом: «Энактивизм можно оценивать как результат синтеза разнородных взглядов на связь человека и среды, самостоятельную исследовательскую программу, естественное развитие традиционного когнитивизма и даже современный аналог натурфилософии» [7, с. 123].

Заключение

Исследование идей современной экологии раскрывает её многогранность и всеохватывающий характер. При этом она продолжает расширять границы своего концептуального пространства, в рамках которых активно формируются различные подходы и интерпретации её предмета. Сегодня экология стремится решать проблемы в философском аспекте, признавая новые отношения между субъектом и объектом, между человеком и природой. В результате тесного взаимодействия экологии и философии выделяются отдельные, в определённом смысле экологизированные направления философской мысли, а именно: философия экологии, экологическая философия, философия природы.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Две модели экологии // Человек. 1998. № 1. С. 34–40.
2. Доронина М. В. Особенности формирования предмета философии экологии // Манускрипт. 2016. № 8 (70). С. 64–67.
3. Дювинью П., Танг М. Биосфера и место в ней человека / пер. П. М. Рафеса. М.: Прогресс, 1973. 270 с.
4. Киселев Н. Н., Крысаченко В. С., Гардашук Т. В. Методология экологического синтеза. Киев: Наукова думка, 1996. 220 с.
5. Лисеев И. К. Коэволюционная стратегия в современном научном познании // Философия и методология науки: хрестоматия. Минск: Белорусская наука, 2014. С. 485–490.
6. Несправа М. В. Философия экологии и экологическая философия: дифференциация и концептуализация // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 43–3. Р. 52–59.
7. Ополев П. В. Энактивизм как эпистемология наук о сложном // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. № 8 (1). С. 118–126.

¹ Огурцов А. П. Натурфилософия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 23.

8. Суворова Г. М. Экология образования: философская перспектива коэволюционной концепции // Ноосферные исследования. 2022. № 3. С. 20–26.
9. The Oxford Companion to Philosophy. New York: Oxford University Press, 2005. 1077 p.
10. The Philosophy of Ecology: From Science to Synthesis / ed. by D. R. Keller, F. B. Golley. Georgia: University of Georgia Press, 2000. 392 p.

REFERENCES

1. Deryabo S. D., Yasvin V. A. [Two Models of Ecology]. In: *Chelovek* [Human], 1998, no. 1, pp. 34–40.
2. Doronina M. V. [Peculiarities of Forming the Subject of Philosophy of Ecology]. In: *Manuskript* [Manuscript], 2016, no. 8 (70), pp. 64–67.
3. Duvigneaud P., Tanghe M. Ecosystemes et biosphere (Rus. ed.: Rafes P. M., transl. *Biosfera i mesto v nej cheloveka*. Moscow, Progress Publ., 1973. 270 p.).
4. Kiselev N. N., Kryaschenko V. S., Gardashuk T. V. *Metodologiya ekologicheskogo sinteza* [Methodology of Environmental Synthesis]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1996. 220 p.
5. Liseev I. K. [Co-evolutionary Strategy in Modern Scientific Knowledge]. In: *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Minsk, Belorusskaya nauka Publ., 2014, pp. 485–490.
6. Nesprava M. V. [Philosophy of Ecology and Ecological Philosophy: Differentiation and Conceptualization]. In: *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2020, no. 43–3, pp. 52–59.
7. Opolev P. V. [Enactivism as an Epistemology Science of Complexity]. In: *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2023, no. 8 (1), pp. 118–126.
8. Suvorova G. M. [Ecology of Education: Philosophical Perspective of the Coevolutionary Concept]. In: *Noosfernye issledovaniya* [Noospheric Research], 2022, no. 3, pp. 20–26.
9. The Oxford Companion to Philosophy. New York, Oxford University Press, 2005. 1077 p.
10. Keller D. R., Golley F. B., eds. *The Philosophy of Ecology: From Science to Synthesis*. Georgia, University of Georgia Press, 2000. 392 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рочняк Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Горловского института иностранных языков;
e-mail: lero1981@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Rochnyak – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Philosophy and History Department, Gorlovka University for Foreign Languages;
e-mail: lero1981@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рочняк Е. В. Современная экология как идейная база развития философии экологии, экологической философии и философии природы // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 62–67.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-62-67

FOR CITATION

Rochnyak E. V. I. A. Ilyin's Modern Ecology as an Ideological Basis for the Development of the Philosophy of Ecology, Ecological Philosophy and Philosophy of Nature. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 62–67.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-62-67

УДК 167

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-68-75

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ОСНОВА МЕТАПРЕДМЕТНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ (ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

Синенко В. Я.¹, Бондарева Я. В.²

¹Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования
630024, г. Новосибирск, ул. Ватутина, д. 17/1, Российская Федерация

²Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. На основе философской методологии рассмотреть возможности интегративного подхода для установления межпредметных и метапредметных связей в системе современного образования.

Процедура и методы. Работа выполнена на основе системного и междисциплинарного подходов.

Результаты. Подход на уровне интегративных, межпредметных и метапредметных связей при регулярном его использовании значительно облегчает процесс изучения того или иного предмета, становясь интеллектуальным и мировоззренческим стилобатом для формирования целостной картины мира. Именно он выстраивает и закрепляет в познающем сознании логику предмета, создаёт фундамент для инноваций в системе образования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования методологических компетенций как у преподавателей всех уровней образования, так и у обучающихся.

Ключевые слова: интеграция, логика предмета, метапредметность, обобщённые планы, следствия, целостная картина мира, ядро науки

INTEGRATION PROCESSES AS THE BASIS OF META-SUBJECT IN THE EDUCATION SYSTEM (PHILOSOPHICAL AND PEDAGOGICAL DISCOURSE)

V. Sinenko¹, Ya. Bondareva²

¹Novosibirsk Institute for Advanced Studies and Retraining of Educational Workers
ul. Vatutina 17/1, Novosibirsk 630024, Russian Federation

²State University of Education

ul. Veri Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the possibilities of an integrative approach for establishing interdisciplinary and meta-subject connections in the system of modern education, based on philosophical methodology.

Methodology. The work was carried out based on systematic and interdisciplinary approaches.

Results. The approach at the level of integrative, interdisciplinary, and meta-subject connections, when used regularly, greatly facilitates the process of studying a particular subject, thus becoming an intellectual and ideological stylobate for the formation of a holistic picture of the world. It builds and consolidates the logic of the subject in the cognitive consciousness, creates the foundation for innovation in the education system.

Research implications. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers at all levels of education and students.

Keywords: integration, logic of the subject, meta-subject, generalized plans, consequences, holistic picture of the world, core of science

Введение

2023 г., провозглашённый «Годом педагога и наставника», ярко подсветил проблемы современного отечественного образования, которые, казалось бы, всегда лежали на поверхности, но именно по этой причине парадоксально выпадали из поля зрения исследователей. Речь идёт об антропологическом идеале человека как объекта и субъекта воспитательной деятельности, о миссии современного педагога, о синергичном взаимодействии педагогов и родителей, о психологической безопасности образовательной среды и т. д. Одной из пульсирующих проблем современного образования представляется проблема путей формирования целостной картины мира у учащихся, что с необходимостью предполагает обращение к философии с её методологическим и формально-логическим арсеналом.

Метапредметность и целостная картина мира

Мы ещё раз задались вопросом: что же мешает учащимся в полной мере усваивать содержание преподаваемых дисциплин и свободно беседовать по проблеме изученного предмета? При ближайшем рассмотрении оказалось, что учащимся часто неведома *логика изучаемого предмета*. Как правило, основной логикой для учащихся является учебник, автор которого выстроил курс (физики, истории и т. д.) именно так, а не иначе, и именно такое выстраивание материала ассоциируется у учащегося с логикой изучаемой науки [14].

Авторитет логики при выстраивании содержания предмета трудно переоценить, ведь именно на логику возложена функция сохранять «в неизменном виде законы выведения последующих утверждений из предыдущих»¹. При этом истинность последующих выводов зависит и от истинности входящих в вывод утверждений, и от правильной их связи между собой. Изучая процесс следования одних мыслей

из других, логика выявляет внутреннюю закономерность явления (в нашем случае – изучаемого предмета), разумность хода рассуждения.

Поэтому отсутствие логики в преподавании предмета заставляет учащихся искать логическую опору там, где она облечена в печатное слово, а именно – в учебнике. По существу учащийся, в полной мере доверяясь учебнику, вынужден заучивать (а иногда «зазубривать») представленные в нём положения. Учебник, таким образом, прочно и неизменно присутствует в сознании учащегося, зачастую становясь орудием механического запоминания понятий и определений.

Есть ли выход из этой ситуации? Вне всякого сомнения, и он заключается в *метапредметности*, ставшей ключевым фактором современных образовательных стандартов и определяемой как способ формирования теоретического мышления и универсальных способов деятельности, который обеспечивает формирование в сознании учащихся прочной, целостной картины мира. Именно метапредметность вырабатывает единый, интегративный подход к наукам, при котором в сознании «всплывает» не учебник (по физике, истории и т. д.), а наука (физика, история и т. д.), а также связи между разными науками.

Исходя из этого, ключевая задача, которая стоит перед российским образованием, связана с анализом и трансформацией содержания образовательных стандартов, что в силу глобальности процесса поддерживается далеко не всеми представителями системы образования [4]. Не все готовы перестроить структуру своей деятельности, изменить подходы к процессу обучения и воспитания. Тем более, что для этого необходимо: а) глубочайшее знание детей (обучающихся) для формирования целостной картины мира и мировоззрения; б) глубочайшие знания педагогов по предметам для формирования у обучающихся наиболее полной картины мира [5; 8; 10].

Когда мы говорим об *интеграции* предметных знаний в философском разрезе, то

¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. С. 285.

неизбежно сталкиваемся с двумя её сторонами – как состояния и как процесса. В первом случае интеграция – это состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, во втором – это процесс, ведущий к состоянию связанности [9].

Философско-исторический контекст интегративного подхода демонстрирует глубинную диалектику его изменений. Так, до середины XIX в. процессы дифференциации доминировали над интеграцией, на которую была возложена функция связывания отдельных, дифференциальных частей. Этим занимались практически все учёные, изыскивая общие аспекты в дифференцированных, разъединённых системах, приходя в восторг от нахождения общих оснований, наблюдая отдельные части (элементы) изучаемых систем. Однако после середины XIX в. ситуация изменилась: уже интеграция начинает доминировать над дифференциальными процессами. Интегрируя ряд наук, можно было получить новую науку, дифференцированную от других наук: например, физика и биология, интегрируя элементы, свойственные только этим наукам, породили биофизику (в своё время для учителей издавались учебные материалы «Биофизика на уроках физики», отдельным предметом была введена математическая физика и т. д.). Подобные интеграционные процессы переживает и гуманитаристика [6; 7]. Словом, диалектика взаимоотношений дифференциации и интеграции обеспечивает продвижение, развитие и возникновение новых наук.

Виды интеграции в образовании

Назовем лишь некоторые из них:

1. Тематическая интеграция, при которой изучаемые темы в науках вообще, а в школьных – тем более, тесно взаимосвязаны (например: электролиз в химии и электролиз в физике и т. д.). Заметим, что в 70-е гг. XX в. в школах практиковались совместные, «сдвоенные» уроки: например, по физике и биологии, физике и ма-

тематике, физике и химии, при этом урок одновременно проводился двумя учителями (физиком и химиком и т. д.), что само по себе являлось яркой демонстрацией тематической интеграции.

2. Проблемная интеграция – интеграция на уровне проблем.

3. Концептуальная интеграция – интеграция на уровне концепций.

4. Теоретическая интеграция – интеграция на уровне теорий. Чтобы понять сущность проблемной, концептуальной и теоретической интеграций, необходимо восстановить в сознании алгоритм познания мира: сначала формулируется проблема, далее на основе её решения (при подтверждении гипотезы) выдвигаются концепции, после чего строится теория. Поэтому интеграция возможна на уровне проблем, на уровне концепций и на уровне теорий.

5. Диалектическая интеграция, которая отсылает нас к первому закону диалектики о единстве и борьбе противоположностей, проявляющемуся одинаково в разных явлениях.

Можно было бы назвать и другие виды интеграции, но для демонстрации колоссальных возможностей и всеохватности этого метода достаточно и названных. Сейчас важно обозначить средства интеграции, среди которых присутствуют как теоретические формы познания, так и познавательные средства, а именно:

- проблемы;
- методы (физики, математики и т. д.);
- принципы;
- понятия;
- законы;
- концепции;
- теории;
- метатеории;
- картины мира и т. д.

Заметим, что опытные педагоги достаточно активно работают с представленной палитрой средств интеграции. Пример из практики: учащиеся часто стремятся сами давать определения понятия, объекта или явления той или иной науки. Для того, чтобы они сами успешно формулировали

определения, им необходимо знать, что окружающий мир состоит из материальных предметов, целой системы величин, описывающей эти предметы, явлений, процессов и т. д. Говоря о массе тела, они определяют её к величину по родовому признаку, далее следуют рассуждения о том, чем эта величина отличается от величин в других науках, т. е. следуют от родового признака к видовому отличию. Операция определения понятия не только раскрывает связи между науками, но и вводит обучающихся в сферу логики (наряду с обобщением и ограничением), что весьма положительно сказывается на структурировании их сознания.

Становится очевидным, что выявление метапредметных связей не только входит в сферу педагогики, но является одной из основных задач философии, а именно – теории познания (гносеологии). Опора на гносеологический подход в преподавании позволяет выстраивать логику предмета, о которой говорилось выше и которая формирует алгоритм рассуждений о предмете, начиная с вопроса о целях изучения темы («зачем нам нужно это изучать?») или отталкиваясь от очевидного противоречия, которое необходимо разрешить. Далее следует выдвижение гипотезы, затем – её подтверждение (или опровержение), проводится проверка гипотезы на практике¹.

¹ Приведём пример из практики. На одном из занятий по физике школьники начинают изучать капиллярные явления. Во время демонстрации опыта они, к своему удивлению, обнаруживают, что в сообщающихся сосудах при помещённой в них однородной жидкости происходят странные вещи – жидкость в сосудах устанавливается не на одном, а на разных уровнях, что противоречит закону сообщающихся сосудов. Школьники, правда, не знают, что эти сосуды не просто сообщающиеся, но ещё и капиллярные, и там, где капилляр более узкий, жидкость поднимается выше, где капилляр шире – жидкость находится на более низком уровне. Однако школьники фиксируют *противоречие* наблюдаемого опыта ранее изученному материалу, что неизбежно влечёт за собой формулировку *проблемы* и поиск путей её разрешения. В дальнейшем более внимательное наблюдение за сосудами школьниками приведёт их к маленькому открытию (*гипотезе*): в капиллярных сосудах, в отличие от обычных (широких), в зависимости от их размера в сечении (ширины) горизонтальная поверх-

Уровни интеграции в науке и образовании. Обобщённые планы

В интегративных процессах как в науке, так и в образовании можно выделить три уровня, отличающихся друг от друга степенью интеграции как теоретических форм (понятий, законов, принципов, общенаучных идей), так и познавательных средств (приёмов, способов, методов, подходов). На каждом из этих уровней интеграция представлена в двух ипостасях: как межпредметная и внутрипредметная.

Начальный уровень интеграции – уровень *связи* – представляется простым (хотя и целенаправленным) объединением элементов в некоторое множество по некоторому общему признаку. Усложнение и комплексный подход к интеграции обеспечивают переход на следующий уровень – уровень *синтеза*, демонстрирующий более глубокую связь. Она ещё не приводит к возникновению новых наук, но здесь уже наблюдается переплетение понятий из разных наук (например, физики и математики, при котором изучение физики без математики невозможно, как, впрочем, и наоборот).

Высший уровень интеграции – уровень *целостности* – характеризуется не только наличием упорядоченности (при которой появляется новый признак) и организации (при которой появляются новые свойства), но и появлением новых систем как целостного единства (в нашем случае – новых наук).

Разделение интеграционных процессов по уровням необходимо учитывать в составлении *обобщённых планов* познавательной деятельности учащихся, которые представляют собой начало практической реализации познавательного алгоритма в рамках любой науки. В своё время проблема составления и реализа-

ность жидкости (мениск) оказывается изогнутой – либо вогнутой, либо выпуклой – в зависимости от смачивания стенок сосуда. Именно это открытие позволяет педагогу перейти к изучению новой темы «Капиллярные явления», а значит, и к подтверждению выдвинутой учениками гипотезы.

ции обобщённых планов была центральной темой академика РАО А. В. Усовой [11; 12; 13], выделившей шесть уровней планов:

1) план изучения явлений (предусматривает последовательность изучения явлений, иными словами, «с чего начинать и чем заканчивать»);

2) план по изучению научного понятия (например, массы, скорости и т. д.);

3) план деятельности при изучении законов (например, сообщающихся сосудов и т. д.);

4) план по изучению теории (выявляют связи изучаемой теории с другими науками);

5) план при осуществлении наблюдения (используются правила сбора информации об окружающем мире с целью установления закономерностей);

6) план по выполнению опытов (используется алгоритм проведения специально спроектированной ситуации для проверки истинности или ложности гипотезы).

Представленные обобщённые планы позволяют учащимся (при условии правильного составления и использования) увидеть связь между предметами и целыми науками, что в итоге облегчает усвоение изучаемого материала.

Особенности метапредметного занятия

Представим, что учащиеся получили глубокие знания по изучаемому предмету (или серии предметов), используя в том числе обобщённые планы. Возникает вопрос: как провести занятие (или серию занятий) на метапредметном уровне? Разобраться в этом вопросе поможет осмысление некоторых *особенностей* таких занятий.

1. Интегративное занятие с применением ИКТ подразумевает использование IT-программ, интернет-ресурсов, что позволит продемонстрировать связь и взаимопроникновение изучаемых предметов.

2. Деятельность учащихся организуется не с целью передачи знаний, а с целью передачи способов работы со знаниями, что позволит учащимся усвоить методы самостоятельного извлечения знаний.

3. Содержание составляют деятельностные единицы, носящие универсальный характер (понятия, модели, схемы, задачи, проблемы и т. д.). Именно через призму таких единиц (теоретических форм) происходит знакомство с разными науками.

4. Учитель должен хорошо знать свой предмет, его возможности и обобщённые познавательные (исследовательские) действия. Глубинное знание предмета невозможно без усвоения основ философии (прежде всего – теории познания), овладения универсальными методами познания (анализ, синтез, индукция, дедукция и т. д.)¹.

Как известно, любая наука как интегративное явление состоит из ядра, следствий и интерпретаций (рис. 1). Ядро знаний, как это ни парадоксально звучит, вполне устойчиво и выдерживает натиск любой научно-технической революции. Оно прорастает, прирастает и развивается настолько медленно, что проходят многие десятилетия и даже столетия в процессе его формализации². Однако несмотря на всю сложность той же физики как предмета, учащиеся должны основательно усвоить ядро знаний: с помощью интересных лекций, сообщений, поддерживаемых современными компьютерными технологиями, демонстрациями опытов [1; 2; 3]. И уже потом из этого ядра извлекаются «следствия» как решения определённых задач, что можно назвать «задачным» подходом, позволяющим

¹ К сожалению, курс философии по причине его «перегруженности» в недавнем прошлом историческим материализмом сегодня выводится на периферию образовательных программ, что крайне негативно сказывается на методологической культуре будущих педагогов разных уровней и специализаций.

² Например, знания в области классической механики, ядерной физики, электромагнитной индукции.

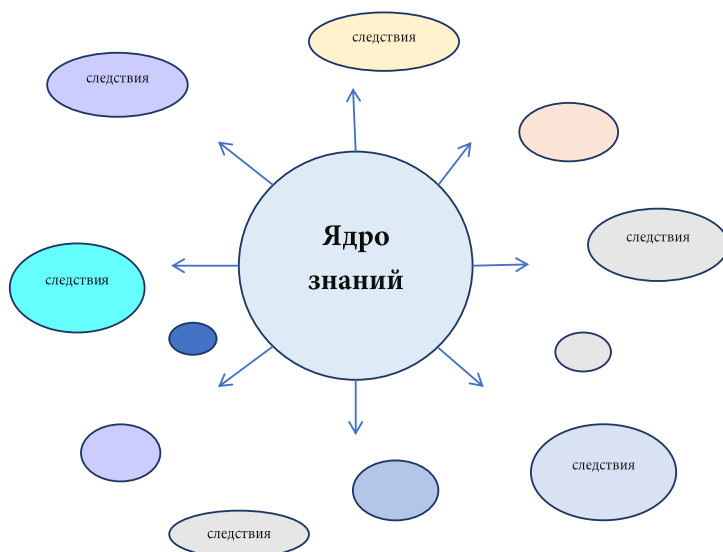

Рис. 1 / Fig. 1. Ядро знаний и следствия / Core knowledge and consequences

Источник: составлено авторами.

более глубоко понять сущность изучаемого материала¹.

По существу, «задачный» подход в равной степени применим во многих науках, поскольку раскрывает логику предмета, делает её понятной и значимой для учащихся. В каком-то смысле он позволяет учащимся, не впадая в зависимость от учебника, успешно постигать предмет (впрочем, это не отменяет значимости учебника как книги с систематическим изложением материала).

Закключение

Подход на уровне интегративных, межпредметных и метапредметных связей при регулярном его использовании значительно облегчает процесс изучения того или иного предмета, становясь интеллектуальным и мировоззренческим стилобатом для формирования целостной картины мира. Именно он выстраивает и закрепляет в познающем сознании логику предмета, создаёт фундамент для инноваций в системе образования.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёхина Е. В. Концепция смысла жизни в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. М.: Московский государственный областной университет, 2011. 280 с.
2. Архангельская Н. О. Эволюция взглядов А. Д. Кантемира и «Письма о природе и человеке» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2 (52). С. 124–137.
3. Архангельская Н. О. Из истории религиоведения в России: Т. Н. Грановский и П. Н. Кудрявцев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 55–64.

¹ Пример из опыта изучения физики. Когда говорят о законе гидростатики и аэростатики, почему-то всем в голову сразу же приходит Закон Архимеда, который и в учебнике выделен как самый яркий пример действия этого закона. Однако мало кто знает, что генеральным законом (а значит – и ядром знаний) является не Архимедова сила (это лишь следствие), а Закон Паскаля (давление, производимое на жидкость или газ, передаётся по всем направлениям без изменений). Ученики получили задание: какой-то предмет помещён в сосуд с жидкостью, необходимо рассчитать давление, которое производит жидкость снизу и сверху (ведь мы помним, что давление передаётся по всем направлениям). Нам заранее известны размеры предмета (например, бруска), поэтому решение учащимся даётся легко, поскольку они уже умеют рассчитывать давление, передаваемое жидкостью. Найденная разница между верхним и нижним давлением и есть искомая Архимедова сила.

4. Буланкина Н. Е., Стасюлис М. В., Гридчина Е. Г. Условия формирования готовности учителя к реализации обновлённого стандарта // *Сибирский учитель*. 2023. № 1 (146). С. 19–25.
5. Буренков С. В. Феномен неотчуждённого труда: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 22 с.
6. Горбунов А. С. Проблема делегитимации средств массовой коммуникации в общественном сознании // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2018. № 3. С. 48–56.
7. Горбунов А. С., Мирошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // *Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, г. Москва, 26 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 106–116.*
8. Колесниченко Ю. В. Концепция «симфонической личности» в философии Л. П. Карсавина // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки*. 2017. Т. 8. № 2. С. 83–88.
9. Майкова В. П., Горбунов В. С., Наместникова И. В. Системный подход как основа научной методологии // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2019. № 1. С. 148–158.
10. Майкова В. П., Молчан Э. М. Формирование духовно-нравственных ценностей личности в контексте диалогического взаимодействия // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2019. № 3. С. 120–127.
11. Усова А. В. Обобщённый подход к изучению явлений и свойств вещества в процессе изучения предметов естественного цикла // *Наука и школа*. 2007. № 3. С. 37–39.
12. Усова А. В. Обобщённый подход к изучению явлений и свойств веществ // *Физика в школе*. 2003. № 8. С. 22–24.
13. Усова А. В. Условия успешного формирования у учащихся научных понятий // *Наука и школа*. 2006. № 4. С. 57–59.
14. Sinenko V. Ya. Haupttrichtungen der wachsenden persönlichkeitsbildung unter modernen sozioökonomischen bedingungen // *Сибирский учитель*. 2021. № 3 (136). С. 5–7.

REFERENCES

1. Alyohina E. V. *Koncepciya smysla zhizni v russkoj religioznoj filosofii konca XIX – pervoj poloviny XX veka* [The Concept of the Meaning of Life in Russian Religious Philosophy of the Late XIX – First Half of the XX century]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2011. 280 p.
2. Arhangel'skaja N. O. [Evolution of A. D. Cantemir's Views and "Letters about Nature and Man"]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Herald of Tver State University. Series: Philosophy], 2020, no. 2 (52), pp. 124–137.
3. Arhangel'skaya N. O. [From the History of the Study of Religion in Russia: T.N. Granovskiy and P.N. Kudryavtsev]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 4, pp. 55–64.
4. Bulankina N. E., Stasulis M. V., Gridchina E. G. [A Foreign Language Teacher's Readiness to Implement the Updated Education Standards: Methodology & Technology Frames]. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian Teacher], 2023, no. 1 (146), pp. 19–25.
5. Burenkov S. V. *Fenomen neotchuzhdyonnogo truda: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Phenomenon of Unalienated Labor: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philosophy]. Moscow, 2017. 22 p.
6. Gorbunov A. S. [The Problem of Delegitimation of the Means of Communication in Public Consciousness]. In: *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Contemporary Philosophical Research], 2018, no. 3, pp. 48–56.
7. Gorbunov A. S., Miroshkin M. S. [Methodological Problems of Scientific Research: On the Question of the Functions of Science]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 26 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Research of Russian Society: Collection of Proceedings of the V International Scientific Conference, Moscow, November 26, 2021]. Moscow, Russian University of Transport (MIIT) Publ., 2022, pp. 106–116.
8. Kolesnichenko Yu. V. [The Concept of "Symphonic Personality" in the Philosophy of L. P. Karsavina]. In: *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and Technical Bulletins of the St. Petersburg State

- Polytechnic University. Humanities and social sciences], 2017, vol. 8, no. 2, pp. 83–88.
9. Maykova V. P., Gorbunov V. S., Namestnikova I. V. [Systematic Approach as the Basis of Scientific Methodology]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 1, pp. 148–158.
 10. Maykova V. P., Molchan E. M. [Formation of a Person's Spiritual and Moral Values in the Context of Dialogical Interaction]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences], 2019, no. 3, pp. 120–127.
 11. Usova A. V. [A Generalized Approach to the Study of Phenomena and Properties of Matter in the Process of Studying Subjects of the Natural Cycle]. In: *Nauka i shkola* [Science and School], 2007, no. 3, pp. 37–39.
 12. Usova A. V. [A Generalized Approach to the Study of Phenomena and Properties of Substances]. In: *Fizika v shkole* [Physics at school], 2003, no. 8, pp. 22–24.
 13. Usova A. V. [Conditions for the Successful Formation of Scientific Concepts among Students]. In: *Nauka i shkola* [Science and School], 2006, no. 4, pp. 57–59.
 14. Sinenko V. Ya. Hauptrichtungen der wachsenden persönlichkeitsbildung unter modernen sozioökonomischen bedingungen. In: *Sibirskij uchitel'* [Siberian Teacher], 2021, no. 3 (136), pp. 5–7.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Синенко Василий Яковлевич – доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования, главный редактор научного журнала факультета «Сибирский учитель» на базе Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Государственного университета просвещения;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vasily Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Pedagogy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Editor-in-Chief of the scientific journal “Siberian Teacher” on the basis of the Novosibirsk Institute for Advanced Training and Retraining of Education Workers;

Yana V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Philosophy, State University of Education;

e-mail: bondareva.iana@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Синенко В. Я., Бондарева Я. В. Интеграционные процессы как основа метапредметности в системе образования (философско-педагогический дискурс) // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 68–75.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-68-75

FOR CITATION

Sinenko V. Ya., Bondareva Ya. V. Integration Processes as the Basis of Meta-Subject in the Education System (Philosophical and Pedagogical Discourse). In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 68–75.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-68-75

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 172

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-76-85

ВОЙНА, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЧЕЛОВЕК: КУДА МЫ НАПРАВЛЯЕМСЯ?

Георгию Т. С.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить аспекты использования систем искусственного интеллекта (ИИ) в области вооружения и определить вызовы и потенциальные риски, стоящие перед человечеством.

Процедура и методы. Философские вопросы, связанные с внедрением систем ИИ в военной сфере, рассматриваются на основе системного и междисциплинарного подходов. Осуществлены наблюдения за аспектами, связанными со снабжением боевых систем технологиями ИИ. Анализируются в разрезе социально-философской методологии способности ИИ и исследуются последствия для человечества.

Результаты. Развитие и использование ИИ, особенно в военной сфере, вызывает достаточно опасений самого различного характера. По итогам исследования сделан вывод, что осмысление вопросов философии войны и общечеловеческих ценностей становится критическим.

Теоретическая и/или практическая значимость. В данной работе анализируется онтологический и этический взгляды на использование ИИ в системах вооружения и описываются возможные социальные риски для человечества.

Ключевые слова: война, вооружение, интеллектуальное оружие, искусственный интеллект, моральные поступки, риски, этика

WAR, ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND HUMAN: WHERE ARE WE GOING TO?

T. Georgiou

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify aspects of the use of AI systems as a form of weapons and identify the challenges and potential risks facing humanity.

Methodology. Philosophical issues related to the implementation of AI systems in the military sphere are considered based on a systematic and interdisciplinary approach. Observations have been made on the aspects related to the weapons equipped with AI systems. The abilities of AI are analyzed in the context of socio-philosophical methodology and in this framework, the consequences for humanity are explored.

Results. The development and use of AI, especially in the military sphere, raises enough concerns of a very different nature. Based on the results of the study, it was concluded that studying and understanding the issues of the philosophy of war in comparison with the universal values is becoming critical.

Research implications. This paper analyzes the ontological and ethical aspects of the use of AI in weapons systems and describes the possible social risks for humanity.

Keywords: artificial intelligence, war, weapons, smart weapons, risks, moral acts, ethics

Введение

Внедрение ИИ во все социальные процессы осуществляется без каких-либо сомнений. Но самым страшным для человечества является то, что ИИ стал самой мощной технологией для армии и вооружения. Цель данного исследования заключается в определении вызовов и потенциальных рисков, стоящих перед человечеством при таком использовании. Новейшие технологические компьютерные разработки, нанотехнологии, спутниковая навигация, робототехника и тесно связанный с данными технологиями ИИ применяются в области вооружения, и в последнее время наблюдается бурное развитие этой области.

ИИ – самая обсуждаемая и противоречивая тема в современном обществе цифровизации. Возникающие проблемы в сфере ИИ и вооружения затрагивают острые философские вопросы, связаны с применением ИИ в военных действиях по уничтожению инфраструктуры, военной техники и людей. В данной работе предпринимается попытка философского осмысления этого процесса, особенно когда развитие ИИ в сфере вооружении достигает такого высокого уровня, а машине передаётся функция принятия решения вместо человека.

Ещё более сложный вопрос заключается в том, способны ли технические системы, такие как роботы, компьютеры или другие автоматизированные устройства, решая определенные задачи, достигать военных целей и принимать моральные решения, связанные с убийством людей? В какой степени и каким образом ИИ способен к машинному обучению в рамках этики, насколько общество готово принимать такое «машинное поведение», если допустить то, что ИИ в принципе будет способен принимать разные решения как «осознающее» существо [11]? При рассмотрении ИИ как смертоносной интеллектуальной техники, мы неизбежно сталкиваемся с этической

проблемой, которая становится центральной и сложноразрешимой задачей задачей для философии войны.

Война – общие сведения

Всем известна цитата римского историка и военного писателя Флавия Вегеция Рената “*Si vis pacem, para bellum*” (с лат. – «Хочешь мира, готовься к войне»)¹. Но Альберт Эйнштейн, зная возможности современной техники и ядерного оружия, сказал, что «нельзя предотвратить войну, готовься к ней»².

Философы со времён Античной эпохи с огромным интересом исследуют темы, связанные с войной, пересекающиеся с темами о взаимоотношениях государства и человека, государства и общества. Так, Платон в диалоге «Государство» делит общества на три сословия. Одно из них состоит из воинов-стражей, перед которыми стоит задача защиты государства. По Платону, ключевое место в военной подготовке воинов-стражей занимает воспитание и привитие нравственных норм. Кроме того, в диалоге «Алкивиад I» философ определяет причину, при которой война оправдана: война допускается, когда государство подвергается насилию, обману или ограблению. Аристотель тоже говорит о войне, утверждая, что единственной справедливой целью войны будет стремление к миру [8].

Русский философ Н. А. Бердяев в своих работах выражает своё понимание войны: «Зло нужно искать не в войне, а до войны, в самых мирных по внешнему облику»

¹ Вегеций Ф. Р. Краткое изложение военного дела. Глава III. Вступление // Греческие полиоркетик. Вегеций. СПб.: Алтейя, 1996. С. 211.

² Albert Einstein in a letter to Congressman Robert Hale (December 4, 1946) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.shmoop.com/quotes/cannot-simultaneously-prevent-prepare-war.html> (дата обращения: 07.09.2022).

временах. В эти мирные времена совершенствуются духовные убийства, накапливаются злоба и ненависть»¹.

Изучая вышеупомянутые трактаты философов, а также произведения других великих мыслителей, обращаем внимание на то, что все они особое внимание уделяют этике, моральным поступкам, вечной борьбе добра и зла. Из основных концептуальных положений теории войны можно выделить следующие: война – это продолжение политики другими средствами; там, где заканчивается дипломатия, начинается война. В этом контексте осмысления возникают фундаментальные философские вопросы: существует ли справедливая война? если да, при каких условиях и какими средствами можно её вести? какова роль государства и человека в военном процессе? какие этические и моральные ограничения должны соблюдаться?

В современном мире эксперты связывают новые боевые возможности аппаратов и систем оружия с внедрением технологии ИИ. И, как следствие, ИИ меняет характер войн. Наблюдается использование «умных» боевых систем, частично или полностью автоматизированной военной техники, а также роботизированных боевых средств. ИИ уже внедрён в системы управления и является стратегической составляющей современной армии. Следует отметить, что риск использования оружия массового поражения при использовании ИИ в военных целях является весьма вероятным, и, таким образом, тщательное философское осмысление поставленной проблемы становится чрезвычайно актуальным.

ИИ и оружие

Сегодня, эксперты разрабатывают новые боевые возможности с внедрением технологии ИИ в боевые системы. Уже экспертные системы, а также системы на-

вигации и планирования с использованием ИИ являются основной составляющей современного оружия. Непрерывный рост вычислительных возможностей процессоров привёл к тому, что ИИ в боевых системах становится более «умным» и автономным [6, с. 58].

Именно необходимость в короткие сроки аналитической обработки данных значительных объёмов, так называемых больших данных, является одной из важнейших причин разработки различных систем военного назначения, обладающих ИИ [2, с. 117]. Одна из важнейших причин внедрения ИИ в армию – это нанесение максимального ущерба врагу как в боевой технике, так и в живой силе. С этой целью созданы вспомогательные и обслуживающие системы и многие виды военной разведки, включая воздушные беспилотники. ИИ может существовать и в любых средствах, выполняя важнейшие интеллектуальные функции, помогая принимать решения командования, либо участвуя в кибервойне с противником. Существуют интеллектуальные боеприпасы, которые выполняют интеллектуальные функции вместо солдата при поражении вражеских целей [2].

В этом смысле системы ИИ в армии не обязательно должны быть огнестрельным оружием, они имеют очень широкий спектр применения и используются в системах управления для подготовки управленческих решений, в навигационных системах, в системах связи, для наблюдения, рекогносцировки и разведки, корректировки огня, разминирования, обучения и контроля обучения, логистики и обслуживания вооружения и техники. Широкое применение таких систем встречается для ведения информационной войны, радиоэлектронной борьбы, автоматического распознавания целей, программного выведения из строя коммуникационных сетей противника [1, с. 5; 5, с. 80].

Конечно, в армии могут применяться системы ИИ с огнестрельным оружием, как, например, интеллектуальные боеприпасы. Такое оружие определяет цели

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письмо одиннадцатое «О войне» // Николай Александрович Бердяев: [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/neraven/11.html> (дата обращения 07.09.2022).

по заранее поставленным задачам и способно стрелять, поражая вражеские цели и убивать врагов-солдат. Под интеллектуальными боеприпасами понимаются такие боеприпасы, которые самостоятельно могут корректировать траекторию выстрела с точным попаданием в цель или даже выбирать самый оптимальный момент взрыва с учётом нанесения самого большого ущерба врагу. Это называется высокоточным оружием, оно предназначено для поражения цели с максимальной точностью и со значительной эффективностью [2]. Машины, которые способны принимать самостоятельно стратегические или другие военные решения, сегодня уже не редкость. Возможно, в будущем они будут даже воевать самостоятельно. Высокотехнологическая война будет вестись роботами или машинами, оснащёнными ИИ.

Сторонники внедрения ИИ в боевые средства утверждают, что, если будут воевать машины, значит, не будет человеческих жертв. Наряду с этим отмечают, что роботизированные боевые средства снижают военные преступления, такие как насилие и изнасилование, не совершают поступков в состоянии аффекта, не вступают в мародерство (при условии, если ИИ не запрограммирован на подобные действия). Такого типа боевые машины более точно выполняют приказы. Кроме того, утверждается, что боевые средства с технологиями ИИ являются эффективными сборщиками данных, поэтому при совершении военных преступлений можно быстро обнаружить виновных, что, безусловно, снижает вероятность военных преступлений. Таким образом, по мнению экспертов, использование ИИ в армии способствует уменьшению фундаментальных проблем, которые создаёт война, т. е. при их использовании нас ожидает:

- меньшее количество смертей, ранений и травм солдат;
- меньшее количество смертей, ранений и травм мирных жителей;

– в целом снижение ущерба для инфраструктуры, общества и будущих поколений [13, р. 11].

Из вышеизложенного следует отметить, что возникают главные философские вопросы: какова разница между войной и миром, если у воюющих сторон не будет жертв и ущерба? зачем нужны алгоритмы обнаружения человека и лишения его жизни? что будет происходить, если высокоразвитая страна, обладающая такими средствами, будет воевать против более слабой и отсталой страны? кто устанавливает необходимые правила боевых действий? сами машины через самообучение? что будет осуществлять контроль над применением силы посредством таких роботизированных боевых ресурсов, особенно когда она нацелена на людей: средства и действия, которые могут дегуманизировать человечества, превращая человека в цель уничтожения? В этом контексте необходимо определить роль человека в процессе использования ИИ в военных действиях, а также сформулировать проблемы этики и роль институтов нравственных норм в связи с применением технологий ИИ для военных систем [5].

Роль человека

ИИ в армии предназначен для повышения боеспособности войск и нанесения потери противнику, и, как показывает опыт, современная война не существует без использования ИИ. На основе этого тезиса формулируется вопрос о роли человека. К настоящему времени сложились три основных категории роли человека (по степени управления со стороны человека) [2; 15].

Человек в системе управления – вспомогательная роль ИИ. На этом уровне ИИ обнаруживает и определяет враждебные объекты и после определённых интеллектуальных расчётов определяет цели. Однако решение и необходимые действия принимает только человек-оператор. Машина является вспомогательным средством.

Человек над системой управления – частично автономный ИИ. К этой категории относятся системы, которые самостоятельно способны обнаруживать и выбирать цели, а также принимать необходимые решения для достижения заранее поставленных задач. Однако человек-оператор, выполняющий роль наблюдателя и контролёра, в любой момент может вмешаться, изменить или заблокировать решение ИИ.

Человек вне системы управления – автономный ИИ. К этой категории относятся те боевые средства, которые способны самостоятельно воевать без человеческого вмешательства. Они способны собирать большое количество данных, и, анализируя их, могут обнаруживать и выбирать боевые цели, и, в итоге, самостоятельно принимать необходимые действия по уничтожению целей.

Последние войны доказали, что в боевых действиях уже применяются боевые средства, относящиеся к первой и второй категориям. Это лишь вопрос времени, когда мы доберёмся до третьей категории. Таким образом, современные автономные боевые системы могут действовать частично или полностью самостоятельно, без вмешательства оператора: от поиска цели до принятия решения и лишения человека жизни, даже если он не в военной форме. Философский вопрос: кто несёт ответственность за применение такого типа боевых систем [5, с. 81]?

Как следует, современные технологии позволяют «умным» системам обучаться на собственном опыте, адаптироваться к окружающей среде и к параметрам задач, принимать решения, которые раньше были прерогативой человека, и принимать такие решения, которые относятся к моральным поступкам [3, с. 72]. Значит, возникают серьёзные философские вопросы, связанные с рисками и, безусловно, с этикой, при таком опасном использовании ИИ. Поэтому, если ИИ необходим современной армии, нужно серьёзно относиться к главным этическим вопросам, связанным с ИИ, к учениям о социальной природе нравственной деятельности, моральных отношений

и морального сознания, отражающихся в категориях этики основного субъекта, человека, потому что такому боевому средству не нужна никакая этика. Этика нужна человечеству [4].

Риски применения ИИ

Многие военные утверждают, что ИИ в вооружении повышает эффективность вооружённых сил. Однако опыт показывает, что это приводит к увеличению жертв и ущерба воюющих сторон. Таким образом, очевидно, что существуют серьёзные риски при использовании ИИ в вооружении даже для тех систем, где человек находится в системе управления, контролируя весь военный процесс. Риски увеличиваются, когда увеличивается уровень автономности систем вооружения. Здесь мы сталкиваемся с фундаментальной проблемой человечества: насколько безопасным является создание интеллектуального смертоносного оружия, которое превосходит человека по силе и разуму и, что самое главное, потенциально независимо от воли самого человека? Вне всякого сомнения, существует опасность, при которой развитие ИИ может пойти не в том направлении, которое было запланировано человеком [6, с. 59].

По определению, любая технология должна развивать и расширять возможности человека, и ни при каких обстоятельствах неприемлемо превращать человека в объект, подвергая его цифровому измерению (идентификации). К сожалению, применение ИИ в боевых средствах неизбежно ведёт к потере человеческой природы. Как следствие, такие действия, когда машины, выполняя боевые задачи, принимают решения о нападении на человека, непременно приводят к наивысшей форме цифровой дегуманизации.

Некоторые учёные [12] утверждают, что одна из основных проблем ИИ – это предубеждения при его применении. Проблема усугубляется, когда эти структуры решают военные задачи. Наблюдается предвзя-

тое отношение к человеку, основанное на ряде таких типичных критериев, как пол, возраст, цвет кожи, состоятельность и т. д. Характерен пост соучредителя компании Apple Стива Возняка о том, что, хотя он и пользуется одними и теми же счетами со своей женой, его кредитный лимит, рассчитанный алгоритмами, в десять раз больше, чем у его жены¹. Уверены ли мы, что хотим, чтобы такие «умные» алгоритмы решали, кто враг, в какую сторону стрелять, кого убивать и в итоге определять судьбу отдельных людей и человечества в целом?

Серьёзным вызовом для человека является утрата значительного человеческого контроля над машинами при их использовании на поле боя. При использовании любой техники человек должен контролировать процесс её применения. Особенно когда существует сложный этический выбор, когда сама техника не способна понять ценность человеческой жизни. Тем более, когда идёт речь о боевых системах и войне. Это ведёт к снижению человеком моральной ответственности и подрыву существующих правовых норм. Ответственность за свои поступки должны нести именно люди, а не машины. Однако, если люди не осознают полную меру своей ответственности при принятии взвешенных решений, они уже не способны нести ответственность за последствия своих действий.. Поэтому вопрос справедливого привлечения человека к ответственности за действия автономной системы вооружения, находящейся вне их эффективного контроля, весьма актуален.

Машинное обучение является идеальным инструментом для совершенствования ИИ. Однако сегодня трудно объяснить, как работает эта система, каким образом достигаются результаты, из чего можно заключить, что при боевых действиях жертвы остаются в неведении – без объяснений и без ответственности. Многие учёные и

разработчики опасаются, что ИИ будет развиваться без наблюдения и руководства со стороны человека. Контроль является основным фактором безопасности при таком использовании ИИ [14]. Это значит, что без необходимого контроля мы не просто пользуемся технологиями, но ставим нашу жизнь в зависимость от них, что и делает нас уязвимыми.

ИИ – очень мощная технология, и при всей её значимости существует масса серьёзных рисков при её использовании. Халатность, недосмотр, легкомыслие и небрежность являются вероятными рисками во время боевых действий. Кроме того, существует риск злого умысла какой-то из воюющих сторон. Вполне возможны ситуации, при которых военные роботы, вышедшие из-под контроля, могут причинить вред человечеству, если окажутся в руках террористов и преступников.

Особого внимания заслуживает изучение рисков, связанных с возможной ядерной катастрофой на фоне использования ИИ. И вот мы подходим к страшному вопросу, связанному с машинным обучением: что произойдёт, если вдруг машина определит, что враг человечества – сам человек?

Опираясь на потенциальные вышеупомянутые риски, следует отметить, что эта тема становится предметом оживлённых философских дискуссий, т. к. затрагивает фундаментальные аспекты человечества.

Этические нормы – нравственные ограничения

Технологии разрабатываются и создаются людьми. Мы обязаны установить границы между приемлемым и неприемлемым, а этические принципы должны быть направлены на недопущение вышеупомянутых рисков. При этом нужно установить нормы, формируя их не на основе философии войны, а на основе философии жизни. Использование ИИ в военной сфере касается не только природы, но смысла и сущности войны и мира. Анализируя эти смыслы, необхо-

¹ Douglas J. Apple Card Algo Issue and the Future of AI in your Everyday Life [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2019/11/14/apple-card-algo-affair-and-the-future-of-ai-in-your-everyday-life.html> (дата обращения: 10.11.2022).

димо учитывать общечеловеческие ценности, такие как право на жизнь, свобода и достоинство. Любые моральные нормы и этические правила с необходимостью формулируют главный вопрос любого морального поступка: кто несёт ответственность за применение оружия, оснащённого ИИ? Кроме того, необходимо сформулировать условия, при которых дозволено использование таких боевых средств, и вообще отношение к дилемме «ИИ против человека-солдата» [7].

Следует добавить, что оснащение этих смертоносных автономных систем приборами слежения и камерами наблюдения делает доступным для просмотра весь процесс обнаружения и распознавания вероятной цели вплоть до огнестрельного поражения. Жестокая смерть по определению не приемлема для любого человека, она – результат нарушения всех возможных этических норм, особенно в условиях военных действий, когда их возможно смотреть на экранах наших телевизоров, а иногда и в прямом эфире. Достоинство человека как личности перестаёт существовать, порождая фундаментальный философский вопрос: в чём смысл такой войны и куда мы направляемся?

Машины, тем не менее, не несут никакой моральной ответственности, и все попытки оправдывать гонку вооружений в сфере ИИ неуместны по гуманным и этическим критериям. Несмотря на это, сторонники интеллектуального оружия утверждают, что машины смогут гораздо эффективнее по сравнению с человеком соблюдать международное гуманитарное право, и, таким образом, появляются возможности разработки алгоритмов, способных более чётко следовать этим правилам. По их мнению, такой подход может обеспечить исключение военных преступлений. Однако даже в таком оптимистическом сценарии существуют определенные риски, и человек должен нести ответственность за разработку, размещение и использование военных систем ИИ.

В условиях технологической войны ИИ может использоваться во вред челове-

ству, поэтому перед философским сообществом стоит серьёзная задача – сделать всё возможное для урегулирования этических вопросов, предусмотреть явные и латентные риски и обеспечить безопасность для человека и общества.

Заключение

Подводя итог, следует признать, что создание и развитие систем ИИ становится одним из важнейших направлений научно-технического прогресса. На наш взгляд, не стоит вдаваться в фантазии о восстании роботов против человечества, как это красочно представлено в некоторых фантастических фильмах и современных произведениях кибер-апокалипсиса. Тем не менее, вполне очевидно, что внедрение систем ИИ в военную область предопределяет степень эффективности военных и боевых действий в будущем [2]. Каждый разработчик стремится опередить других разработчиков и производителей, поскольку деятельность в высокотехнологичной сфере обеспечивает огромные доходы для него и безопасность для государства. Именно поэтому разработчики и чиновники эксплуатируют тезис «если не мы, то будут разрабатывать они», т. е. «враги». Поэтому на сегодняшнем театре геополитических действий никого не удивляет развитие мировой гонки вооружений в сфере ИИ.

Установление «красной черты» для машин, которые могут принимать решения о смерти человека, а также для технологий, использующих силу без действительного человеческого контроля, представляет собой основательную проверку наших отношений с ИИ и новыми технологиями во всех областях общества. Если мы не установим эти грани сейчас, ситуация будет только усложняться, поскольку государства и коммерческие компании будут все больше вкладывать средства в развитие вооружений. Отказ от цифровой дегуманизации и обеспечение реального человеческого контроля над применением силы являются ключевыми шагами к построению более обширных возможностей в отношениях с технологиями для всех лю-

дей, сегодня и в будущем. Несомненно, технологии ИИ могут использоваться во вред человечеству, т. к. это мощное смертоносное средство становится более интеллектуальным и, следовательно, ещё более смертоносным. ИИ в сфере вооружения является средством массового поражения. Таким образом, ИИ может стать более опасным, чем клонирование человека и ядерное оружие, если не будут предусмотрены правила безопасности и этические нормы, регулирующие разработку, применение и использование ИИ в сфере обороны.

В то же время учёные, философы и другие организации неустанно работают над тем, чтобы убедить правительства замедлить безумную гонку вооружений и законодательно установить процедуры использования алгоритмов ИИ и необходимого контроля, который способствует устранению соответствующих рисков и обеспечивает уважение человека и таких общечеловеческих ценностей, как мир, свобода, равенство, социальный прогресс и человеческое достоинство.

Великий философ Аристотель утверждает, что поступки, которые совершает человек, отражают его истинную суть. Человеческая природа уникальна, моральный поступок присущ исключительно человеку. Следовательно, моральный поступок не может быть присвоен никакому материальному объекту-оружию.

Роджер Пенроуз в своей книге «Новый ум короля» аргументирует невозможность получения процесса мышления на основе формальных систем, а человеческое сознание, по мнению автора, не является алго-

ритмическим [10]. Поэтому в развитии и использовании ИИ, особенно в военной сфере, существует достаточно опасений самого различного характера.

Академик Н. Н. Моисеев в его книге «Судьба цивилизации. Путь Разума» также предупреждает о серьёзных рисках. Согласно Моисееву, весьма вероятно такое развитие ИИ: захват некоторой группой людей грандиозной информационной системы, созданной сегодня на планете, для использования её в собственных интересах. Это может обернуться глобальным зомбированием человечества, привести к абсолютному информационному тоталитаризму [9]. Рискикратно возрастают, когда человек способен создать такое мощное оружие. Именно в этот момент философско-онтологический аспект существования человека проявляется наиболее рельефно.

История доказала, что человек может стать самым опасным и жестоким животным мире, но в то же время он может проявлять чудеса творчества, благородства и самопожертвования. Поэтому нам пора остановиться и подумать, куда мы направляемся. Сделали ли мы всё для сохранения и развития человека-добродетельного, и следовательно, для человечества и цивилизации в целом? К этим важнейшим вопросам можно прежде всего добавить, что любое средство в руках человека-добродетельного, в том числе и ИИ, станет самым полезным инструментом развития, процветания и здоровой социальной жизни.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буренок В. М. Новая парадигма силового противостояния государств на основе применения искусственного интеллекта // Вооружение и экономика. 2020. № 52 (2). С. 4–8.
2. Галкин Д. В., Коляндра П. А., Степанов А. В. Состояние и перспективы использования искусственного интеллекта в военном деле // Военная мысль. 2021. № 1. С. 113–124.
3. Георгиу Т. С. Философия автоматизации и искусственного интеллекта: от мифологического Талоса до будущих киборгов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 68–75.
4. Георгиу Т. С. Решение проблемы «сознание-тело» и искусственный интеллект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 62 (4). С. 32–45.
5. Глухов Е. А. О правовом регулировании применения искусственного интеллекта в военной сфере // Военная мысль. 2022. № 8. С. 73–85.

6. Косоуров Д. А. Применение искусственного интеллекта в области вооружения // Искусственный интеллект: философия, методология, инновации: материалы IV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Москва, 10–12 ноября 2010 г.: в 2 ч. Ч. 2. М.: Российский технологический университет, 2010. С. 58–60.
7. Ларионов И. Ю. Кто несёт ответственность за применение оружия с искусственным интеллектом? // Интернет и современное общество: труды XXV международной объединённой научной конференции, Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 г. СПб.: Национальный исследовательский университет ИТМО, 2022. С. 26–27.
8. Лобанов Е. В. Платон и Аристотель о «праве войны» // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 304–310.
9. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
10. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. В. О. Малышенко. 7-е изд. М.: Синергетика: от прошлого к будущему, 2019. 413 с.
11. Разин А. В. Этика искусственного интеллекта // Философия и общество. 2019. № 90 (1). С. 57–73
12. Floridi L. AI4People- An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations // Minds and Machines. 2018. № 28. P. 689–707.
13. Müller V. C. Autonomous Killer Robots are Probably Good News // Drones and Responsibility: Legal, Philosophical and Sociotechnical Perspectives on the Use of Remotely Controlled Weapons. London: Ashgate, 2016. P. 67–81.
14. Siau K., Wang W. Artificial Intelligence (AI) Ethics: Ethics of AI and Ethical AI // Journal of Database Management. 2020. № 2 (37). P. 74–87.
15. Simpson T. W., Müller V. C. Just War and Robots' Killings // Philosophical Quarterly. 2016. № 263 (66). P. 302–322.

REFERENCES

1. Burenok V. M. [A New Paradigm of State Force Confrontation on the Basis of Artificial Intelligence Application]. In: *Vooruzhenie i ekonomika* [Armament and Economics], 2020, no. 52 (2), pp. 4–8.
2. Galkin D. V., Kolyandra P. A., Stepanov A. V. [State and Prospects for the Use of Artificial Intelligence in Military Affairs]. In: *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2021, no. 1, pp. 113–124.
3. Georgiou T. S. [Philosophy of Automation and Artificial Intelligence: From Mythological Talos to Future Cyborgs]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2022, no. 1, pp. 68–75.
4. Georgiou T. S. [Solution of the problem “Mind–Body” and Artificial Intelligence]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Herald of Tver State University. Series: Philosophy], 2022, no. 62 (4), pp. 32–45.
5. Gluhov E. A. [On the Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Military Sphere]. In: *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2022, no. 8, pp. 73–85.
6. Kosourov D. A. [Application of Artificial Intelligence in the Field of Weapons]. In: *Iskusstvennyy intellekt: filosofiya, metodologiya, innovacii: materialy IV Vserossijskoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchonyh, Moskva, 10–12 noyabrya 2010 g. Ch. 2* [Artificial Intelligence: Philosophy, Methodology, Innovation: Materials of the IV All-Russian Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists, Moscow, November 10–12, 2010. Pt. 2]. Moscow, Russian Technological University Publ., 2010, pp. 58–60.
7. Larionov I. Yu. [Who is Responsible for the Use of Weapons with Artificial Intelligence?]. In: *Internet i sovremennoe obshchestvo: trudy XXV mezhdunarodnoj ob»edinyonnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 23–24 iyunya 2022 g.* [Internet and Modern Society: Proceedings of the XXV International Joint Scientific Conference, St. Petersburg, June 23–24, 2022]. St. Petersburg, National Research University ITMO Publ., 2022, pp. 26–27.
8. Lobanov E. V. [Plato and Aristotle on the Law of War]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, no. 1, pp. 304–310.
9. Moiseev N. N. *Sud'ba civilizacii. Put' Razuma* [The Fate of Civilization. Path of Reason]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 224 p.
10. Penrose R. The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and The Laws of Physics (Rus. ed.: Малышенко В. О., transl. *Novyi um korolya. O komp'yuterah, myshlenii i zakonah fiziki*. Moscow, Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu Publ., 2019. 413 p.).

11. Razin A. V. [Ethics of Artificial Intelligence]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2019, no. 90 (1), pp. 57–73.
12. Floridi L. AI4People-An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations. In: *Minds and Machines*, 2018, no. 28, pp. 689–707.
13. Müller V. C. Autonomous Killer Robots are Probably Good News. In: *Drones and Responsibility: Legal, Philosophical and Sociotechnical Perspectives on the Use of Remotely Controlled Weapons*. London, Ashgate, 2016, pp. 67–81.
14. Siau K., Wang W. Artificial Intelligence (AI) Ethics: Ethics of AI and Ethical AI. In: *Journal of Database Management*, 2020, no. 2 (37), pp. 74–87.
15. Simpson T. W., Müller V. C. Just War and Robots' Killings. In: *Philosophical Quarterly*, 2016, no. 263 (66), pp. 302–322.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Георгиу Такис Софокли – аспирант кафедры философии Государственного университета просвещения;

e-mail: takis.georgiou.s@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Takis S. Georgiou – Postgraduate Student, Department of Philosophy, State University of Education;

e-mail: takis.georgiou.s@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Георгиу Т. С. Война, искусственный интеллект и человек: куда мы направляемся? // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 76–85.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-76-85

FOR CITATION

Georgiou T. S. War, Artificial Intelligence and Human: Where are We Going to? In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 76–85.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-76-85

УДК: 1:316-044.352

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-86-92

МЕХАНИЗМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Зенов Е. В.*Мурманский арктический государственный университет**183038, Мурманская обл., г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить особенности функционирования механизмов толерантности в российском образовании.

Процедура и методы. Путём выборки материалов российского философского и педагогического дискурсов провести философский анализ механизмов функционирования толерантности в школах и вузах России.

Результаты. В ходе философского анализа был выявлен ряд уникальных мировоззренческих особенностей, которыми характеризуется феномен толерантности в российском образовании.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволяет определить основные характеристики механизмов функционирования толерантности в российском образовании, а также обосновать их отличия от западных.

Ключевые слова: образование, политкорректность, Свой, терпимость, толерантность, Чужой

MECHANISMS FOR FUNCTIONING OF TOLERANCE IN RUSSIAN ACADEMIA

Ye. Zenov*Murmansk Arctic State University**ul. Kapitana Yegorova 15, Murmansk 183038, Murmansk Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To define the features of tolerance mechanisms functioning in the academia of the Russian Federation.

Methodology. To conduct a philosophical analysis of the mechanisms of tolerance functioning in schools and higher education institutions of the Russian Federation by sampling materials of Russian philosophical and pedagogical discourses.

Results. As part of philosophical analysis, a variety of unique worldview features that characterize the phenomenon of tolerance in Russian education was identified.

Research implications. The conducted research allows to define the primary characteristics of the mechanisms for the functioning of tolerance in Russian academia, as well as to rationalize their difference when compared to the Western phenomenon.

Keywords: education, in-group, out-group, political correctness, Russia, tolerance

Введение

Толерантность – одна из принципиальных установок российского образования, имеющая, помимо педагогической, философскую ценность. Недостаточная изученность «образовательной толерантности» с философской точки зрения обуславливает необходимость рассмотрения феномена с аксиологической и этической сторон. В работе при-

водится анализ этого явления и механизмов его работы в образовательной среде. Кроме того, выявляются уникальные особенности российской толерантности, позволяющие провести линию демаркации с аналогичным западным феноменом.

Толерантность как философская установка образовательной среды

На сегодняшний день феномену толерантности и механизмам его функционирования в российской образовательной среде посвящено множество работ, рассматривающих это явление с точки зрения российских образовательных стратегий и программ, призванных обеспечить воспитание терпимости у нашей молодёжи. При этом философское осмысление функционирования терпимости в нашей стране представляется недостаточным: в этом ключе наиболее показательна работа Л. Г. Ионина «Политкорректность: дивный новый мир», которая представляет собой основательный, но в первую очередь всё же социальный анализ явления западной терпимости [6, с. 5]. Немногочисленные философские статьи по теме или уделяют внимание общим аспектам толерантности, не привязывая её к какой-либо стране или региону [18], или рассматривают проблемы российской терпимости в рамках иных сфер [9]. Те из них, что посвящены непосредственно толерантности в образовательной среде нашей страны, написаны относительно давно, поэтому специфика сущностных изменений, произошедших за последнее десятилетие в устройстве толерантности, не учитывается [15]. Отметим, что толерантность в России самобытна, с одной стороны, являясь одним из ключевых направлений в развитии образования, а с другой – воспринимаясь как западное явление. Поэтому особый интерес представляет изучение механизмов толерантности с философской точки зрения, при котором учитывался бы хронологический аспект проблемы.

В первую очередь укажем на неопределённость в терминологии: некоторые участники образовательного процесса проводят

границу между понятиями «толерантность» и «терпимость», указывая, что первое – это благосклонное признание иного, а второе – стремление безропотно переносить что-либо [10, с. 68]. Студенты при этом должны склоняться в сторону первого, чтобы выработать механизмы поведения, которые позволяли бы им адекватно воспринимать среду, в которой они обучаются. Представляется, что подобное разграничение – индивидуальная трактовка каждого автора, которая на самом деле не раскрывает сущности понятий: толерантность и терпимость схожи, поэтому в этой работе термины используются как взаимозаменяемые.

О важности толерантности в российском образовательном пространстве пишут авторы философских исследований: некоторые из них подчёркивают, что толерантность как философская категория, являясь «гармонией в многообразии», помогает достичь мира, отказаться от догматизма и абсолютизации истины. На любом уровне воспитание и образование открывают кратчайшую дорогу к достижению всеобщей терпимости: так, чтобы человек понимал, в чём заключаются общечеловеческие права и свободы, на которые эта самая толерантность покушаться не может [3, с. 1080]. При этом, как отмечают авторы, те дисциплины, которые могли бы терпимость воспитать – философия, история, политология, – сокращаются в наших образовательных программах. Проблема очевидна: эти науки не двигают экономику, но люди без человеческого, гуманитарного образования вряд ли могут не только быть двигателем экономики, но и осчастливить общество. В своей статье доктор философских наук В. В. Котлярова соглашается с важностью воспитания толерантности: она считает, что создание культурно-правовой среды, в которой было бы комфортно всем её членам, защищающим и уважающим права человека, первостепенно [8, с. 6]. Автор не только рассуждает о важности обтекаемых «человеческих ценностей», но указывает, что в определении предметных границ толерантности важен демаркационный потенциал морального ориентира. В качестве примера

рассматривается бытовая ситуация: вечер, сосед решает устроить шумную вечеринку. С одной стороны, можно пожаловаться на него властям, с другой – войти в его положение, сделать усилие воли и в полицию не звонить. Так, согласно авторской позиции, толерантность представляет собой умение прочувствовать Другого, представить себя на его месте, проявить эмпатию.

Иные авторы тоже определяют толерантность в российском понимании как постижение Другого: они указывают на то, что в России истоки этого феномена обнаруживаются, в первую очередь, в СССР [16, с. 198]; другие считают, что это проявление формировавшейся веками культуры мира и согласия [12, с. 66]. Большинство сходится в том, что культивирование толерантности – основная задача не только каждого преподавателя, но современной российской образовательной среды в целом. Этого требуют как глобализация и изменения в структуре многополярного мира [1, с. 110], так и сами государственные программы – например, Стратегия развития воспитания в РФ, действительная до 2025 г. [14, с. 2]. Таким образом, представляется, что полноценное осознание толерантности как ключевого аспекта среднего и высшего образования стало иметь место лишь в последние десятилетия, когда этот феномен принял форму одного из ключевых направлений образовательной политики.

Отметим, что некоторые исследователи, подчёркивая важность толерантности как общенациональной стратегии, разграничивают толерантность обучающегося и толерантность педагога. С одной стороны, молодой человек должен преисполняться многообразия и искать способы эффективного взаимодействия с разными людьми на всех этапах своего обучения, от младшей школы до высшей. При этом ему должен помогать педагог, который выполняет роль воспитателя. Следовательно, особую роль играет идея «инклюзивного образования», т. е. идея преимущественно западная, но уже культивируемая в школах и вузах России. При этом на базовом, понятийном уровне наблюдается особенность в толко-

вании термина: российское «инклюзивное образование» или ориентировано преимущественно на людей с ограниченными возможностями здоровья, т. е. обучение детей с ОВЗ [7, с. 40], или воспринимается как компонент успешной социализации и интеграции лиц с особыми образовательными потребностями в общество [19, с. 124]. Более того, инклюзивное образование находится на стыке философии, правосудия, прав человека, равенства и образовательных практик, что принципиально отличает эту трактовку от более узкой, принятой в нашей стране: «инклюзивное обучение – это обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учётом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [17, с. 28]. Таким образом, российское толкование «инклюзивности» в образовании обусловлено культурными особенностями страны: оно акцентирует внимание на внутренних проблемах системы образования, не расширяя определение для включения нерелевантных факторов. Представляется, что в этом смысле образование является продолжением общенациональной идеи о том, что у России собственные, отличные от Запада ценности – это разграничение обуславливается не только рациональными, но и аксиологическими причинами.

Часть исследователей оценивает попытки создания толерантной, инклюзивной среды в образовательных учреждениях России как новую модель образования, приведшую к кардинальным изменениям, к которым не были готовы ни родители, ни педагоги [17, с. 26], поэтому с её дальнейшим развитием связаны определённые риски. На наш взгляд, вариант развития этого феномена по западному пути маловероятен, т. к. требует ценностной переориентировки внутри страны, но, тем не менее, исключать его нельзя – поэтому, изучив возможные риски, можно получить более полное философское представление о самом феномене толерантности, механизмах его функционирования. В этом смысле показательно определение М. И. Рожкова, данное в философско-педагогическом ключе: «Толерантность выступа-

ет ... качеством, отражающим способность человека воспринимать и принимать людей без предубеждения и внушённых стереотипов, признание за ними права на отличия в поведении и образе жизни...» [14, с. 2].

Особенности механизмов толерантности в российском образовании

Одним из ключевых аспектов функционирования толерантности в образовательной среде России является то, что она может варьироваться от одного субъекта РФ к другому. Так, в школах и университетах многонациональных регионов нашей страны уделяется особое внимание конфессиональной и этнической толерантности – при этом представляется, что на национальном уровне ни та, ни другая не выходят на передний план. Фундаментальный подход можно выделить, например, в Республике Адыгея, где толерантность преподаётся в рамках программ истории и обществознания [5, с. 136]. Такой подход к воспитанию терпимости принципиально отличается от западной формулировки, где, во-первых, сама идея терпимости экстраполируется через образование в другие сферы жизни (социальную, политическую), становясь не только благом, но и угрозой. Во-вторых, функционал этого феномена в каждом регионе немного отличается: где-то выделяются определённые формы толерантности, обусловленные спецификой того или иного российского субъекта. Кроме того, сам феномен в таком случае оказывается специфичным: он обростаёт особенностями, уникальными для каждого региона России. Это особенно характерно на примере Республики Татарстан, в которой проживают 173 народа, поэтому вопрос функционирования толерантности в системе образования там особенно актуален. Развитие толерантности происходит через особые дисциплины – например, «Историю и культуру народов Татарстана», – а участники образовательного процесса изначально отталкиваются от установки, что издревле живущие на

территории субъекта народы обогащают культуру друг друга. Уникальным оказывается и само восприятие феномена как «установки на сотрудничество, согласие и самоограничение», что является ещё одной особенностью «образовательной толерантности» России [13, с. 2]. Таким образом, человек другой народности и иного вероисповедания воспринимается не как чужой, но близкий человек. Как отмечалось ранее, это в первую очередь попытка «прочувствовать Другого».

На то, что в России проблема межкультурного сосуществования имеет особенный характер, указывают и Фестивали дружбы, проводимые при университетах. Это касается как международных фестивалей, организуемых при МГУ с 2011 г., на которых присутствуют гости из десятков стран¹, так и локальных мероприятий городского и даже школьного уровней, призванных воспитать в обучающихся терпимое отношение к окружающей его действительности [11, с. 57]. Подобный подход отличает российскую толерантность в образовании и науке, поощряющую равенство всех культур и народов, от, например, англосаксонской, ориентированной преимущественно на превознесение меньшинства и его качеств, нежели мирное, взаимовыгодное сосуществование. Функционирование толерантности в российском образовании призвано в первую очередь сохранить статус-кво, т. е. поддержать баланс, создаваемый в течение последних десятилетий, но делать это, придерживаясь особенных традиций мультикультурализма, свойственных лишь нашей стране.

Кроме того, своеобразие функционирования толерантности в российском образовании прослеживается в рамках философских подходов. Уникальность толерантности в нашей среде заключается в том, что, вступая в межкультурный контакт, ученик осознаёт себя как участника коммуникативного процесса, видит в себе его неотъемлемую часть. Он адекватно оценивает границы собственной толерант-

¹ Русский фольклор – всеобщее достояние. О восьмом онлайн-фестивале дружбы в МГУ // МИРС. 2019. № 2. С. 93.

ности и способен решить, какие границы приемлемы. В отличие от западного, российское общество не требует того, чтобы ученик придерживался какого-либо абсолюта, принятого по политическим или социальным причинам. В этом смысле между российским и западным образованием видна ещё одна линия демаркации: в то время как первое стремится сочетать рациональное и иррациональное, второе стремится объяснить важность функционала толерантности историей, определяя такой подход как рациональный и продуманный. Считается, что несправедливость, которая веками складывалась в Европе и перетекла в Америку, должна быть отомщена, поэтому ответственность за события прошлого перекладывается на плечи юного поколения, обязанного просить прощения за «грехи отцов».

Примером ещё одной философской дихотомии, актуальной для ситуации с толерантностью в образовании, может послужить «абсолютное – относительное». Сама по себе толерантность не может быть чем-то абсолютным: она индивидуальна и по-своему воспринимается каждым человеком. В то время как в западном обществе культивирование терпимости принимает форму фундаментального ориентира, исключающего инакомыслие, а, значит, абсолютизированного, в России под «толерантностью» подразумевается диалог и плюрализм мнений – несмотря на то, что сфера её применения ограничена традиционными для нашей страны аспектами. Показательно то, что в России человек оказывается «самостоятельной и ответственно личностью, способной отстоять свою позицию, но в то же время признающим право другого на свою точку зрения, сотрудничающим с другим» [4, с. 16].

Заключение

Итак, корни функционирования толерантности в российском образовании восходят к философии: вспомним высказывание М. А. Бакунина о том, что свобода одного заканчивается там, где начинается

свобода другого – в контексте обсуждения терпимости, границы которой так часто размываются, эта цитата обретает новое звучание [2, с. 24]. В этом смысле и сама толерантность, и механизмы её воспитания в России оказываются отличны от западных: российское образование следует собственному, уникальному пути, предполагающему гармоничное сосуществование в рамках единого государства. С другой стороны, во многом система мироустройства западного мира поддаётся «парадоксу толерантности» С. Жижека о том, что неестественный договор может привести к созданию общества, терпимого к любому Другому, вне зависимости от того, насколько он жесток или суверен. В этом смысле образовательная система России противоположна: толерантность понимается не как подчинение одного другому (т. е. большинства меньшинству), но восприятие ближнего как равного.

Таким образом, функционирование толерантности в российской образовательной среде своеобразно: принципиальная особенность – в ценностном аспекте, который актуализируется в рамках понятия «толерантность», среди которых в России выделяются преимущественно культурная, этническая и религиозная. Западное понятие «общечеловеческих ценностей» для образования в нашей стране представляется слишком размытым и неоднозначным, поэтому границы терпимости обычно чётко определены и обозначены – они тяготеют к традиционному, уникальному для российского мировоззрения восприятию терпимости; это – умение прочувствовать Иного, но не поддаваться стремлению под него подстроиться. В этом смысле показательны фестивали дружбы и другие общественные мероприятия, поддерживаемые образовательными учреждениями: они имеют очерченные границы, культивируют равноправие, но не превосходство одной группы над другой.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балданова Е. А. Модель процесса развития коммуникативной толерантности // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2018. № 1 (75). С. 110–116.
2. Быстров В. Ю. Границы толерантности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 1. С. 24–34.
3. Галимов Б. С. Философия толерантности // Вестник Башкирского университета. 2015. № 3. С. 1080–1081.
4. Дайнова Г. З. Толерантность в аспекте философии науки // Современное педагогическое образование. 2018. № 5. С. 13–16.
5. Емтыль Р. Х. Формирование этнокультурной толерантности при изучении гуманитарных дисциплин в школе и вузе // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 1 (68). С. 135–139.
6. Ионин Л. Г. Политкорректность: дивный новый мир. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 112 с.
7. Коптилова М. В. Проблемы формирования толерантных взаимоотношений младших школьников в рамках инклюзивного образования // Интерактивная наука. 2021. № 9 (64). С. 40–42.
8. Котлярова В. В. Толерантность и её границы [Электронный ресурс] // APRIORI. Серия: гуманитарные науки. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-i-ee-granitsy-1> (дата обращения: 01.05.2023).
9. Логинов А. В. Религиозный аргумент в публичной сфере: толерантность и идентичность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 2 (34). С. 229–235.
10. Малородова Е. Н. Культура толерантности в студенческой среде // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 2. С. 68–71.
11. Морозова А. П. Фестиваль народов как средство воспитания межкультурной толерантности школьников // Человек в мире культуры. 2016. № 2. С. 56–59.
12. Мустафаева А. Р. Педагогическое просвещение родителей в области нравственного формирования личности и профилактики экстремизма // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 66–68.
13. Мушарова В. М. Основные направления формирования межэтнической толерантности как общекультурной компетенции у студентов технического вуза // Казанский педагогический журнал. 2017. № 3 (122). С. 78–81.
14. Рожков М. И. Экзистенциальный подход к воспитанию толерантности у школьников // Учёные записки: электронный журнал Курского государственного университета. 2021. № 4 (60). URL: <http://scientific-notes.ru/pages/index> (дата обращения: 01.05.2023).
15. Садыкова О. В. Насилие и ненасилие: теория и реальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (258). С. 49–53.
16. Тимошков И. Н. Проблема формирования межэтнической толерантности у школьников в процессе обучения истории // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–1. С. 197–200.
17. Хуснутдинова М. Р. Риски инклюзивного образования // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 3. С. 26–45.
18. Шачина А. Ю., Шачин С. В. Признание как альтернатива толерантности, или К вопросу о статусе толерантности в системе целей и ценностей образования // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 112–116.
19. Якубова Ф. Р. Инклюзивная культура – ключевой фактор успешности инклюзивного образования // Наука и школа. 2020. № 1. С. 123–129.

REFERENCES

1. Baldanova E. A. [Model of the Process of Students' Communicative Tolerance Development by means of a Foreign Language]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologij* [Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies], 2018, no. 1 (75), pp. 110–116.
2. Bystrov V. Yu. [Limits of Tolerance]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies], 2020, vol. 36, iss. 1, pp. 24–34.
3. Galimov B. S. [Philosophy of Tolerance]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2015, no. 3, pp. 1080–1081.
4. Dajnova G. Z. [Tolerance in the Aspect of Philosophy of Science]. In: *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2018, no. 5, pp. 13–16.
5. Emtyl R. Kh. [The formation of Ethno-cultural Tolerance in the Study of the Humanities in School and University]. In: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural studies of Russian South], 2018, no. 1 (68), pp. 135–139.
6. Ionin L. G. *Politkorrektnost': divnyj novyj mir* [Political Correctness: A Brave New World]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2012. 112 p.

7. Koptilova M. V. [Problems of Forming Tolerant Relationships among Junior Schoolchildren within the Framework of Inclusive Education]. In: *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], 2021, no. 9 (64), pp. 40–42.
8. Kotlyarova V. V. [Tolerance and Its Limits]. In: *APRIORI. Seriya: gumanitarnye nauki* [APRIORI. Series: Humanities], 2016, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-i-ee-granitsy-1> (accessed: 01.05.2023).
9. Loginov A. V. [Religious Argument in Public Sphere: Tolerance and Identity]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2018, no. 2 (34), pp. 229–235.
10. Malorodova E. N. [Culture of Tolerance in the Student Environment]. In: *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social Educational Ideas], 2015, no. 2, pp. 68–71.
11. Morozova A. P. [All-Nations Festival as a Mean of Tolerance I Education for Schoolchildren]. In: *Chelovek v mire kul'tury* [Man in the World of Culture], 2016, no. 2, pp. 56–59.
12. Mustafayeva A. R., Gaydarova L. I., Kurbanova A. D. [Pedagogical Education of Parents in the Field of Moral Formation of Personality and Prevention of Extremism]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2019, no. 2 (75), pp. 66–68.
13. Musharova V. M. [The Main Directions of Formation of Interethnic Tolerance as a Cultural Competence of Students of Technical University]. In: *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2017, no. 3 (122), pp. 78–81.
14. Rozhkov M. I. [Existential Approach to the Education of Tolerance among Schoolchildren]. In: *Uchyonye zapiski: elektronnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: Electronic Journal of Kursk State University], 2021, no. 4 (60). Available at: <http://scientific-notes.ru/pages/index> (accessed: 01.05.2023).
15. Sadykova O. V. [Violence and Non-Violence: Theory and Reality]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 4 (258), pp. 49–53.
16. Timoshkov I. N. [The Problem of Forming Inter-ethnic Tolerance in Schoolchildren in the Process of Teaching History]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2020, no. 6–1, pp. 197–200.
17. Husnutdinova M. R. [Risks of Inclusive Education]. In: *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal], 2017, vol. 19, no. 3, pp. 26–45.
18. Shachina A. Yu., Shachin S. V. [Recognition as an Alternative to Tolerance, or On the Issue of the Status of Tolerance in the System of Goals and Values of Education]. In: *Cennosti i smysly* [Values and Meanings], 2018, no. 2 (54), pp. 112–116.
19. Yakubova F. R. [Inclusive Culture – a Key Factor for Success in Inclusive Education]. In: *Nauka i shkola* [Science and School], 2020, no. 1, pp. 123–129.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зенов Егор Всеволодович – аспирант кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета;
e-mail: yegzenov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yegor V. Zenov – Postgraduate Student, Philosophy and Social Studies Department, Murmansk Arctic State University
e-mail: yegzenov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зенов Е. В. Механизмы функционирования толерантности в российском образовании // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 86–92.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-86-92

FOR CITATION

Zenov Ye. V. Mechanisms for Functioning of Tolerance in Russian Academia. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 86–92.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-86-92

УДК 101

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-93-101

ПУТИ И СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА КАК ФАКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Майкова В. П.¹, Ильченко Д. А.²

¹Государственный университет просвещения

141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Московская обл., Российская Федерация

²Военно-научный комитет

(Штаб материально-технического обеспечения Вооружённых Сил Российской Федерации)

119160, г. Москва, пер. Большой Козловский, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Показать пути и способы формирования патриотизма как фактора государственной безопасности и обозначить его роль в создании духовного иммунитета общества на основе разработанной модели динамики развития патриотических настроений, основным компонентом которой являются положительные обратные связи. Раскрыть факторы, методы, стратегии развития патриотизма в современных условиях.

Процедуры и методы. Методологией выступает социально-философский анализ проблемы формирования патриотизма как фактора государственной безопасности, а также общенаучные методы теоретического познания, методы системного анализа, сравнения и обобщения роли духовных и нравственных ценностей по созданию духовного иммунитета страны. Важным методом исследования является математическое моделирование путей и способов развития патриотизма в условиях Специальной военной операции как охранного подвига нашей страны.

Результаты. Представлена модель формирования патриотизма как духовного иммунитета страны и фактора государственной безопасности на основе обратных положительных связей, смысл которых в доле общих составляющих в возрождении жизненных начал в человеке искренней перемены его внутреннего существования, усвоении исторически накопленной мудрости, осмыслении места Родины в мире, уменьшении влияния других государств. Траектория колебаний развития патриотизма со временем будет соотноситься с образом государственной власти, т. к. для многих людей государство отождествляется с властью. Её положительный пример будет способствовать консолидации российского народа. При всех противоречиях построения гражданского общества личный образ «возгорания» чувства любви к Родине – один из шагов к консолидации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сегодня миру грозит опасность уничтожения. Патриотизм нуждается в укреплении своей внутренней духовной силы, которая способна привести к диалогу, нахождению общего вектора развития большинства стран, что будет способствовать их консолидации. Диалог не будет лёгким. Как взаимодействие разных культур он может строиться лишь при наличии общего смыслового поля – сохранения Земли, развития своих стран, их благоденствия, а также желания учиться друг у друга, смотреть на себя со стороны и пр. Диалог как элемент духовной иммунной системы человечества – объективная необходимость динамики развития современного мира. Безопасность человечества зависит от устойчивости его духовного иммунитета, отражающего способность людей к сопротивлению влиянию зла, основанного на внутреннем нравственном законе расположенности к добру, подтверждённого личным духовным опытом, стремлением к преобразованию внутреннего мира.

Ключевые слова: духовный иммунитет, нравственность, государственная культура, этно-национальная культура, любовь, народная память, отечественная мудрость, ценности, государственная власть, общественное сознание, патриотизм, стратегическая определённости

WAYS AND MEANS OF FORMING PATRIOTISM AS A FACTOR OF STATE SECURITY

V. Maykova¹, D. Ilchenko²

¹*State University of Education*

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²*Military Scientific Committee (Headquarters of Logistics of the Armed Forces of the Russian Federation)*

per. Bolshoy Kozlovsky 26, Moscow 119160, Russian Federation

Abstract

Aim. To show the ways and means of forming patriotism as a factor of state security and identify its role in creating the spiritual immunity of society based on the developed model of the patriotic sentiments development dynamics, the main component of which is positive feedback. To reveal the factors, methods and strategies for the development of patriotism in modern conditions.

Methodology. The methodology is a socio-philosophical analysis of the problem of patriotism formation as a factor of state security, as well as general scientific methods of theoretical knowledge, methods of system analysis, comparison and generalization of the role of spiritual and moral values in creating the spiritual immunity of the country. An important research method is mathematical modeling of the ways and means of developing patriotism in the conditions of a special military operation as a protective feat of our country.

Results. A model of the formation of patriotism as a spiritual immunity of the country and a factor of state security is presented on the basis of positive feedback, the meaning of which is in the share of common components in the revival of vital principles in a person by a sincere change in his inner existence, assimilation of historically accumulated wisdom, understanding the place of the motherland in the world, reducing the influence of other states. The trajectory of fluctuations in the development of patriotism over time will be correlated with the image of state power, since for many people the state is identified with power. Its positive example will contribute to the consolidation of the Russian people. With all the contradictions of building a civil society, a personal image of the "ignition" of a feeling of love for the Motherland is one of the steps towards consolidation.

Research implications. Today the world is in danger of destruction. Patriotism needs to strengthen its internal spiritual strength, which can lead to dialogue, finding a common vector for the development of most countries, which will contribute to their consolidation. The dialogue will not be easy. As an interaction of different cultures, it can be built only if there is a common semantic field - the preservation of the Earth, the development of their countries, their well-being, as well as the desire to learn from each other, look at themselves from the outside, etc. Dialogue as an element of the spiritual immune system of mankind is an objective necessity for the modern world development dynamics. The safety of mankind depends on the stability of its spiritual immunity, which reflects the ability of people to resist the influence of the evil, based on the internal moral law of disposition towards the good, confirmed by personal spiritual experience, the desire to transform the inner world.

Keywords: spiritual immunity, morality, state culture, ethno-national culture, love, folk memory, national wisdom, values, state power, public consciousness, patriotism, strategic certainty

Введение

Современная геополитическая ситуация, связанная со Специальной военной операцией на Украине, стала переломным моментом в стране и мире. «От того, кто победит в этой войне, и будет зависеть будущее Россия в огненном

кольце», – предупреждает А. Г. Дугин. «Коллективный Запад бьётся за своё планетарное господство, а Россия только за жизнь, за право быть тем, кто мы есть», – считает философ¹. Происходит переосмыс-

¹ Дугин А. Украина: моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015. С. 123.

ление ценностно-смысловой доминанты российского общества, острее становится тема патриотизма. Социальные философы интерпретируют этот феномен через моральную аргументацию и дают следующие определения: «умеренный патриотизм», «договорной патриотизм», «республиканский патриотизм», «конституционный патриотизм» [6]. Некоторые учёные пишут, что в стране отечественный патриотизм не созрел в рамках гражданского общества, а является ценностью, транслируемой государством, сопричастность к судьбе Родины понимается за счёт военных успехов в прошлом. Для отдельных исследователей надобности в патриотизме нет, в своей критике они доходят до противоречий, утверждения отрицательного влияния патриотизма на развитие народа и страны в целом. Однако как бы ни понимался этот феномен, его история уходит в глубь веков. Ещё древнегреческий философ Платон в V в. до н. э. писал: «И на войне, и на суде, и повсюду надо исполнять то, что велит Государство и Отечество» [7, с. 231].

История вопроса

Понятие «патриотизм» пришло в русский язык из греческого языка (πατριώτης – соотечественник, πατρίς – отечество) и понимается как любовь к Отечеству, любовь к Родине. А. В. Павлов в статье «Патриотизм. Очень краткая история идеи» замечает, что меняется лишь его объект в зависимости от социального окружения человека и степени развития социума: от семейного до государственного [5]. Следовательно, патриотизм трактует Родину, Отечества не как абстрактное понятие, а как свою семью, свой народ, который живёт на установленной ограниченной территории с определённым социальным устройством, культурой. Здесь необходимо различать культуру этническую и культуру государственную: первая обусловлена национально-этническими особенностями, вторая – границами страны. Государственные ценности, язык, культура, его история и этнические или

национальные, передающиеся из рода в род особенности не разделяются, а воспринимаются синкретично как собственно народные и личностные, как исходящие из самой сути человеческой природы, бережно хранимые, с заботой передающиеся из поколения в поколение. В этом симбиозе культур каждый человек близкий, потому что сопричастен судьбе Родины, а значит, семьи. История Отечества воспринимается как личная биография.

Патриотизм как духовный иммунитет

В. Г. Галактионов отмечает, что способом защиты организма от всех антигенно чужеродных веществ, фактором стабильности эволюции является иммунитет, обеспечивающий генетическую целостность индивидов в течение всей их жизни. В этом явлен биологический смысл сохранения биосферы планеты Земля во всём её разнообразии¹. Духовным аспектом иммунитета становится поддерживающая духовную индивидуальность человеческая способность к самосовершенствованию, распознаванию и удалению из социальных структур чужеродных явлений и ценностей, которые угрожают личности и обществу в целом. Так создаётся духовный иммунитет человека как защитная функция, как внутренняя его сила в неосознанном стремлении к служению близким людям, а значит, отчизне. Это и есть патриотизм. Русские философы А. С. Хомяков, В. С. Соловьёв, С. Н. Булгаков и др. показывают, как через любовь к Родине мужает чувство душевной свободы, уверенности, смысл жизни; рождается новый человек – целостный духовно, на личном опыте познающий высоту нравственных ценностей, иногда проверенных собственной кровью. Сохранение Родины выступает основной идеей эволюции внутреннего смысла экзистенции как мистической консолидирующей силы.

¹ Галактионов В. Г. Эволюционная иммунология: учебное пособие. М.: Академкнига, 2005. С. 241.

Раскрывая особенности формирования патриотизма в качестве духовного иммунитета страны можно выделить два уровня его проявления. Первый – микроуровень, где создаётся целостная личность как предельная единица микроцелостности, характеризующаяся чувством самосохранения, пониманием смысла своей жизни и его преобразованием. На втором уровне проявления духовного иммунитета – макроуровне – конечной единицей является человечество как макроцелостность, объединённая самосознанием и пониманием ответственности за жизнь, её защиту в масштабе планеты Земля. Каждая страна может представлять собой и микроуровень (в мировом масштабе), и макроуровень (в рамках государственных границ). В этом заключается поэтапное формирование духовной иммунной системы как организации социальных структур и социальных процессов, обеспечивающих охрану мира в целях его сохранения, упрочения, развития. Для правильной её работы необходимо, чтобы она умела распознавать широкий спектр разрушительных для личности и общества явлений и ценностей и отличать их от созидательных, способствующих укреплению и развитию народов, их суверенитету, упрочению взаимных отношений и сотрудничеству. В ходе исторической эволюции такая система появилась как адаптация к новым социальным и природным условиям. Один из важнейших механизмов такой адаптивной иммунной системы – историческая и народная память, благодаря которой общество развивает более сильный духовный иммунный ответ на вторжение чужеродных ценностей. Нарушения в работе духовной иммунной системы приводят к возникновению явлений, разрушающих личность, общество, страну и в итоге мир как планету и как социальное устройство. Когда духовная иммунная система функционирует слабо, наблюдаются неустойчивые состояния, из-за которых общество становится более уязвимо перед вредоносными силами.

Характерными признаками духовной иммунной системы являются способность отличать «свое» от «чужого», «до-

брое» от «злого», формирование памяти после первых контактов с чужеродными антииммунными проявлениями в виде информации, знания, процессов, событий и др. Простейшим защитным механизмом, нацеленными на распознавание и обезвреживание вредоносных социальных процессов, может быть обращение к отечественной философии, истории, традиционным для страны ценностям, ментальным картам собственного народа.

Учитывая развитие психологических факторов, влияющих на духовный иммунитет, необходимо решить вопрос, в результате чего может формироваться или угасать чувство патриотизма, развиваясь до «окаменённого безразличия». Русские и западные философы, богословы видят корень этого зла в моральной распущенности, падении нравственности, которое и рождает бесчувствие, разжигаясь до ненависти к своему народу, стране, миру, выдавая злое за доброе и наоборот. Как подчёркивает популярный богослов, профессор А. И. Осипов, способность ощущать – это жизненно важное состояние живого существа, и как в телесном бесчувствии проявляется болезнь, так и в духовном теряется самое бытийственное – чувство любви. Известный философ, психолог К. Юнг в статье «Психология подсознательного» писал, что сознание не может долго мириться с моральной распущенностью, и «тогда в человеке возникают самые низменные, самые подлые состояния, то отвратительное, которое уродует человека и приводит к психическим повреждениям» [12, с. 147].

Следовательно, одна из причин, приводящих к убийству патриотизма, заключается в моральном аспекте, влияющем на духовную сферу человека. Следовательно, надо различать понятия нравственности и духовности. По выражению А. И. Осипова, нравственность оценивается по характеру внешнего поведения человека, его отношения к другим людям, семье, природе, к внешнему миру, т. е. проявляется в его поступках и языке [4, с. 396–401]. Нравственность хорошо была развита в Советском Союзе. Однако

её оказалось недостаточно для сохранения страны. Патриотизм, стоящий лишь на одном столпе нравственности, весьма неустойчив. «Нравственность, предоставленная самой себе или науке, может извернуться до последней погони – до реабилитации плоти и сожжения младенца»¹, – подчёркивал Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя».

Духовность и патриотизм

Другим столпом патриотизма является духовность как внутреннее состояние, невидимое на внешнем уровне. Следует различать духовность положительную и отрицательную. Первая – высокая степень духовного развития, ориентированная на служение и любовь к людям и основанная на внутреннем убеждении, перефразируя Платона: «и на войне, и на суде, и повсюду надо исполнять то, что велит... Сердце во имя Отечества». Вторая заражена злобой, ненавистью к человеку, до поры скрытая, но явленная символами поклонения – носителями и инструментом злой акции насилия, жестокости, например, у неонацистов. Так различаются праведный гнев любви и жестокость безнаказанности. Показателен сюжет из «Трёх разговоров» В. С. Соловьёва: «При убийстве зло состоит не в физическом факте лишения жизни, а в нравственной причине этого факта – в злой воле убивающего» [10, с. 652]. Вынужденный поступок убийства ради защиты своего народа, часто ценой жизни, является праведным, и тогда совершается подвиг. Следовательно, должен быть выработан критерий правильного и неправильного, хорошего и плохого. В. В. Маяковский на заре социализма, когда предыдущие ценности рушились, а новые не сложились, задаётся вопросом: «Что такое хорошо, а что такое плохо?». Такая аксиологическая неопределённость приводит к неустойчивости и характерна для обществ, в которых не установлены на

самом высоком уровне приоритеты государственного развития, не сформирован идеал совершенства, когда попорно само понятие любви, являющейся основным законом существования человека, государства, мира. Психолог В. А. Снегирев считал, что воздействие любви является законом самосохранения, и любовь играет роль связующей силы [8, с. 543]. В. С. Соловьёв в работе «Смысл любви» выделял два начала любви – природное и идеальное как психологическую любовь и как любовь онтологическую [9]. Для П. А. Флоренского онтологическая, или бытийственная любовь исходит из самой сути человеческой природы и регламентирует любить всех, как самого себя, не причиняя никому огорчений, неприятностей, нести добро [11, с. 576]. По словам святых, это агапическая любовь, присущая человеку от природы. Она распространяется на небольшой круг людей, семью, свой народ, способствует его сохранению, предполагает заботу, защиту. Упрочение патриотизма как духовного иммунитета страны, по мысли И. В. Киреевского, возможно лишь «воспитанием общества общими (соборными), а не индивидуальными интеллектуальными усилиями»². Суть этого воспитания – стремление к сосредоточенной цельности духа, укрепление России на основе духовно-нравственных принципов.

Пути и способы формирования патриотизма

Формирование патриотизма как фактора государственной безопасности должно стать первостепенной задачей в стране наравне с укреплением оборонной промышленности, вооружённых сил. Для успешного решения этой задачи необходимо учитывать зигзагообразность траектории динамики развития патриотизма в современной России. Это связано с резким переходом от модели «открытого общества

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя / ред.-сост. С. В. Супрунова. Калининград: Янтарный сказ, 2005. С. 77.

² Киреевский И. В. Из писем И. В. Киреевского к В. А. Жуковскому / сообщ. П. В. Жуковским // Русский архив, 1870. 2-е изд. М., 1871. С. 959–965.

потребления» к созданию патриотических просветительских миссионерских социальных систем в условиях Специальной военной операции как охранного подвига нашей страны и продолжающегося давления на сознание россиян со стороны враждебных сил. Без учёта данного контекста решение представленной проблемы невозможно. При создании путей и способов формирования патриотизма в стране необходима консолидация философов и программистов, политологов и математиков – специалистов разных областей знания [1]. Важными в рамках изучаемой темы являются структурно-системное рассмотрение социальных процессов А. А. Самарского, А. П. Михайлова, математическая модель К. Шеннона, кибернетическая модель массовой коммуникации Н. Винера, исследования обратной связи С. Бира. Учёные подвергали анализу действие социальной информации в условиях управления ею и пришли к выводу, что обратной связи, представляющей собой двусторонний информационный обмен, свойственно изменение как входной, так и выходной информации. Обратная связь может существовать как положительная и отрицательная. Исследователи пишут, что «положительная обратная связь увеличивает уровень сигнала в конце, на самом выходе и, следовательно, в начале, на самом входе; обратная отрицательная связь при увеличении сигнала на выходе уменьшает сигнал на входе, и стабилизирует состояние системы» [3, с. 42–52].

Эти достижения учёных в области моделирования социальных процессов обеспечивают возможность создания моделей формирования патриотизма как фактора государственной безопасности, выступающего в качестве духовного иммунитета страны. В такой интерпретации пути и способы формирования патриотических настроений соотносятся с необходимостью создания целостного общественного сознания и основываются на духовном согласовании и единении индивидуальных и коллективных сознаний в нескольких закономерностях.

Определим государственные, негосударственные и внешние общественные структуры как основные социальные элементы, влияющие на «возгорение» и «угасание» любви к Отечеству. Каждая группа через разные социальные механизмы – образование, СМИ, власть, фонды и пр. – создаёт свои приоритеты в сознании людей. Их сумма определяет тренд страны или общества, который оказывает влияние на другие социальные общности, численность которых динамично изменчива и повторяется во времени [2].

В случае сильного влияния внешних сил и слабого сопротивления внутренних патриотизм как фактор государственной безопасности и духовный иммунитет страны ослабляется, т. к. определяется иными странами. Интервенция США изменила понимание патриотизма на Украине, и патриотические силы страны обернулись против собственного народа, личного благополучия. К примеру, обстрелы своих территорий, уничтожение украинского народа, поджог Дома профсоюзов в Одессе и прочие злодеяния, спонсированные другими государствами. Вмешательство внешних сил изменило социальное устройство и социальное настроение в Молдавии, Ираке, Ливии и некоторых других государствах: от развития с традиционными для народа ценностями к анархии, гражданскому кризису, вплоть до вооружённого противостояния внутри страны. Духовный иммунитет граждан был ослаблен или разрушен. Под угрозой оказалась государственная безопасность.

Если в формирование патриотизма как фактора государственной безопасности и духовного иммунитета в качестве консолидирующей силы включается государственная власть, а влияние других социальных структур незначительно, то устойчивость патриотических настроений народа зависит от самой власти на всех уровнях и от тех, кто влияет на власть, от их согласованности с транслируемыми ими ценностями. В случае рассогласования создаётся опасная неустойчивость, результатом которой могут быть революция и гражданская вой-

на. В 90-е гг. в России происходил заметный спад патриотизма. Многие россияне стали покидать страну. Начали образовываться политические течения с целью разрушить целостность России и создать на её территории многочисленные самостоятельные государства.

В том случае, когда патриотизм создаётся негосударственными структурами, векторы развития которых разнонаправлены, патриотические настроения могут носить случайный характер. В этом случае возможны два варианта: укрепление некоторых сообществ с дальнейшим распадом страны или анархия. Развал Советского Союза, Грузии, Молдавии свидетельствуют о таком патриотизме. Дальнейшее усиление одной из социальных подсистем и подавление влияния других за счёт обратной связи может привести к диктатуре с созданием новых властных структур и дальнейшему гражданскому сплочению против государственной власти. Резкое увеличение отрицательного резонанса приведёт к турбулентности и возможным сценариям – революции и гражданской войне.

Таким образом, для формирования патриотизма как фактора государственной безопасности и духовного иммунитета страны необходимо включать в социальную структуру положительную обратную связь, которая определяется долей общих составляющих в укреплении государственной власти и уменьшении влияния других государств. Так создаётся целостное общественное сознание, ориентированное на упрочение своей страны, взаимодействующей с другими государствами на собственное благо.

Иммунитет против зла есть у каждого человека. Он хорошо развит и продолжает вырабатываться по мере упрочения его веры в государство, в правильно выбранный страной путь развития через духовно-нравственные ценности, по мере возрождения жизненных начал в человеке искренней переменой его внутреннего существования, усвоения исторически накопленной мудрости, осмысления ме-

ста Родины в мире. При всём многообразии разногласий общими являются семейные ценности, государственная целостность, существование и процветание России, сохранение планеты Земля. Траектория колебаний развития патриотизма со временем будет соотноситься с образом государственной власти, т. к. для многих людей государство отождествляется с властью. Её положительный пример будет способствовать консолидации российского народа. При всех противоречиях построения гражданского общества личный образ «возгорания» чувства любви к Родине – один из шагов к консолидации.

Заключение

Сегодня миру грозит опасность уничтожения. Патриотизм нуждается в укреплении своей внутренней духовной силы, которая способна привести к диалогу, нахождению общего вектора развития большинства стран, что будет способствовать их консолидации. Диалог не будет лёгким. Как взаимодействие разных культур он может строиться лишь при наличии общего смыслового поля – сохранения Земли, развития своих стран, их благоденствия, а также желания учиться друг у друга, смотреть на себя со стороны и пр. Диалог как элемент духовной иммунной системы человечества – объективная необходимость динамики развития современного мира. Безопасность человечества зависит от устойчивости его духовного иммунитета, отражающего способность людей к сопротивлению влиянию зла, основанного на внутреннем нравственном законе расположенности к добру, подтверждённого личным духовным опытом, стремлением к преобразованию внутреннего мира.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарева Я. В., Дмитриева Т. В. Образование в цифровом обществе // Педагогическое образование и наука. 2022. № 3. С. 30–34.
2. Горбунов А. С. Аспекты социализации личности в информационном массовом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 1. С. 60–68.
3. Майкова В. П., Молчан Э. М. Предначала философии виртуальной реальности. М.: Спутник +, 2020. 65 с.
4. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. 6-е изд., испр. М.: Сретенский монастырь, 2010. 496 с.
5. Павлов А. В. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 175–191.
6. Павлов А. В. Патриотизм: социально-философский подход // Философия и современность. 2018. № 2. С. 83–94.
7. Платон. Политика или государство / пер. В. Н. Карпова. М.: АСТ, 2017. 445 с.
8. Снегирев В. А. Психология. СПб.: Общество памяти игумена Таисии, 2008. 768 с.
9. Соловьёв В. С. Смысл любви // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 493–547.
10. Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–762.
11. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Лепта, 2002. 812 с.
12. Юнг К. Г. О психологии бессознательного / пер. А. А. Чечиной. М.: АСТ, 2022. 224 с.

REFERENCES

1. Bondareva Ya. V., Dmitrieva T. V. [Education in a Digital Society]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2022, no. 3, pp. 30–34.
2. Gorbunov A. S. [Aspects of Personal Socialization in Mass Communication Society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences], 2019, no. 1, pp. 60–68.
3. Maikova V. P., Molchan E. M. *Prednachala filosofii virtual'noj real'nosti* [The Beginnings of the Philosophy of Virtual Reality]. Moscow, Sputnik + Publ., 2020. 65 p.
4. Osipov A. I. *Put' razuma v poiskah istiny* [The Path of Reason in Search of Truth]. Moscow, Sretensky monastery' Publ., 2010. 496 p.
5. Pavlov A. V. [A Very Brief History of an Idea]. In: *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical Anthropology], 2018, vol. 4, no. 1, pp. 175–191.
6. Pavlov A. V. [Patriotism: A Social and Philosophical Approach]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2018, no. 2, pp. 83–94.
7. Plato. *Res publica* (Karpov V. N., transl. *Politika ili gosudarstvo*. Moscow, AST Publ., 2017. 445 p.).
8. Snegirev V. A. *Psihologiya* [Psychology]. St. Petersburg, Obshchestvo pamyati igumeni Taisii Publ., 2008. 768 p.
9. Solovyov V. S. [The Meaning of Love]. In: Solovyov V. S. *Sochineniya. T. 2* [Essays. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 493–547.
10. Solovyov V. S. [Three Conversations about War, Progress and the End of World History, with the Inclusion of a Short Story about the Antichrist]. In: Solovyov V. S. *Sochineniya. T. 2* [Essays. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, pp. 635–762.
11. Florensky P. A. *Stolp i utverzhdienie istiny. Opyt pravoslavnoj teodicei v dvenadcati pis'mah* [Pillar and Statement of Truth. Experience of Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, Lepta Publ., 2002. 812 p.
12. Jung C. G. *Wandlungen und Symbole der Libido* (Rus. ed.: Chechina A. A., transl. *O psihologii bessoznatel'nogo*. Moscow, AST Publ., 2022. 224 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майкова Валентина Петровна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: valmaykova@mail.ru

Ильченко Дмитрий Александрович – главный эксперт Военно-научного комитета (Штаба материально-технического обеспечения Вооружённых Сил Российской Федерации);
e-mail: ida052015@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: valmaykova@mail.ru

Dmitry A. Ilchenko – Chief Expert, Military Scientific Committee (Headquarters of the Logistics Support of the Armed Forces of the Russian Federation);
e-mail: ida052015@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Майкова В. П., Ильченко Д. А. Пути и способы формирования патриотизма как фактора государственной безопасности // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 93–101.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-93-101

FOR CITATION

Maykova V. P., Ilchenko D. A. Ways and Means of Forming Patriotism as a Factor of State Security. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 93–101.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-93-101

УДК 1:3+944

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-102-111

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЕДИНСТВО ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СИМВОЛИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

Мальченков С. А.*Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва**430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На основе анализа ценностей и принципов семиосферы советской эпохи выявить цивилизационные основы политического единства государств постсоветского пространства.

Процедура и методы. Исследование базируется на принципах цивилизационного подхода. В работе были применены метод семиотического анализа, а также системный, диалектический и историко-хронологический методы, которые в совокупности позволили определить важнейшие ценностные характеристики символического поля современного постсоветского пространства.

Результаты. Показана роль культурно-цивилизационных компонентов в развитии сотрудничества России с государствами СНГ в XXI в. Выявлены и проанализированы элементы государственной символики стран постсоветского пространства, которые имеют преемственность с символикой СССР. Определены основные факторы, которые способствуют сохранению популярности советского символического ряда: ассоциация с достижениями прошлого (в первую очередь с Победой в Великой Отечественной войне), ностальгия по прежним временам, а также востребованность таких идей, как сильное государство, социальное равенство, уверенность в завтрашнем дне, дружба народов.

Теоретическая и/или практическая значимость. По итогам исследования сделан вывод о том, что советские символы со временем подверглись существенной деидеологизации, вследствие чего в настоящее время зачастую воспринимаются вне коммунистического контекста как одно из проявлений уникальной цивилизации – Русского мира. Символы СССР сохраняют популярность в государствах постсоветского пространства и с практической точки зрения могут рассматриваться как один из механизмов политического и социально-культурного взаимодействия России с соседними странами.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Россия, семиотика, символика, СНГ, СССР, цивилизация

CIVILIZATIONAL UNITY OF THE POST-SOVIET STATES: SYMBOLIC COMPONENTS

S. Malchenkov*N. P. Ogarev Mordovia State University**ul. Bolshevistskaya 68, Saransk 430005, the Republic of Mordovia, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the civilizational foundations of the political unity of post-Soviet states based on the analysis of the values and principles of the semiosphere of the Soviet era.

Methodology. The study is based on the principles of a civilizational approach. The work used the method of semiotic analysis, as well as systemic, dialectical and historical-chronological methods, which together made it possible to determine the most important value characteristics of the symbolic field of the contemporary post-Soviet states.

Results. The role of cultural and civilizational components in the development of Russia's cooperation with the CIS states in the 21st century is shown. The elements of the state symbols of the post-Soviet countries, which have continuity with the symbols of the USSR, are revealed and analyzed. The main factors that contribute to the preservation of the popularity of the Soviet symbolic series are identified: association with the achievements of the past (primarily with the victory in the Great Patriotic War), nostalgia for the old days, as well as the demand for such ideas as a strong state, social equality, confidence in the future, friendship of peoples.

Research implications. Based on the results of the study, it was concluded that Soviet symbols have undergone significant de-ideologization over time, as a result of which they are now often perceived outside the communist context as one of the manifestations of a unique civilization – the Russian World. Symbols of the USSR remain popular in the states of the post-Soviet space and, from a practical point of view, can be considered as one of the mechanisms of political and socio-cultural interaction between Russia and neighboring countries.

Keywords: post-Soviet states, Russia, semiotics, symbol, CIS, USSR, civilization

Введение

Современная система международных отношений характеризуется крайней степенью сложности и конфликтности. Наивысшим уровнем напряжённости в первой половине 2020-х гг. отличаются процессы на пространстве евразийского континента, где сошлись интересы всех ведущих мировых держав. При этом показательно, что даже в условиях беспрецедентного конфликта России с государствами Западной цивилизации не стала реальностью международная изоляция нашей страны. Не ослабили контакты с прежними партнёрами, среди которых особое место всегда принадлежало государствам СНГ: в настоящее время партнёрство с Беларусью, государствами Закавказья и Центральной Азии осуществляется через механизмы ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и других площадок взаимодействия.

Сохранение тесных связей России с её соседями по постсоветскому пространству нельзя объяснить только политическим и экономическим влиянием нашей страны. Представляется, что не меньшее значение имеет духовная близость людей, которых связывает общее прошлое. По прошествии более тридцати лет с момента распада СССР можно констатировать: единое культурно-цивилизационное пространство не разрушается. Смена поколений не мешает гражданам государств СНГ свободно общаться на основе общих

духовных ценностей, единого восприятия значимых событий прошлого, таких как Победа в Великой Отечественной войне.

Социологические опросы последних лет показывают позитивную оценку советской эпохи не только среди россиян¹, но и среди граждан постсоветских республик: Армении, Грузии, Казахстана, Молдовы и Украины². Столетний юбилей СССР, отмечавшийся в 2022 г., вновь актуализировал вопрос о восприятии наследия данного исторического периода. Наблюдается новый всплеск интереса к советскому периоду, в частности, к символике СССР, причём не только среди старших поколений, но и среди людей, родившихся после 1991 г.

Подобные процессы подтверждают сложившееся в отечественной науке представление об СССР не только как о государстве, но и как об особой «советской цивилизации», которая органично вписана в историю единой уникальной цивилизации, объединявшей народы Древней Руси, Московского государства, Российской империи, Советского Союза и нынешнего постсоветского пространства. Стоит отметить, что подобное восприятие в последние

¹ Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (дата обращения: 07.04.2023).

² Жалуют ли о распаде СССР в постсоветских странах спустя 25 лет – соцопрос // Евразия Эксперт: [сайт]. URL: <https://eurasia.expert/zhaleyut-li-o-raspade-sssr-spustya-25-let-sotsopros> (дата обращения: 10.04.2023).

годы встречается и у зарубежных исследователей: в работах таких авторов, как Р. Бур [19], М. Крамер [21], Дж. Пикетт [22].

Цивилизационная роль символики СССР на современном постсоветском пространстве

Распад СССР в 1991 г. нанёс колоссальный удар по стабильности и безопасности жизни людей, населяющих 15 советских республик, которые стали независимыми государствами. В 1990-е гг. многим специалистам казалось, что по прошествии некоторого времени принципы советской эпохи в новых странах, появившихся на карте, окажутся полностью забытыми и будут замещены ценностными ориентирами западного общества. Однако спустя три десятилетия со всё большей очевидностью подтверждается противоположная точка зрения: единение России с большинством государств СНГ не только не ослабло, но и укрепилось. Продолжает развиваться проект Союзного государства Белоруссии и России, существенно продвинулось экономическое сотрудничество в формате ЕАЭС, востребован механизм взаимопомощи в рамках ОДКБ.

Проведённый анализ показывает, что в основе продолжающегося тесного взаимодействия стран постсоветского пространства в значительной степени лежит духовное, культурное, ценностное единство людей. Подобные характеристики позволяют предположить, что не только Западная Европа и США могут рассматриваться как единая Западная цивилизация вопреки тому, что её представители проживают в десятках независимых государств, говорят на разных языках и исповедуют различные религии. Аналогичным образом развивается и постсоветское пространство. Политическое устройство эволюционирует, но советская цивилизация не прекратила своего существования, а трансформировалось в новое современное воплощение. Люди, живущие в странах СНГ, продолжают использовать здания, сооружения, объекты инфраструктуры,

построенные в советский период, говорят на русском языке и разделяют общую культуру, гордятся достижениями прошлого: в первую очередь Победой в Великой Отечественной войне.

Краеугольную роль в развитии любой цивилизации всегда играет система символов и знаков. О. Шпенглер писал о мифо-символической культуре как об основе, формирующей цивилизацию на самой ранней её стадии [18, с. 264]. Американский социолог В. Каволис видит в цивилизации «символические формы, лежащие в основе как собственно “культурных систем”, так и “социальных структур”, варианты их выражения в различных сферах данной культуры в различные периоды, изменения во времени и пространстве, не снимающие преемственности и общности культуры» [20, р. 120].

Именно поэтому можно уверенно утверждать, что сохранение единства постсоветского пространства в XXI в. не в последнюю очередь связано с лояльностью символам прошлого. Регулярно проводимые социологические опросы показывают, что символика СССР (красный флаг, серп и молот, пятиконечная звезда, автомат Калашникова и др.) позитивно воспринимается в большинстве государств СНГ. Что касается запрета советской символики в ряде стран (Украина, Прибалтика), то здесь сложно не согласиться с позицией Е. Ю. Мелешкиной, которая на основе анализа мотивации подобных решений пришла к выводу об их однозначной конъюнктурности: «принятие соответствующих норм служило одним из инструментов политической борьбы и усиления влияния отдельных политических сил» [7, с. 42].

Разумеется, примеров сохранения на постсоветском пространстве базовых принципов советской системы символов гораздо больше. Самым ярким образцом воздействия наследия прежней эпохи на национальные символы современности является Республика Беларусь. В начале 1990-х гг. белорусские власти взяли за основу бело-красно-белый флаг и герб, имевший историческое название «Погоня».

Однако это решение вызвало недовольство значительной части населения страны: выбранный символический ряд не только подчёркивал влияние Польши, но и вызывал ассоциацию с периодом оккупации в годы Великой Отечественной войны.

Ключевым для развития национальной символики Белоруссии стал 1995 г., когда в ходе референдума флаг и герб страны были изменены. Такое решение может быть воспринято как своеобразный цивилизационный выбор, сделанный гражданами государства. Обновлённый флаг по многим параметрам похож на тот, который применялся в Белорусской ССР с 1951 по 1991 гг.: совпадают цветовая гамма и структура, хотя серп, молот и звезда в новой версии не присутствуют. Что касается белорусского герба, то его нынешняя версия также существенно совпадает с гербом БССР: повторяется обрамление по бокам золотыми колосьями, переплетёнными лентами в цветах флага, скопированы восходящее над земным шаром солнце и красная звезда наверху. В целом на данный момент Белоруссия остаётся лидером по плотности советской символики в семиотической структуре культурной жизни: в стране сохраняют и продолжают возводить объекты, поддерживающие историческую память – в первую очередь, мемориалы в местах сражений Великой Отечественной войны [15, с. 206].

Весьма заметно советское влияние на современные государственные символы стран Центральной Азии. Хотя гербы Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана содержат элементы, явно отсылающие к более ранним историческим эпохам, тем не менее, уважительное отношение к советскому прошлому на них также прослеживается. Круглую форму щита, изображение солнца в лучах, обрамление из колосьев пшеницы и веток хлопчатника с раскрытыми коробочками А. В. Туаева характеризует как «отголоски советской эпохи» [12, с. 588]. Прослеживается также явная преемственность в текстах гимнов государств данного региона [1, с. 175].

Уникальным феноменом является символика непризнанной Приднестровской

Молдавской Республики, которая представляет собой своеобразный «заповедник» советской эпохи в XXI в. Герб и флаг Приднестровья, за исключением небольших деталей, воспроизводят символику Молдавской ССР. Подобный выбор может быть воспринят как явное семантическое послание. Жители Приднестровья выступали против распада Советского Союза, а ныне противятся романизации Молдовы (проявляющейся в том числе и в выборе государственных символов, копирующих румынские образцы) и отстаивают идею интеграции с Россией.

Факторы, способствующие сохранению популярности советского символического ряда

Приведённые в предыдущем разделе примеры показывают, что символы СССР не исчезают из современного семиотического поля постсоветских государств. Каковы же причины сохранения культурно-политического влияния советской символики в настоящее время? В рамках данной работы мы выделим несколько обоснований этого явления.

Важнейшей причиной устойчивости символических элементов советской эпохи, несомненно, является то, что они ассоциируются с масштабными достижениями СССР. В данном наборе особое значение имеет Победа в Великой Отечественной войне. Это событие имело огромное значение для дальнейшего развития нашей страны: позволило уничтожить нацистские и фашистские силы, укрепило международное положение СССР и сплотило народ вокруг общей идеи памяти и гордости.

Исследование символического ряда Великой Победы активно продолжается и в постсоветский период [8]. В последние годы в трудах авторов, пишущих по данной теме, намечилось несколько новых тенденций. Во-первых, всё большее значение приобретают работы, направленные на борьбу с фальсификацией исторической правды, умалением роли нашей страны в победе над фашизмом. Во-вторых, отмечается, что

советская символика в контексте Великой Отечественной войны утрачивает своё изначальное политико-идеологическое содержание: так, флаг СССР у наших современников уже прочно воспринимается именно как Знамя Победы. В-третьих, отдельного внимания исследователей заслуживают проекты, возникшие уже в XXI в., однако основанные на символических концептах советской эпохи: «Георгиевская лента», «Бессмертный полк» и т. д.

Второе место в большинстве социологических опросов на тему предметов гордости россиян занимают достижения СССР в покорении космического пространства. Запуск искусственного спутника Земли, полёт Ю. Гагарина, выход в открытый космос А. Леонова сформировали героический ореол советской эпохи [9]. Эти успехи нашей страны стали мощным и неопровержимым доказательством успешности её научного и технологического развития, создали высокое международное реноме ведущей космической державы.

Ещё одна весомая часть «победной символики» СССР связана с изображением масштабных строек эпохи, изменивших облик некогда аграрной страны. Первые из подобных проектов относятся ещё к эпохе индустриализации (ДнепроГЭС, Московское метро, города Магнитогорск, Норильск, Комсомольск-на-Амуре). Другие пришлось уже на послевоенные годы – освоение целины, запуск первой в мире АЭС в Обнинске, строительство Байкало-Амурской магистрали.

В мирные годы второй половины XX в. «пантеон» героев советского народа, ранее представленный в основном революционерами, полководцами, учёными-испытателями, пополнился представителями различных видов спорта. В. Бобров, Л. Яшин, В. Харламов, И. Роднина и другие превратились в живые символы СССР на международной арене, воплощая победные традиции и идею здорового образа жизни [2]. Своеобразным символическим средоточием спортивной темы стала Летняя Олимпиада 1980 г. в Москве.

Среди прочих составляющих позитивного восприятия советского проекта в XXI в. (в том числе и среди молодёжи, не заставшей времена СССР) можно выделить образ государства, характеризующийся его значительной ролью в жизни общества. Такая оценка идёт вразрез с либерально-индивидуалистическим толкованием «нулевого государства», распространённым на Западе, однако перекликается с патерналистскими принципами Российской империи и воззрениями многих отечественных мыслителей. Утрата прежних социальных гарантий, резкое расслоение общества, неведомые в рамках командной экономики инфляция и безработица существенно поколебали постсоветский образ и заставили многих желать возвращения к прежним властным концептам.

Примиришь диаметрально противоположные идеи консерватизма (сильная власть) и социализма (имущественное равенство) был призван важнейший для советского периода принцип социальной справедливости [3]. При всём несовершенстве его реализации на практике он заставляет вновь и вновь возвращаться к этой идее как в нашей стране, так и далеко за её пределами. В настоящее время идея социального равенства позволяет Российской Федерации находить единомышленников не только на постсоветском пространстве, но и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки.

В качестве ещё одного важнейшего компонента образа советского государства можно выделить принцип социальной стабильности, который приобрёл классические очертания в виде формулы «уверенность в завтрашнем дне» [16]. Это понятие рассматривается не только в экономическом (трудоустройство по специальности, гарантированное рабочее место), но и в социально-психологическом контексте (отсутствие кризисов и социальных потрясений, предсказуемая внутренняя и внешняя политика). Именно эти гарантии часто воспринимаются как наиболее привлекательные элементы образа советского государства.

Одним из ключевых принципов советского общества и одновременно одним из

важнейших инструментов этнонациональной политики советского государства было понятие «дружбы народов». До настоящего времени именно межэтническое согласие внутри СССР рассматривается как одна из причин советских успехов и достижений, в том числе и как залог Победы в Великой Отечественной войне.

С. В. Лурье, обращаясь к анализу факторов построения «дружбы народов», характеризует её не только как пример спонтанной межэтнической самоорганизации, но и как масштабный национальный проект, в котором были задействованы почти все социальные институты советского общества [6, с. 155]. В качестве механизмов «самоорганизации» дружбы народов авторы выделяют характерные для СССР межнациональные браки, а среди инструментов целенаправленного формирования – проведение концертов и фестивалей, а также иные проявления культуры, в том числе декоративно-прикладное искусство.

Следует подчеркнуть, что категория «дружба народов» имела в Советском Союзе не только внутrigосударственное, но и международное измерение. В первую очередь, предполагалось выстраивать дружественные связи с представителями государств социалистического лагеря. Символом усилий, предпринятых в данном направлении, стало проведение в 1957 г. в Москве VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов. В качестве других инструментов налаживания горизонтальных международных связей выступали проекты развития туризма («маршруты дружбы» [10]), общества дружбы народов, а также механизмы образовательной политики СССР.

Деидеологизация и ностальгизация символики СССР в XXI в.

Важной составляющей популярности советского наследия является ностальгический фактор. Определяющим параметром успешности любой системы знаков и символов является её способность оказывать воздействие на людей, добиваться необходимой эмоциональной реакции. В

этом плане символы советской эпохи оказались весьма результативными, обеспечивая мощное влияние на мировоззрение жителей государств постсоветского пространства даже спустя три десятилетия после распада СССР. Это явление в значительной степени выражено в феномене ностальгии по Советскому Союзу.

В позитивных воспоминаниях о советской эпохе патриотические коннотации сливаются с имманентно присущим отечественному обществу представлением о социальной справедливости, приоритете духовных, а не материальных ценностей. По словам британского историка Э. Хобсбаума, «ностальгия россиян по СССР – это ностальгия по стране, в которой деньги и прибыль не были главным» [14, с. 31]. Неудивительно, что ностальгическим воспоминаниям в наибольшей степени подвержены небогатые люди, жители сельской местности, а наиболее яркими образами прошлого выступают такие элементарные проявления быта, как, например, советские новогодние открытки [4].

В этом контексте достаточно неожиданными являются огромный интерес и своеобразная «фантомная ностальгия» по СССР со стороны молодёжи XXI в., родившейся уже после 1991 г. В какой-то степени этот эффект можно сравнить с феноменом «эмигрантов второго поколения», суть которого заключается в том, что дети уехавших из родной страны гораздо больше заинтересованы в «возвращении», чем их родители. В настоящее время советские образы и символы лежат в основе многих интернет-мемов, а также являются источником значительного числа разнообразных дискуссий в социальных сетях. Огромную популярность именно в молодёжной среде получил YouTube-проект «Внутри Лапенко», визуальный ряд которого построен на ностальгии по советскому прошлому [13].

Неудивительно, что коммерческие компании активно эксплуатируют ностальгические настроения граждан. Во многих городах есть кафе, обстановка которых вдохновлена советской тематикой.

Регулярно проводятся разнообразные праздники, концерты, тематические вечеринки и викторины, посвящённые периоду СССР. Образцы советского плакатного стиля, узнаваемые элементы быта, а также персонажи кино и мультфильмов активным образом используются в рекламной индустрии, вызывая у потребителей позитивное восприятие и доверие к брендам [17]. Семиотическое поле СССР настолько велико и разнообразно, что до сих пор находит отражение даже в такой неосязаемой сфере, как марки популярных духов [5]. Фактически любое использование советской тематики позволяет автоматически привлечь дополнительных клиентов и покупателей.

Важнейшей особенностью символов советской эпохи являются их постепенная деидеологизация и включение в число компонентов единой цивилизации. По прошествии времени советская семиосфера всё меньше распадается на составные элементы и хронологические этапы, выступая в качестве мощной монолитной мифо-символической конструкции.

Этому в значительной степени способствовала вдумчивая работа советского руководства по «исправлению имён» и исключению из системы символов СССР тех компонентов, которые вызывали у населения негативные коннотации. Так, в период зрелости советского государства из властного и общественного дискурса почти исчезли упоминания о «врагах народа», ГУЛАГе и НКВД: они в сознании новых поколений советских граждан были вытеснены «заботой партии», внимательной и порядочной милицией, «самым гуманным в мире» советским судом. Неоднозначная фигура И. В. Сталина уступила место «вечному символу» в лице «доброго дедушки Ленина». На смену идеям мировой революции и единения пролетариата всех стран пришли принципы патриотизма и построения социализма в отдельно взятой стране. Беспощадная борьба двух идеологических систем была сглажена с помощью принципов «мирного сосуществования» и «разрядки». Победа «красных» в брато-

убийственной Гражданской войне постепенно померкла на фоне общенародной Великой Победы 1945 г. Все эти изменения в значительной степени позволили скорректировать образ советского проекта, приблизить его символические элементы к ожиданиям населения.

В. В. Титов в связи с этим отмечает, что в XXI в. происходит «декоммунизация советских символов, благодаря которой СССР начинает восприниматься как одна из исторических форм Российской империи», а события советского периода звучат в рамках мемориального «нарратива победителей» [11, с. 85]. Такое понимание способствует универсальному восприятию символического ряда советской эпохи, и, как следствие, безусловному одобрению её наследия со стороны носителей не только левых, но и правых и центристских политических взглядов. Тем самым постепенно исчезает идейное противоречие между Российской империей и Страной Советов как составными элементами истории становления единой цивилизации, объединяющей под знаменем Русского мира народы, живущие на пространствах Евразии.

Несомненно, все приведённые выше содержательные смыслы советской символики сохраняют свою актуальность не только для россиян, но и для граждан других государств СНГ.

Заключение

Подводя общие итоги, отметим, что неслабевающая популярность советских символов в государствах СНГ объясняется следующими ключевыми причинами.

1. Разработанная в Советском Союзе система официальных и неофициальных символов характеризуется значительной плотностью семантического содержания. Она смогла воплотить в сознании людей представления о равенстве и справедливости, стабильности и уверенности в завтрашнем дне, мощи и международном влиянии государства, дружбе народов планеты.

2. Элементы советской символики продолжают использоваться и в XXI в. как в

нашей стране, так и за рубежом. Наиболее активно это применение прослеживается в сферах рекламы, маркетинга, брендинга, хотя отдельные элементы присутствуют и на официальном уровне. Популярность символов СССР в настоящее время объясняется высоким уровнем узнаваемости, а также существенными показателями доверия.

3. К настоящему времени советские символы подверглись существенной деидеологизации, утратив в значительной степени ассоциацию с учением Маркса и коммунистической системой ценностей. Семиосфера СССР воспринимается в духе «нарратива победителей» как часть единого культурно-символического пространства России, как важнейший элемент уникальной российской цивилизации.

Таким образом, система советских знаков и символов прошла длительный путь

становления. Она характеризуется как огромным разнообразием внешних проявлений, так и насыщенностью смыслового значения. Все символические элементы эпохи разрабатывались целенаправленно в рамках единой системы, не только воздействующей на сознание советских граждан, но и ориентированной на создание позитивного образа СССР за рубежом.

Проработанность и продуманность советской символики – главная причина того, что она и в XXI в. сохраняет статус мощнейшего культурного фактора, скрепляющего общее прошлое и настоящее государств, входящих в состав СНГ, а также остаётся одним из проявлений цивилизационной уникальности постсоветского пространства.

Статья поступила в редакцию 22.04.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дерендяева А. Д. Ключевые концепты государственных гимнов на постсоветском пространстве: историческая преемственность или новая идентичность? // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 2. С. 170–180.
2. Дюфрес С. Спортивные знаменитости: возникновение и развитие феномена в СССР // Социология власти. 2018. Т. 30. № 2. С. 83–100.
3. Епихина Ю. Б. Основные векторы интерпретации понятия «социальная справедливость» в советском обществоведении // Социальная справедливость в русской общественной мысли / отв. ред. Ю. Б. Епихина. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 168–176.
4. Кибалко О. В. Семиотический анализ новогодней открытки эпохи СССР // Современный дискурс-анализ. 2021. № 1 (27). С. 15–33.
5. Киуру К. В. Вербальные, визуальные и ольфакторные идентификаторы марок советских духов как символы эпохи // Горизонты цивилизации. 2020. № 1 (11). С. 171–182.
6. Лурье С. В. Дружба народов в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 145–156.
7. Мелешкина Е. Ю. Запрещение коммунистической символики в посткоммунистических странах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4 (40). С. 36–45.
8. Мюнш Ф. «Алёша»: памятники советскому солдату на посткоммунистическом пространстве // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 60–68.
9. Платицына А. И., Мухина Н. Е. Гордость СССР: освоение космоса // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. № 4 (17). С. 66–71.
10. Попов А. Д. «Маршруты дружбы»: организация международного туризма в странах социалистического лагеря в 1950–1980-х годах // Научный диалог. 2021. № 6. С. 408–425.
11. Титов В. В. Роль советской символики в формировании национально-государственной идентичности россиян // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27. № 3. С. 82–86.
12. Туева А. В. Российское / советское влияние на формирование современных государственных символов стран Центральной Азии // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции, посвящённой 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского, Санкт-Петербург, 26 марта 2021 г. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 585–591.

13. Филатова М. В. Очень хочется в Советский Союз: ностальгия по СССР через призму сериала «Внутри Лапенко». «Эффект Лапенко» // E-Scio. 2021. № 1 (52). С. 59–67.
14. Хобсбаум Э. Ностальгия россиян по СССР – это ностальгия по стране, в которой деньги и прибыль не были главным... // Свободная мысль. 2011. № 11 (1629). С. 31–36.
15. Чалая Е. А., Бочкарева А. С. Символы Великой Отечественной войны в Республике Беларусь // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2015. № 7. С. 205–213.
16. Чурадаева А. В. Уверенность в завтрашнем дне как фактор и индикатор социальной стабильности // Ежегодник «Виттевские чтения». 2013. № 1. С. 290–291.
17. Шведова Л. Е., Задерейчук Г. И. Использование советской символики в современной рекламной индустрии // МедиаВектор. 2022. № 3. С. 113–119.
18. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.
19. Boer R. The Soviet Union as a Multi-national and Anti-colonial State // Socialism in Power. Singapore: Springer, 2023. P. 89–111.
20. Kavolis V. Civilization Analysis as a Sociology of Culture. New York: E. Mellen Press, 1995. 223 p.
21. Kramer M. The Dissolution of the Soviet Union // Journal of Cold War Studies. 2022. Vol. 24. P. 188–218.
22. Pickett J. Soviet Civilization through a Persian Lens: Iranian Intellectuals, Cultural Diplomacy and Socialist Modernity 1941–55 // Iranian Studies. 2015. Vol. 48 (5). P. 805–826.

REFERENCES

1. Derendyaeva A. D. [Key Concepts of National Anthems in the Post-Soviet Space: Historical Continuity or New Identity?]. In: *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies], 2022, vol. 5, no. 2, pp. 170–180.
2. Dufraisse S. [The Advent of Sports Celebrities: How to Analyze the Celebrity Phenomena in Soviet Union]. In: *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], 2018, vol. 30, no. 2, pp. 83–100.
3. Epihina Yu. B. [Main Vectors of Interpretation of the Concept of “Social Justice” in Soviet Social Science]. In: *Social'naya spravedlivost' v russkoj obshchestvennoj mysli* [Social Justice in Russian Social Thought]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, pp. 168–176.
4. Kibalko O. V. [Semiotic Analysis of a New Year's Card from the USSR Era]. In: *Sovremennyyj diskurs-analiz* [Modern Discourse Analysis], 2021, no. 1 (27), pp. 15–33.
5. Kiuru K. V. [Verbal, Visual and Olfactory Identifiers of Brands of the Soviet Perfume as Symbols of the Epoch]. In: *Gorizonty civilizacii* [Horizons of Civilization], 2020, no. 1 (11), pp. 171–182.
6. Lourie S. V. [Friendship of Peoples in the USSR: A National Project or an Example of Spontaneous Interethnic Self-Organization]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2011, no. 4, pp. 145–156.
7. Meleshkina E. Yu. [The Prohibition of Communist Symbols in Post-Communist Countries]. In: *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University], 2019, vol. 9, no. 4 (40), pp. 36–45.
8. Münch F. [“Alyosha” Soviet Soldier Monuments in the Post-Communist Space]. In: *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 4 (45), pp. 60–68.
9. Platitsyna A. I., Mukhina N. E. [The Pride of the USSR: Space Development]. In: *Sovremennye problemy humanitarnykh i obshchestvennykh nauk* [Modern Problems of the Humanities and Social Sciences], 2017, no. 4 (17), pp. 66–71.
10. Popov A. D. [“Routes of Friendship”: Organization of International Tourism in Countries of Socialist Camp in 1950–1980s]. In: *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2021, no. 6, pp. 408–425.
11. Titov V. V. [The Role of Soviet Symbols in the National-State Identity Formation of the Russians]. In: *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Transbaikal State University], 2021, vol. 27, no. 3, pp. 82–86.
12. Tueva A. V. [The Russian/Soviet Influence on the Formation of the Modern Central Asian State Symbols]. In: *Istoricheskij put' Rossii: iz proshlogo v budushchee: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoy 800-letiyu so dnya rozhdeniya Velikogo knyazya Aleksandra Nevskogo, Sankt-Peterburg, 26 marta 2021 g.* [Historical Path of Russia: From the Past to the Future: Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 800th Anniversary of the Birth of Grand Duke Alexander Nevsky, St. Petersburg, March 26, 2021]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2021, pp. 585–591.

13. Filatova M. V. [I Really Want to Go Back to the Soviet Union: Nostalgia for the USSR through the Prism of the Series “Inside Lapenko.” “Lapenko Effect”]. In: *E-Scio*, 2021, no. 1 (52), pp. 59–67.
14. Hobsbaum E. [Russians’ Nostalgia for the USSR is Nostalgia for a Country in Which Money and Profit were not the Main Thing...]. In: *Svobodnaya mysl’* [Free Thought], 2011, no. 11 (1629), pp. 31–36.
15. Chalaya E. A., Bochkareva A. S. [Symbols of the Great Patriotic War in Belarus]. In: *Nauchnye trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Scientific Works of the Kuban State Technological University], 2015, no. 7, pp. 205–213.
16. Churadaeva A. V. [Confidence in the Future as a Factor and Indicator of Social Stability]. In: *Ezhegodnik “Vittevskie chteniya”* [Yearbook “Wittev Readings”], 2013, no. 1, pp. 290–291.
17. Shvedova L. E., Zaderechuk G. I. [The Use of Soviet Symbols in the Modern Advertising Industry]. In: *MediaVektor* [MediaVector], 2022, no. 3, pp. 113–119.
18. Spengler O. Der Untergang des Abendlandes (Rus. ed.: Svas’yan K. A., transl. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 1. Geshtal’t i dejstvitel’nost’*. Moscow, Mysl’ Publ., 1993. 663 p.).
19. Boer R. The Soviet Union as a Multi-national and Anti-colonial State. In: *Socialism in Power*. Singapore: Springer, 2023, pp. 89–111.
20. Kavolis V. Civilization Analysis as a Sociology of Culture. New York, E. Mellen Press, 1995. 223 p.
21. Kramer M. The Dissolution of the Soviet Union. In: *Journal of Cold War Studies*, 2022, vol. 24, pp. 188–218.
22. Pickett J. Soviet Civilization through a Persian Lens: Iranian Intellectuals, Cultural Diplomacy and Socialist Modernity 1941–55. In: *Iranian Studies*, 2015, vol. 48 (5), pp. 805–826.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мальченков Станислав Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва;
e-mail: stamal@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav A. Malchenkov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of World History, Political Science and Regional Studies, N. P. Ogarev Mordovia State University;
e-mail: stamal@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мальченков С. А. Цивилизационное единство постсоветского пространства: символические компоненты // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 102–111.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-102-111

FOR CITATION

Malchenkov S. A. Civilizational Unity of the Post-Soviet States: Symbolic Components. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 102–111.
DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-102-111

УДК 165.74

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-112-121

УМЕРЕННЫЙ И РАДИКАЛЬНЫЙ ТРАНСГУМАНИЗМ

Черемных Л. Г.¹, Губанов Н. Н.^{2,3}¹Тюменский государственный медицинский университет

625023, г. Тюмень, ул. Одесская, д. 54, Российская Федерация

²Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

105005, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5/1, Российская Федерация

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125 167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Дать авторское решение проблемы установления возможного результата трансгуманистических преобразований человека.

Процедура и методы. В работе проведён философский анализ различных концепций трансгуманизма. Используются методы сравнения, абстрагирования, индукции и дедукции, анализа и синтеза, мысленного моделирования.

Результаты. Среди многочисленных концепций трансгуманизма авторы выделили две группы: группу умеренных и группу радикальных трансгуманистических учений. Умеренные трансгуманисты полагают, что результатом преобразования природы человека будет *неочеловек*, который сохранит и разовьёт человеческую сущность при модификации её материального носителя. По мнению радикальных трансгуманистов, результатом применения НБИКС-конвергентных технологий станет гипотетический индивид *постчеловек*, обладающий другой сущностью в сравнении с немодифицированным человеком. Постчеловеку будет присуще мировоззрение радикального трансгуманизма, принципиально отличающееся от гуманизма. Авторами показано, что с гуманизмом несовместим только радикальный трансгуманизм. Это обстоятельство не учитывается биоконсерваторами, не признающими необходимости преобразований природы человека. Рассмотрены гипотетические варианты существа будущего: генетически модифицированный и технически улучшенный индивид, нанокиборгизированный индивид и виртуально-цифровой (бестелесный) индивид.

Теоретическая и/или практическая значимость работы. Полученные результаты позволяют человечеству сделать выбор в пользу умеренного трансгуманизма. Оно не согласится с собственным исчезновением даже ценой возникновения нового вида разумных существ. Наше будущее – не постчеловек, а неочеловек – индивид, обладающий человеческой сущностью и физическим телом.

Ключевые слова: гуманизм, неочеловек, постчеловек, радикальный трансгуманизм, умеренный трансгуманизм, цифровое существование

MODERATE AND RADICAL TRANSHUMANISM

L. Cheremnyh¹, N. Gubanov^{2,3}¹Tyumen State Medical University

ul. Odesskaya 54, Tyumen 625023, Russian Federation

²Bauman Moscow State Technical University

ul. 2-ya Baumanskaya 5/1, Moscow 105005, Russian Federation

³Financial University under the Government of the Russian Federation

prosp. Leningradsky 49/2, Moscow 125167, Russian Federation

Abstract

Aim. To present the authors' solution to the problem of establishing the probable result of transhumanist transformations of a person.

Methodology. The article provides a philosophical analysis of various concepts of transhumanism. Comparison methods are used, as well as abstraction, induction and deduction, analysis and synthesis and mental modeling.

Results. Among the numerous concepts of transhumanism, the authors identified two groups: a group of moderate transhumanist teachings and a group of the radical ones. Moderate transhumanists believe that the result of the modification of human nature will be a *neo-human* who will preserve and develop the human essence while modifying its material carrier. According to radical transhumanists, the result of the application of NBICS-convergent technologies will be a hypothetical *posthuman* with the essence different from an unmodified human. The posthuman will share the worldview of radical transhumanism, which is fundamentally different from humanism. The authors show that only radical transhumanism is incompatible with humanism. This circumstance is not considered by bioconservatives who do not recognize the need for transformations in human nature. Hypothetical variants of the creature of the future are considered: a genetically modified and technically improved individual, a nanocyborgized individual and a virtual digital (incorporeal) individual.

Research implications. The results obtained allow humanity to make a choice in favor of moderate transhumanism. Humanity will not accept its own disappearance, even if it results in the emergence of a new kind of sentient beings. Our future is not a posthuman, but a neohuman – an individual with a human essence and a physical body.

Keywords: humanism, neohuman, posthuman, radical transhumanism, moderate transhumanism, digital existence

Введение

Во всём мире наблюдается рост интереса к проблематике возможного преобразования природы человека с помощью НБИКС-конвергентных технологий. Этот интерес охватывает философов, культурологов, генетиков, психологов, политологов, педагогов, инженеров, представителей массовой культуры. Чаще всего указанная проблематика обозначается термином *трансгуманизм*. Последний рассматривается рядом учёных как новый этап развития гуманизма. Другие авторы полагают, что принципы традиционного гуманизма и радикального трансгуманизма несовместимы. Многие учёные и философы считают, что начавшиеся исследования по преобразованию природы человека будут самым значительным образом влиять на перспективы развития социума, поскольку существование человека всё больше зависит от использования различных технологий, основанных на достижениях современной науки. Оценка возможности и необходимости улучшения человека по-

рождает в нашем веке самое важное разногласие в науке и социуме. Н. Гилеспи отмечает: «Самая фундаментальная социальная и политическая проблема, стоящая перед миром сегодня – и завтра – это вопрос совершенствования человека»¹. М. Бесс полагает, что решение проблемы пределов преобразования природы человека «потрясёт этические и социальные основы нашей современной цивилизации» [14, p. 115].

Укреплению позиций трансгуманистического движения способствовали резонансные научные открытия, сделанные на рубеже веков. К такого рода достижениям следует отнести: клонирование овечки Долли и многих других животных (собаки, коровы, хорька, верблюда, волка); проигрыш многократного чемпиона мира по шахматам Гарри Каспарова² суперком-

¹ Гилеспи Н. Дискуссия по поводу причин: кто боится улучшения человека? // Sentient Developments science, futurist, life: [сайт]. URL: <http://www.sentientdevelopments.com/2006/01/reason-debate-whos-afraid-of-human.html> (дата обращения: 29.07.2023).

² Признан иноагентом Министерством юстиции РФ.

пьютеру; подведение итогов грандиозного международного проекта «Геном человека», позволившего установить полную последовательность генома человека (на выполнение этого проекта ушло 13 лет), расшифровка некоторых мозговых кодов сознания [10; 11].

Необходимость преобразования природы человека как вызов истории современному обществу

А. Д. Тойнби показал, что развитие общества происходит по правилу «Вызов-и-Ответ»: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [9, с. 99]. В XXI в. самые важные и опасные вызовы истории несут в себе глобальные проблемы. Одной из них можно считать и проблему преобразования природы человека. Д. И. Дубровский справедливо отмечает, что «наша цивилизация переживает неуклонно углубляющийся глобальный кризис, ведущий в итоге к её деградации и гибели» [3, с. 57]. Определяющую роль в возникновении и углублении указанного кризиса играют такие укоренённые в природе человека и воспроизводящиеся во все исторические эпохи качества, «как неуёмная потребительская интенция, агрессивность к себе подобным и чрезмерная эгоистическая устремлённость. Именно эти свойства ... надо изменить, чтобы избежать трагического исхода» [3, с. 58–59].

Таким образом, необходимость преобразования природы человека выступает как вызов истории современному обществу. И человечество не может уклониться от ответа на этот вызов. От характера этого ответа зависит сохранение и дальнейшее существование человеческой цивилизации. Поэтому проблему преобразования природы человека можно считать глобальной проблемой. Уже в настоящее время потенциал современных НБИКС (нано-, био-, информационных, когнитивных и социальногуманитарных) -конвергентных

технологий, позволяющий преобразовать природу человека, весьма велик. Сюда относятся создание искусственных органов чувств, кибернетических усилителей функций мозга (экзокортекса), интерфейсов компьютер-мозг, имплантация в организм чипов, расшифровка человеческого генома и нейродинамических кодов психической деятельности, клонирование организмов, непрерывно расширяющаяся киборгизация и др. [10]. Трансгуманисты полагают, что всё это поможет значительно улучшить природу человека и повысить продолжительность жизни вплоть до бессмертия.

Однако использование НБИКС-технологий несёт комплекс новых для человечества рисков. Так, реконструкции в геноме могут «повлечь неконтролируемую цепную реакцию мутаций, возникновение таких новых живых существ, которые не оставят человеку места на Земле» [2, с. 243]. Чрезмерные вмешательства в функционирование мозга могут привести к утрате человеческой сущности. Поэтому в высшей степени актуальной является проблема определения и установления допустимых границ использования научно-технических возможностей новых технологий для преобразования природы человека. Трансгуманизм представлен множеством различных направлений. Все они ставят своей целью улучшение человека посредством преобразования его природы с помощью технологий, основанных на достижениях науки. Но в определении допустимых границ таких преобразований и их конечного результата между направлениями наблюдаются существенные отличия.

Умеренный и радикальный трансгуманизм

М. Уолкер выделил две концепции преобразования природы человека: концепцию преобразования в пределах человеческого типа (сущности) и концепцию выхода за пределы этого типа [18]. В зависимости от выбора концепции преобразования природы человека направление трансгуманизма будет отнесено либо к

умеренному трансгуманизму, либо к радикальному. Трансгуманизм в наше время является не только философией, но и набирающим силу общественным движением. Оно представлено возникшими в конце XX в. организациями, которые имеют свой состав участников, программы, включающие в себя цель, задачи, методы действий, в том числе распространение трансгуманистических идей, проведение массовых акций, продвижение и финансирование научных проектов. В настоящее время существует много вариантов трансгуманизма, даже трудно определить, сколько именно, особенно с учётом того, что трансгуманистические идеи часто выражаются в художественных произведениях жанра киберпанка и многочисленных псевдонаучных сочинениях. Мы отдаём предпочтение умеренному трансгуманизму, поскольку для всех его направлений существует общая гуманная цель – совершенствование природы человека на основе научно-технических достижений для повышения качества жизни людей и её продления вплоть до бессмертия, но при обязательном условии сохранения сущности человека. На наш взгляд, учение умеренного трансгуманизма может послужить в качестве сильного ответа на современный вызов истории в лице НБИКС-технологий, который должен привести к возникновению неочеловека – индивида, обладающего человеческой сущностью и физическим телом.

С позиций аксиологии любое трансгуманистическое учение «может трактоваться либо как продолжение и развитие традиций гуманизма (коль скоро человек остаётся человеком), либо, напротив, как преодоление ценностей гуманизма, отказ от гуманистических традиций» [13, с. 14]. По этой причине трансгуманистическое движение включает в себя два полюса – умеренный и радикальный трансгуманизм. Первый из них берёт начало от Джулиана Хаксли (J. Huxley), автора термина *трансгуманизм*. Он писал: «Человеческий род может, если того захочет, превзойти самого себя, и делать это не только спорадически: кто-то в чём-нибудь одном, кто-то – в

чём-нибудь совсем другом, а совершенно иначе, в масштабах человечества в целом. Нам необходимо дать название этому новому убеждению. Возможно, здесь подойдёт слово трансгуманизм: человек останется человеком, но превзойдёт себя, реализуя новые возможности своей собственной природы» [16, р. 17].

Наиболее актуальная для трансгуманизма проблема состоит в установлении границы между человеком и предполагаемым модифицированным индивидом и выявлении условий, при которых этого индивида можно считать человеком. Для её разработки необходимо выявить объективные критерии, которые позволили бы считать какое-либо существо человеком или же не человеком. Это позволит в ходе трансгуманистических преобразований природы человека не утратить его сущности. Таким образом, решение проблемы приемлемости тех или иных форм преобразования человеческой природы в конечном счёте требует ответа на вопрос «Что такое человек?».

В настоящее время к умеренным трансгуманистам можно отнести Д. И. Дубровского [2], Д. И. Ицкова¹, Ю. А. Нестерова [4]. По их мнению, в ходе преобразований природы человека возникнет неочеловек, который будет обладать человеческой сущностью, но изменённым материальным выражением этой сущности. Показав необоснованность понимания преобразований природы человека как становления постчеловека – некоего дегуманизированного существа, лишённого нынешних фундаментальных ценностей, – Ю. А. Нестеров утверждает: «Это будет не пост-человек, а *нео-человек*, так как его сознание сохранит главные наши ценности – добро, красоту, истину, справедливость, любовь, творчество, духовное возвышение. Сохраняя свои общие значения, они будут наполнены

¹ Ицков Д. Путь к неочеловечеству как основа идеологии партии «Россия 2045» // Россия 2045. Стратегическое общественное движение: [сайт]. URL: <http://www.2045.ru/articles/30840.html> (дата обращения: 30.07.2023).

новым экзистенциально значимым содержанием» [4, с. 188]. К основным принципам эволюционного трансгуманизма Ю. А. Нестеровым относятся «высокая духовность, высокая культура, высокая этика, высокая наука, высокие технологии» [4, с. 189]. Умеренные трансгуманисты полагают, что современный человек является началом его управляемой эволюции как продолжения существовавшей ранее стихийной эволюции.

Неочеловек может стать более высокой ступенью развития человека, и между ними будет существовать преемственность, благодаря чему гуманизм может смениться умеренным трансгуманизмом, который имеет одинаковое ядро с гуманизмом, но в сравнении с последним будет обладать более богатым содержанием. Умеренный трансгуманизм можно квалифицировать как современную форму гуманизма – неогуманизм. В обществе неолудей «будет сознание с гораздо более высокими ценностями, смыслами и целями, не замусоренное мелочными заботами, побуждениями, амбициями, огорчениями, суетой нашего нынешнего бытия» [2, с. 247]. Дальнейшие исследования должны показать, в чём конкретно будут заключаться высокая этика, высокая культура, высокая духовность, каким новым экзистенциально значимым содержанием будут наполнены представления о ценностях неогуманизма.

Неочеловек может иметь телесную биологическую форму существования, значительно улучшенную методами генной инженерии и дополненную технологиями. Размножаться неолуды могут и естественным путём, и с помощью получения детей в биохимических установках. Некоторые ведущие отечественные представители трансгуманизма, в частности Д. И. Дубровский, Д. И. Ицков, А. Ю. Нестеров, полагают, что существо, возникшее в результате трансгуманистических преобразований, может существовать и в виде искусственного тела (аватара), но при этом сохранит человеческую сущность. Движение «Россия 2045» в своём Манифесте ставит задачей «Создание

международного научно-исследовательского центра киборгизации с целью практического воплощения главного технопроекта — создания искусственного тела и подготовки человека к переходу в него»¹.

В Манифесте трансгуманистов отмечается: «Не позднее 2045 года искусственное тело не только значительно превзойдёт по своим функциональным возможностям существующее, но и достигнет совершенства формы и сможет выглядеть не хуже человеческого. Люди самостоятельно будут принимать решение о продолжении жизни и развития в новом теле после того, как все ресурсы биологического тела будут исчерпаны»². Замысел трансгуманистов мог бы привести к реализации древней идеи о переселении душ, которая в разных культурах именовалась пунарджанмой, метемпсихозом, реинкарнацией. Предполагается, что человеческое сознание можно перенести в искусственное тело либо с помощью пересадки естественного мозга, либо в цифровой форме, и таким образом достичь бессмертия.

Предполагается, что способом достижения такого существования может быть *загрузка сознания*, или *апплодинг* (uploading), – гипотетический процесс переноса человеческого сознания в компьютер или в другой носитель. Отделение сознания от мозга для переноса его в искусственный носитель (сканирование) может достигаться посредством нанотехнологической разборки головного мозга на составляющие его атомы. «Различают *загрузку с разрушением*, при которой оригинал мозга уничтожается в процессе сканирования, и *загрузку без разрушения*, при которой оригинал мозга остаётся цел и невредим вместе с загруженной копией»³.

По мысли участников движения «Россия 2045», переход людей в искусственные тела может привести к замене

¹ Участники движения // Россия 2045. Стратегическое общественное движение: [сайт]. URL: <http://2045.ru/people/expert/s/?page=871> (дата обращения: 31.07.2023).

² Там же.

³ Бостром Н. Что такое загрузка? // FAQ по трансгуманизму: [сайт]. URL: <https://fil.wikireading.ru/62456> (дата обращения: 27.07.2023).

вещественно-энергетического потребления информационным. Это позволит разрешить сырьевую и энергетическую проблему и гармонизировать отношения общества и природы.

Некоторые трансгуманисты предельно осторожны в своих прогнозах, другие рисуют весьма оптимистические сценарии. Так, Д. И. Ицков даёт необычайно сильный прогноз. Он полагает, что «эволюционный трансгуманизм позволит осуществить переход к новой форме общественного устройства, к совершенно новой эпохе – неочеловечеству, где великой целью будет эволюция, самосовершенствование каждого человека и всего человечества. Все цели и задачи будущего общества будут ставиться с учётом эволюции нового кибернетического тела человека и раскрытия потенциала его сознания»¹. Допускаются возможность существования человека в нескольких телах, ликвидация в эпоху неочеловечества преступности. Будут «взяты под контроль негативные качества человека: агрессивность к себе подобным, чрезмерные эгоистические устремления, неуёмное потребительство, инертность»². Таким образом, российские умеренные трансгуманисты разрабатывают привлекательные планы совершенствования человека и социальных отношений.

К радикальным трансгуманистам относятся Н. Бостром [1], Р. Пепперелл [17], Э. Л. Грэхэм [15], К. Вулф [19]. По их мнению, результатом применения НБИКС-конвергентных технологий станет гипотетический индивид *постчеловек*, обладающий другой сущностью в сравнении с немодифицированным человеком. Так, Н. Бостром полагает, что постчеловек будет считаться потомком традиционного человека, но настолько модернизированного, что его уже невозможно будет назвать человеком. Метаморфозы коснутся

и анатомии, и интеллекта, и памяти. При этом человеку будущего будут неведомы усталость, депрессия, тревожность и скука [1]. И ещё: «Постчеловек (posthuman) – это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком. Многие трансгуманисты хотят стать постлюдьми»³. Для постчеловека будет характерно мировоззрение *радикального трансгуманизма*, принципиально отличающееся от гуманизма. Радикальный трансгуманизм несовместим с гуманизмом в связи с тем, что он противоречит главному принципу гуманизма: в нём высшей ценностью признаётся не жизнь человека, как в гуманизме, а жизнь постчеловека в будущем кардинально трансформированном бытии [11].

При этом варианте рассмотрения трансгуманистической эволюции преемственность между человеком и новым индивидом нарушается. Новая сущность, как известно, означает и возникновение нового объекта. Этот новый вид разумных существ, скорее всего, может быть представлен существующим в форме киборгов и в форме сознаний бывших людей в искусственных телах (аватарах). Некоторые представители радикального трансгуманизма считают возможным также электронное существование сознаний постлюдей в форме бестелесных цифровых объектов, т. е. компьютерных программ.

Специально отметим, что такое цифровое существование весьма проблематично. Возможно ли оно, и если да, то нужно ли? Существование в искусственном теле, на наш взгляд, возможно и необходимо для неограниченного продления времени жизни людей. Воспроизведение субъективной реальности в искусственной системе тоже возможно, о чём свидетельствуют принципы изофункционализма систем, инвариантности информации в отношении физических свойств её носителя, познаваемости мира. Возможно даже, что субъективные переживания возникают в информационной

¹ Ицков Д. Путь к неочеловечеству как основа идеологии партии «Россия 2045» // Россия 2045. Стратегическое общественное движение: [сайт]. URL: <http://www.2045.ru/articles/30840.html> (дата обращения: 30.07.2023).

² Там же.

³ Бостром Н. Что такое постчеловек? // FAQ по трансгуманизму: [сайт]: URL: <https://fil.wikireading.ru/62451> (дата обращения: 28.07.2023).

системе по достижении ею определённого уровня сложности. Но цифровое существование человека без какого-либо физического тела в виде компьютерной программы едва ли возможно. Так, А. В. Разин показал, «что сознание принципиально не может существовать без тела, причём тела, постадийно развивающегося, и без постоянной коммуникации субъекта, обладающего телом, с другими субъектами» [7, с. 55]. Но если даже такое бестелесное существование возможно, то вряд ли оно человечеству необходимо, поскольку сложно представить систему мотивов таких существ. Можно предположить, что большую роль для них мог бы играть мотив познания мира. Но ради чего может осуществляться познание при отсутствии у индивидов тела? Едва ли мотив познания ради познания может заменить множество человеческих мотивов. С утратой физического тела из культуры выпадают целые пласты: тема любви, портретная и телесная живопись, отношения родства, кулинария, тема хлеба насущного, хореография, спорт и т. д. Непонятно также, как будут размножаться такие существа, будут ли они иметь половую принадлежность и станут ли субъектами экономических отношений.

Учёт различий между умеренным и радикальным трансгуманизмом имеет большое значение для оценки трансгуманистических преобразований человека. Как известно, имеются многочисленные критики трансгуманизма, не признающие необходимости преобразований природы человека. Так, Н. С. Шиловская пишет: «... Трансгуманизм является ... поражением гуманизма, человека и бытия в целом» [12, с. 147]. Подобной точки зрения придерживается Л. А. Никифоров [5].

Следует отметить, что улучшение человека с помощью технологий, основанных на достижениях науки, уже началось и всё шире распространяется. Трансгуманизм является растущим международным движением [6], он активно осмысливает возникающую информацию о научных технологиях, которые пригодны для улучшения природы человека. Сюда относятся ис-

пользование различных протезов, электрических стимуляторов, имплантантов, чипов, усилителей телесных и психических функций, пластической хирургии и др. [8, с. 31]. И остановить этот процесс преобразования природы человека и нецелесообразно, и невозможно. Поэтому вопрос о необходимости этого преобразования уже решён самой социальной практикой. Остаётся только вопрос о пределах допустимых преобразований.

Биоконсерваторами не учитывается то, что с гуманизмом несовместим только радикальный трансгуманизм. «В центре гуманизма любовь к реально существующему человеку, в центре трансгуманизма – ... любовь к человеку пока несуществующему, человеку там и потом» [12, с. 144–145]. Приведённое утверждение Н. С. Шиловской следует отнести лишь к направлениям радикального трансгуманизма. Умеренные трансгуманисты не только не отказываются от положений традиционного гуманизма, но и стремятся к их творческому развитию. Здесь особенно следует отметить активные усилия участников Стратегического общественного движения «Россия 2045», в рядах которых на конец июля 2023 г. находилось 47596 человек в России и за рубежом¹.

Гуманизм и умеренный трансгуманизм имеют общие черты: признание жизни человека высшей ценностью; убеждённость в необходимости совершенствования человека; вера в закономерность и познаваемость мира; признание безграничных возможностей человеческого разума в познании и преобразовании мира; осознание незаменимой роли науки в обществе; принятие идеи социального прогресса.

Заключение

Умеренный трансгуманизм занимает срединное положение между биоконсерватизмом, не признающим необходимости

¹ Участники движения // Россия 2045. Стратегическое общественное движение: [сайт]. URL: <http://2045.ru/people/expert/s/?page=871> (дата обращения: 31.07.2023).

преобразования природы человека, и радикальным трансгуманизмом, допускающим возможность чрезмерных изменений этой природы и утраты человеческой сущности. Представители и умеренного, и радикального трансгуманизма признают необходимость совершенствования природы человека, только если первые признают преобразование лишь в пределах человеческой сущности, то вторые предполагают выход за эти пределы. Какой из этих двух

вариантов предпочтительнее? Думается, что первый: человечество едва ли согласится с собственным исчезновением, даже ценой возникновения нового вида разумных существ. Как мы полагаем, будущее человечества – не постчеловек, а неочеловек – индивид, обладающий человеческой сущностью и физическим телом.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
2. Дубровский Д. И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. М.: МБА, 2013. С. 237–252.
3. Дубровский Д. И. Главный вопрос проблемы сознания // Философские науки. 2017. № 1. С. 57–70.
4. Нестеров А. Ю. Проблема человека в свете идеологии эволюционного трансгуманизма // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. М.: МБА, 2013. С. 183–192.
5. Никифоров А. Л. Какое будущее готовит человечеству научно-технический прогресс? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 1. С. 123–137.
6. Ниязгулова А. А., Мельник Г. С. Философия трансгуманизма в медийном дискурсе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 144–153.
7. Разин А. В. Компьютер и мозг: проблема квалиа // Философия и общество. 2023. № 1. С. 42–56.
8. Тихонова С. В. Трансгуманизм, наука и лженаука: в поисках Неомодерна // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 29–39.
9. Тойнби А. Д. Постигание истории / пер. Е. Д. Жаркова. М.: Прогресс, 1996. 608 с.
10. Федюлина Е. В. Идея технологического бессмертия человека в философии постгуманизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Философия. 2020. № 4. С. 84–91.
11. Черемных Л. Г., Губанов Н. Н. Концепт постчеловека в современном философском дискурсе [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2023. № 1. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/820.html> (дата обращения: 10.08.2023).
12. Шиловская Н. С. От общества гуманизма к обществу трансгуманизма? // Философия и общество. 2013. № 3. С. 141–150.
13. Юдин Б. Г. Трансгуманизм: сверхгуманизм или антигуманизм? // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / под ред. Ф. Г. Майленовой. М.: Институт философии Российской академии наук, 2013. С. 10–24.
14. Bess M. D. Icarus 2.0: A Historian's Perspective on Human Biological Enhancement // Technology and Culture. 2008. Vol. 49. № 1. P. 114–126.
15. Graham E. L. Representations of the Post / Human: Monsters, Aliens and Others in Popular Culture. Manchester: University Press, 2002. 259 p.
16. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957. 318 p.
17. Pepperell R. The Posthuman Condition: Consciousness Beyond the Brain. Bristol: Intellect Books Publ., 2003, 203 p.
18. Walker M. Enhancing Genetic Virtue: A project for Twenty-First Century humanity? // Politics and the Life Sciences. 2009. Vol. 28. № 2. P. 27–47.
19. Wolf C. What is Posthumanism? Minneapolis: University Minnesota Press, 2010. 392 p.

REFERENCES

1. Boström N. Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies (Rus. ed.: Filin S., transl. *Iskusstvennyj intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2016. 496 p.).

2. Dubrovsky D. I. [Human Nature, Anthropological Crisis and Cybernetic Immortality]. In: *Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyuciya* [Global Future 2045. Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution]. Moscow, MBA Publ., 2013, pp. 237–252.
3. Dubrovsky D. I. [The Main Question of the Consciousness Problem]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2017, no. 1, pp. 57–70.
4. Nesterov A. Yu. [The Problem of Man in the Light of the Ideology of Evolutionary Transhumanism]. In: *Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyuciya* [Global Future 2045. Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution]. Moscow, MBA Publ., 2013, pp. 183–192.
5. Nikiforov A. L. [What Kind of Future is Humanity Consigned to by the Scientific and Technological Progress?]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy], 2023, vol. 27, no. 1, pp. 123–137.
6. Niyazgulova A. A., Melnik G. S. [The Philosophy of Transhumanism in Media Discourse]. In: *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian Vector], 2022, vol. 17, no. 2, pp. 144–153.
7. Razin A. V. [Computer and Mind: The Problem of Qualia]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2023, no. 1, pp. 42–56.
8. Tikhonova S. V. [The Transhumanism, the Science and the Pseudoscience: in Search of Neomodern]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2021, no. 10, pp. 29–39.
9. Toynbee A. J. A Study of History (Rus. ed.: Zharkov E. D., transl. *Postizhenie istorii*. Moscow, Progress Publ., 1996. 608 p.).
10. Fediulina E. V. [The Idea of Human Technological Immortality]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2020, no. 4, pp. 84–91.
11. Cheremnykh L. G., Gubanov N. N. [Posthuman Concept in the Modern Philosophical Discourse]. In: *Gumanitarnyj vestnik* [Humanities Bulletin of BMSTU], 2023, no. 1. Available at: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/820.html> (accessed: 10.08.2023).
12. Shilovskaya N. S. [From the Society of Humanism to the Society of Transhumanism?]. In: *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2013, no. 3, pp. 141–150.
13. Yudin B. G. [Transhumanism: is it Overhumanism or Antihumanism?]. In: *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 7* [Bioethics and Humanitarian Expertise. Vol. 7]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, pp. 10–24.
14. Bess M. D. Icarus 2.0: A Historian's Perspective on Human Biological Enhancement. In: *Technology and Culture*, 2008, vol. 49, no. 1, pp. 114–126.
15. Graham E. L. Representations of the Post / Human: Monsters, Aliens and Others in Popular Culture. Manchester, University Press, 2002. 259 p.
16. Huxley J. New Bottles for New Wine. London, Chatto & Windus, 1957. 318 p.
17. Pepperell R. The Posthuman Condition: Consciousness Beyond the Brain. Bristol, Intellect Books Publ., 2003. 203 p.
18. Walker M. Enhancing Genetic Virtue: A project for Twenty-First Century humanity? In: *Politics and the Life Sciences*, 2009, vol. 28, no. 2, pp. 27–47.
19. Wolf C. What is Posthumanism? Minneapolis, University Minnesota Press, 2010. 392 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черемных Лариса Георгиевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Тюменского государственного медицинского университета;
e-mail: evalex595@yandex.ru

Губанов Николай Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана; профессор департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa G. Cheremnyh – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of the Philosophy, Tyumen State Medical University;
e-mail: evalex595@yandex.ru

Nikolay N. Gubanov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of the Philosophy, Bauman Moscow State Technical University; Prof., Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Черемных Л. Г., Губанов Н. Н. Умеренный и радикальный трансгуманизм // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 112–121.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-112-121

FOR CITATION

Cheremnyh L. G., Gubanov N. N. Moderate and Radical Transhumanism. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 112–121.

DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-112-121

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: RUSSIAN PHILOSOPHY IN EXILE AND ERETZ-ISRAEL. PART 2.2. JERUSALEM: THE HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM, 2021. 280 P.

Степанова О. И.

*Московский педагогический гуманитарный университет
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88, Российская Федерация*

BOOK REVIEW: RUSSIAN PHILOSOPHY IN EXILE AND ERETZ-ISRAEL. PART 2.2. JERUSALEM, THE HEBREW UNIVERSITY OF JERUSALEM, 2021. 280 P.

O. Stepanova

*Moscow Pedagogical Humanitarian University
prosp. Vernadsky 88, Moscow 119571, Russian Federation*

“Russian Philosophy in Exile and Eretz – Israel” – это целая серия книг, которые выходят под грифом Еврейского университета в Иерусалиме. Первые книги тома знакомят читателя с перепиской между Николаем Бердяевым и Евсеем Шором. Следующие два тома серии имеют своей центральной фигурой Льва Исааковича Шестова, однако их содержание как ветви распадается на множество отдельных историй о семье, друзьях и единомышленниках русского философа.

В книгах изложен богатый архивный материал, многолетняя переписка родственников, друзей и знакомых Льва Исааковича как с ним самим, так и друг с другом на разных языках: на русском, французском, немецком и иврите. Для удобства читателя все письма переведены авторами сборника на английский язык. В нашей рецензии мы так же используем исключительно английские переводы, кроме тех писем, которые были написаны авторами на русском языке. Составителями и комментаторами сборника выступили талантливые учёные и специалисты по русскому зарубежью: Владимир Хазан и Владимир Янзен. Владимир Хазан проживает ныне в Израиле, преподаёт в Еврейском университете и посвящает множество своих статей и других работ русско-еврейскому диалогу. По всей видимости, этим его интересом и обусловлен выбор философа еврейского происхождения, родившегося в Российской империи, построившего всё здание своей философии на библейском откровении.

В двух томах “Russian Philosophy in Exile and Eretz – Israel. The Marvelous Land of Palestine. Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936” мы можем проследить за всеми попытками Л. Шестова, а также его друзей и родственников организовать визит философа в Иерусалим, которые начались ещё в середине 1920 г., а увенчались успехом лишь в 1936 г. На страницах книги разворачивается эпистолярная история взаимоотношений между сестрой философа Фанни Ловцкой и её наставником, преданным учеником З. Фрейда, Максом Эйтингтоном. Труд знакомит нас с перепиской между Львом Исааковичем и четой Мандельбергов. Елизавета Мандельберг была сестрой Льва

Шестова и активной участницей сионистских движений. Её муж, Лев Мандельберг, получил медицинское образование и стал талантливым хирургом.

Во втором томе мы наблюдаем за дружеской перепиской Льва Шестова и еврейского экзистенциального философа Мартина Бубера, а в Приложении знакомимся с жизнью семьи Ловцких и их потомков. Вторая часть книги в три раза меньше по объёму, чем первая, однако не менее значима.

Общими темами, проходящими через все письма, были вопросы финансовой составляющей, проблемы, возникающие у авторов при попытках публикации своих работ в иностранных журналах, а также переживания, с которыми неизбежно сталкивается каждый, кто под влиянием бушующих политических бурь принял решение покинуть свою Родину и основаться на чужой земле.

Все эти темы важны, но что несравненно наиболее важно – в письмах чувствуется сильная привязанность переписывающихся и тоска друг по другу. Эмигрировавшие из России мыслители оказались раскиданы по всему миру: кто-то жил и преподавал во Франции, как Лев Исаакович; кто-то поселился в Германии; некоторые отправились в Израиль. Вопросы финансовой составляющей стояли остро: не каждый изгнанник смог адаптироваться к новым жизненным условиям. Сыграло роль и то, что Европа переживала в период между Первой и Второй мировыми войнами не лучшие свои времена.

Рассматриваемые нами книги ценны тем, что они вводят исследователя в тот контекст, в котором жил, преподавал и писал Лев Исаакович после своей эмиграции. В них мы слышим не только голос самого философа, но и голоса его родных и друзей. Изучение ближайшего окружения мыслителя – это один из важнейших шагов на пути к пониманию его философии не в «отрыве от всего», а в связке со всем жизненным миром отдельного человека.

В рецензии мы не станем подробно рассматривать структуру и содержание книг,

поскольку это уже сделал известный литературовед Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский в своей статье «Русская философия в земле Израйля»¹. Мы сосредоточимся лишь на центральных сюжетах этих работ.

Визит Л. И. Шестова в Израиль

Ключевой сюжет первого тома, как видно из самого названия книг, – это подготовка и приезд Льва Исааковича в Израиль. Эта поездка для философа не просто имела ценность увлекательного путешествия, а давала Шестову возможность опереться ногами на почву, подышать воздухом земли, которая взрастила тех пророков, чей глас глубоко проник в сердце и мысль Льва Исааковича.

Шестов родился в еврейской семье, его отец был большим знатоком древнееврейской письменности, человеком свободомыслящим и имел весьма широкий кругозор. Сам Лев Исаакович получил обычное для того времени образование в 3-ей киевской гимназии, а позже в Московском и Киевском университетах.

Мыслитель не являлся большим знатоком еврейской религиозности и не знал иврита, однако большинство его философских сюжетов основывались на книгах Ветхого Завета. Знаменитая работа Льва Исааковича «Афины и Иерусалим» выражает ту надежду, которую философ возлагал на безусловную веру Иерусалима.

Несомненно, на мысли Льва Исааковича оказали сильное влияние не только еврейская, но также русская и европейская философии. Возможно, некоторые его интерпретации сюжетов Ветхого Завета не каноничны с точки зрения еврейской религиозности, но, несмотря на всё это, труды философа в немалой степени пропитаны духом Израйля, что сделало его визит на Святую Землю важнейшим событием как для внутренней жизни философа, так и для еврейского сообщества.

¹ Лаппо-Данилевский К. Русская философия в земле Израйля // Новое Литературное обозрение. 2022. № 173. С. 383–387.

Первые попытки устроить визит философа на Святую Землю были осуществлены в сентябре 1925 г. В одном из своих писем чете Мандельбергов философ обмолвился о своём желании посетить Израиль. Со стороны Льва Исааковича это была лишь лирика, однако уже в следующем письме Мандельберги обещают организовать эту поездку. Лев Исаакович пишет в ответном письме: «Только что получил ваши письма. Когда я вам писал о поездке в Палестину – это была чистая лирика или, по-русски, бессмысленное мечтание. И вдруг оказывается, что мечтание может превратиться в действительность!»¹. К сожалению, этой поездке не суждено было состояться.

В следующие годы Львом Исааковичем, его родственниками и друзьями было предпринято несколько попыток организовать поездку философа с лекциями в Иерусалим, однако успехом эти попытки увенчались лишь в далёком 1936 г. Поездка состоялась благодаря усилиям: выдающегося психоаналитика и друга Л. Шестова Макса Эйтингтона, который взял на себя значительные расходы; сестры философа Фанни Ловцкой и её мужа Германа Ловцкого, которые приняли активное участие как в финансовой, так и в организационной стороне вопроса; Евсея Шора, который на тот момент был лично не знаком с мыслителем, однако являлся горячим почитателем его философии; а также благодаря стараниям других друзей и родственников философа, которых последний имел весьма немалое количество. В своём письме Макс Ефимович Лев Шестов пишет: «Пишу Вам только несколько слов, чтобы поблагодарить Вас за хлопоты и извиниться за них: без Вас, конечно, моя поездка не состоялась бы»².

Неизбежно возникает вопрос, почему же между первой попыткой визита на Святую Землю и её успешной реализацией прошло целых одиннадцать лет? В кни-

ге мы находим несколько ответов на этот вопрос. В эмиграции Лев Исаакович был стеснён в финансовых вопросах, и, несмотря на то, что Иерусалимский университет был готов взять на себя часть издержек по организации приезда философа и его лекций в Израиле, этого было недостаточно. Шестов не мог покрыть оставшуюся часть расходов из собственного бюджета.

Переговоры о визите Льва Исааковича велись с Еврейским университетом в Иерусалиме и с израильским профсоюзом Гистадрут. На всём протяжении переписки с израильской стороной возникали сложности и разногласия по многим вопросам. Здесь будут упомянуты лишь некоторые из них: были проблемы с определением тем лекций, которые готовился прочитать Лев Исаакович в Иерусалиме; также возникали трудности с согласованием конкретной даты приезда философа, которая была бы одинаково приемлема как для самого мыслителя, так и для израильской стороны; у переписывающихся возникали разногласия по установлению той суммы, которая будет выслана философу Иерусалимом, и той суммы, которую он покроет из собственного бюджета. Переписка часто либо обрывалась, либо ответа от университета приходилось ждать месяцами. Неоднократно философа просили перенаправить своё обращение к другому лицу, которое было ответственно за тот или иной конкретный вопрос. Возникала неразбериха, философ будто оказывался в кафкианском замке, где надежды увидеть своими глазами землю израильских пророков, покидали его.

Следующий отрывок из письма философа своей сестре Елизавете Мандельберг прольёт больше света на те препятствия, с которыми пришлось столкнуться Льву Исааковичу в попытках организовать свой визит в Израиль: «Получил телеграмму от Histadrut, потом твоё письмо, потом их письмо. Не могу сказать, что письмо Histadrut мне что-нибудь объяснило. Ещё в июне до моего приезда в Chatel, Histadrut мне написал, что визу и деньги на проезд мне доставит Palestineant. Когда в середине октября я вернулся в Париж – оказалось,

¹ Khazan V., Janzen V. Russian Philosophy in Exile and Eretz – Israel. "The Marvelous Land of Palestine" Around Lev Shestov's Visit to Eretz Israel in 1936. Pt. 2. Bk. 1. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021. P. 68.

² Ibid. P. 155.

что визы нет... Я написал вам, что приходится отложить отъезд либо на четыре недели, либо до весны. От тебя и от Саши пришли настойчивые письма: ехать сейчас. Мы взяли визы и тут телеграмма: Hiddadruth не может устроить лекций теперь. Но тогда почему они вам этого не сказали и заставили нас без нужды хлопотать и тратиться. По-моему, главная причина посредничества Palestineamt. Ей до меня и лекций моих нет никакого, очевидно, дела – и тоже мало её огорчает, что Герману и мне пришлось столько хлопотать и бегать»¹.

После первого визита в Израиль Львом Исааковичем и его друзьями планировалась повторная поездка через год. О впечатлении от визита и о планах на повторный приезд Льва Исааковича пишет философ и историк русской мысли Евсей Давидович Шор, который оказал немалое содействие первому визиту философа в Израиль: «Вы, вероятно, с разных сторон слышали, да и Лев Исаакович сам Вам, наверное, писал, что лекции его в Тель-Авиве прошли с очень большим успехом; читал Лев Исаакович прекрасно, завоевал всеобщее расположение и любовь, и многие ждут с нетерпением его возвращения в Палестину. Для меня приезд и пребывание его были настоящим праздником; его философия приобретает в личном общении с ним и новую жизнь, и новую глубину; а беседы с ним доставляют совершенно исключительное удовольствие. Если только обстоятельства позволят это, в будущем сезоне я хочу провести в Тель-Авиве ряд бесед, как бы семинар, посвящённой философии Льва Исааковича, чтобы приготовить публику ко второму приезду его»².

Как отмечает дочь Льва Исааковича Наталья Баранова-Шестова, отцу необычайно понравились и страна, и люди Израиля³. Повторное путешествие на

Святую Землю помогло бы как философу, так и израильской интеллектуальной публике лучше понять и прочувствовать друг друга, наладить более устойчивые связи. К сожалению, поездке не суждено было состояться: 19 ноября 1938 г. Лев Исаакович скончался в Париже, в клинике на улице Буало.

Переписка Льва Шестова и Мартина Бубера

Второй том почти полностью посвящён эпистолярному диалогу Л. Шестова и М. Бубера. Ценно в этой переписке то, что с её помощью мы проникаем в самую суть философии Льва Исааковича и Мартина Бубера. В предыдущих переписках, опубликованных в этих книгах, присутствуют семейное родство и уже вытекающая из него схожесть во взглядах. Здесь же перед нами предстают два человека, которые родились и проживали в разных странах и чей жизненный опыт так же весьма различен. Однако, бывает такое, что идейное родство соединяет людей гораздо крепче, чем семейные узы. В многолетней переписке двух великих философов видна сильная духовная близость.

Сложившиеся отношения между мыслителями были многогранны: Лев Шестов писал предисловие к одной из работ Мартина Бубера; оба философа испытывали неослабевающий интерес к сочинениям друг друга. Каждый из них внимательно следил за философской деятельностью другого. При публикациях они помогали друг другу, используя свои связи в издательствах. Выходцам из России не всегда было легко найти подходящее издательство для своих работ, поскольку для этого и нужны были связи в издательствах. Мартин Бубер активно содействовал публикациям трудов русского философа на немецком языке. Вот что пишет сам Лев Исаакович о помощи Мартина Бубера: «Вы, должно быть, уже получили копию моей недавно опубликованной книги “Auf Hiobs Wage” от доктора Шнайдера. Единственное, что я могу сделать, это выразить вам искреннюю

¹ Khazan V., Janzen V. Russian Philosophy in Exile and Eretz – Israel. “The Marvelous Land of Palestine” Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936. Pt. 2. Bk. 1. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021. P. 148.

² Ibid. P. 55.

³ Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников: в 2 т. Т. 2. Париж: La Presse Libre, 1983. С. 169.

благодарность: без вас книга, вероятно, не нашла бы издателя»¹.

Основанием для такой поддержки, несомненно, были идейное родство и многолетняя дружба двух мыслителей. В ответ на письмо Мартина Бубера, Лев Исаакович пишет: «Я рад, что именно вас “в очередной раз поразило созвучие с ходом ваших мыслей” при чтении моей книги. Это лучший комплимент, который вы могли мне сделать. Даже среди философов и богословов большинство так враждебно настроено – не только к моим сочинениям, но и к самой возможности вопросов, которые я обсуждаю в своих книгах»². Оба мыслителя ощущали созвучие мыслей в разговоре о «единственно важном».

Единым корнем философской мысли М. Бубера и Л. Шестова была Библия. В своей работе, посвящённой Мартину Буберу, Лев Исаакович пишет: «Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что все его сочинения, даже те, которые на первый взгляд, по заглавию своему и по темам, как будто не имеют ничего общего с Библией, являются в последнем счёте только комментариями и истолкованиями этой загадочной книги»³. Про мысль Льва Исааковича можно сказать то же самое: вся она основывается на Библии и еврейском предании.

Несмотря на идейное родство Льва Исааковича и Мартина Бубера, был один вопрос, на который их взгляды сильно различались – это проблема первородного греха. В переписке между философами зарождается дискуссия на эту тему. В письмах мы видим лишь основные штрихи этого обсуждения, поскольку сама тема была слишком обширна и сложна, чтобы обсуждать её в формате переписки. Лев Шестов пишет: «Процесс изучения ещё более затруднён тем, что мне трудно понять ваш взгляд на библейскую историю

о первородном грехе. Вы пишете, что мы расходимся в этой теме. Я так и предполагал, но нигде в Ваших работах не смог найти чёткого изложения Вашего мнения»⁴. И в конце этого письма Лев Исаакович задаёт своему адресату риторический вопрос: «Возможно, вы, создавший такой блестящий перевод Библии на немецкий язык, до сих пор не знаете о Змее – этом вечном враге псалмопевцев и пророков?»⁵.

Действительно, взгляды мыслителей на первородный грех расходятся. В своей работе «Образы добра и зла: Два образа веры» М. Бубер видит в первородном грехе не только проклятие, но и благословение: «Человека направляють из предназначенного ему места на его путь, путь человеческий... Это путь в историю мира... мир лишь благодаря этому обретает историю и цель в ней»⁶.

В отличие от Мартина Бубера Лев Исаакович видит в первородном грехе лишь проклятие, великую катастрофу человека, который решился примкнуть к знанию и отойти от Божественной свободы творить вне ведения добра и зла. Человек до грехопадения был причастен этому Божественному Всемогуществу, но после познания добра и зла утратил свою свободу и добровольно отдал себя под иго разума. Лев Исаакович пишет: «Достаточно было змиею сделать своё коварное предложение, как человек, забывши о гневе Божиим и обо всех грозивших ему опасностях, сорвал яблоко с запретного дерева. И тогда истина, прежде, то есть до сотворения мира и человека – единая, раскололась и разбилась на великое, может, бесконечно великое множество самых разнообразных, вечно рождающихся и вечно умирающих истин»⁷.

¹ Khazan V., Janzen V. Russian Philosophy in Exile and Eretz – Israel. “The Marvelous Land of Palestine” Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936. Pt. 2. Bk. 2. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021. P. 767.

² Ibid. P. 774.

³ Шестов Л. Мартин Бубер // Путь. 1933. № 39. С. 70.

⁴ Khazan V., Janzen V. Russian Philosophy in Exile and Eretz – Israel. “The Marvelous Land of Palestine” Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936. Pt. 2. Bk. 2. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021. P. 820.

⁵ Ibid. P. 821.

⁶ Бубер М. Два образа веры / пер. С. В. Лезова, А. Ю. Миронова. М.: Мыслители XX века, 1995. С. 132.

⁷ Шестов Л. Великие кануны. М.: Аст, 2007. С. 301.

Важность этой проблемы не стоит недооценивать: интерпретация Шестовым библейского сюжета о грехопадении занимает центральное место в его философии. Разногласие между философами по этому вопросу спровоцировало длительную и увлечённую дискуссию между ними, однако никак не отразилось на их многолетней крепкой дружбе. «Я чувствую в тебе друга»¹, – пишет Лев Исаакович. Это «чувство» в его душе просуществовало до самой смерти великого русского философа.

После смерти Шестова Мартин Бубер напишет ему панегирик, который, к сожалению, до сих пор не найден. Почти через два десятилетия со смерти русского философа в 1964 г. Мартин Бубер напишет: «Шестов – один из представителей мыслителей нашей эпохи. Он вопрошающий мыслитель. Но не так, как Сократ, который изначально знает правильный ответ и сначала “иронично” утаивает его от своего собеседника. У Шестова не закончились ответы в кармане; но он знает, о чём следует спрашивать сегодня и здесь; он учит нас спрашивать. При этом он не уклоняется порой от того, чтобы найти вместо одного два противоречащих друг другу ответа. Он сам указывал, что привык открыто говорить о подобных противоречиях. Но тем самым он учит нас чему-то очень важному для нас, современных людей: нельзя преждевременно преодолевать подобные противоречия – и это кажется очевидным. Именно бесстрашная честность его вопросов сделала Шестова выдающимся религиозным мыслителем»².

Мартин Бубер благодаря многолетней дружбе и идейному родству смог понять,

и, что не менее важно, оценить значимость мысли Льва Шестова. Действительно, способность ставить вопросы и избегать преждевременных и обобщающих ответов, смелость философствовать без почвы под ногами – это умения, необходимые не только философу, но и каждому человеку в современном мире.

Сюжеты в томах “Russian Philosophy in Exile and Eretz – Israel. The Marvelous Land of Palestine. Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936” кажутся весьма различными, однако все они объединены одной целью: проследить ту нить, которая связывает Льва Исааковича и его семью с Израилем. В книгах авторы рассматривают не только интеллектуальную преемственность, но также участие ближайшего окружения философа в политической жизни Израиля. Речь идёт о создании еврейских сообществ, профсоюзов родственниками и друзьями философа. Помимо основной задачи книга отвечает ещё на множество других вопросов: какими были отношения в семье Льва Шварцмана? с какими проблемами сталкивались российские эмигранты за рубежом? чем был занят Л. Шестов в период своей вынужденной эмиграции во Францию?

Эти книги приоткрывают нам дверь в частную жизнь философа и помогают нам составить более реалистичный образ русского мыслителя Льва Исааковича Шестова. В этом и во многом другом и заключается несомненная значимость двух томов “Russian Philosophy in Exile and Eretz – Israel. The Marvelous Land of Palestine. Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степанова Ольга Игоревна – аспирант кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета;
e-mail: 15101995ol@gmail.com

¹ Khazan V., Janzen V. Russian Philosophy in Exile and Eretz – Israel. “The Marvelous Land of Palestine” Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936. Pt. 2. Bk. 2. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021. P. 890.

² Ibid. P. 740.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Stepanova – Postgraduate Student, Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University
e-mail: 15101995ol@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Степанова О. И. Рецензия на книгу: Russian Philosophy in Exile and Eretz–Israel. Part 2.2. Jerusalem: The Hebrew University Of Jerusalem, 2021. 280 p. // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 122–128.

FOR CITATION

Stepanova O. I. Book Review: Russian Philosophy in Exile and Eretz–Israel. Part 2.2. Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem, 2021. 280 p. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2023, no. 3, pp. 122–128.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Ю. А. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8,25, уч.-изд. л. 11,75.

Подписано в печать: 31.10.2023 г. Дата выхода в свет: 17.11.2023 г. Заказ № 2023/10-08.

Отпечатано в ГУП

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А